

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 2 (74)

2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Кривова Д. А.</i> Стратегия Кабинета министров на юго-востоке Европейской России в 1737–1739 гг.: «время В. Н. Татищева»	5
<i>Муфтахутдинова Д. Ш.</i> К вопросу о служилых татарах-мишарях в Зауралье	20
<i>Соборнов П. Е.</i> Задачи органов земского самоуправления (март – октябрь 1917 г.) и пути их решения	33
<i>Таскин Д. А.</i> Влияние приграничного фактора на партизанское движение Восточного Забайкалья	42
<i>Кабытов П. С., Чирков М. С.</i> Особенности демографии сельских территорий Куйбышевской области в период хрущевской оттепели	52

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Белоусов С. В.</i> Римские денарии <i>triumviri monetales</i> 82 г. до н.э.: к вопросу об использовании метода сравнения штемпелей в монетной эмиссии эпохи Античности и Средневековья	67
<i>Митрофанов В. П.</i> Попытки решения проблемы пауперизма местными властями в Англии кануна революции середины XVII в.	82

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

<i>Семина Н. В., Сухова О. А.</i> Власть и общество Пензенской губернии в годы новой экономической политики	97
<i>Терещенко Я. В.</i> Демографическая ситуация в Пензенском крае в условиях реформ административно-территориального деления в 1920–1930-е гг.	110
<i>Воейков Е. В.</i> Промышленность Пензенской области на начальном этапе Великой Отечественной войны в архивных документах и региональной историографии (на примере завода № 704 в с. Каменка)	121

Якупова Д. В. «Организовать обмолот по-большевистски!»: визит в Пензу заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР А. И. Микояна 24–25 ноября 1942 г.	132
Повалихин В. В. Реформа народного образования 1984 г. в СССР: региональный аспект (на материалах Пензенской области).....	151

РЕЦЕНЗИИ

Карнишин В. Ю. Национальные окраины позднеимперской России: адаптация к правовым изменениям во второй половине XIX – начале XX в.	163
---	-----

UNIVERSITY PROCEEDINGS VOLGA REGION

HUMANITIES

№ 2 (74)

2025

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

- Krivova D.A.** The strategy of the Cabinet of Ministers in the south-east of European Russia in 1737–1739: “the time of V.N. Tatishchev” 5
- Muftakhutdinova D.Sh.** On the issue of the servise Tatars-Mishars in the Trans-Urals..... 20
- Sobornov P.E.** Tasks of zemsky self-government bodies (March – October 1917) and ways to solve them 33
- Taskin D.A.** The influence of the border factor on the partisan movement of Eastern Trans-Baikal region..... 42
- Kabytov P.S., Chirkov M.S.** Features of the demography of rural areas of Kuibyshev region during the “Khrushchev thaw” 52

GENERAL HISTORY

- Belousov S.V.** Roman denarius triumviri monetales 82 B.C.: on the use of the method of comparing stamps in the coin issue of antiquity and the middle ages..... 67
- Mitrofanov V.P.** Attempts to solve the problem of pauperism by local authorities in England on the eve of the revolution in the middle of the 17th century..... 82

PAGES OF THE HISTORY OF PENZA REGION

- Semina N.V., Sukhova O.A.** The government and society of Penza region during the NEP 97
- Tereshchenko Ya.V.** The demographic situation in Penza region under the reforms of the administrative-territorial division in the 1920–1930s 110
- Voeikov E.V.** The industry of Penza region at the initial stage of the Great Patriotic War in archival documents and regional historiography (by the example of plant No. 704 in Kamenka village) 121

<i>Yakupova D.V.</i> “To organize grain threshing in the Bolshevik-style!”: visit to Penza by Deputy Chairman of the Council of People’s Commissars of the USSR A.I. Mikoyan on November 24–25, 1942.....	132
<i>Povalikhin V.V.</i> The reform of public education in 1984 in the USSR: a regional aspect (by the materials of Penza region).....	151

CRITICAL REVIEWS

<i>Karnishin V.Yu.</i> National outskirts of late imperial Russia: adaptation to legal changes in the second half of the 19 th – early 20 th centuries	163
--	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

NATIONAL HISTORY

УДК 94(47).063

doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-1

Стратегия Кабинета министров на юго-востоке Европейской России в 1737–1739 гг.: «время В. Н. Татищева»

Д. А. Кривова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, Самара, Россия

dariya4191@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования определяется тем, что изучение взаимоотношений между центральными и местными властями в период руководства Оренбургской экспедицией (комиссии) В. Н. Татищевым дает возможность проследить политику Кабинета министров на юго-востоке Европейской России во второй половине 1730-х гг. Цель работы заключается в изучении стратегии Кабинета в его взаимодействии с Сенатом на юго-востоке в 1737–1739 гг. *Материалы и методы.* Исследование построено на анализе документов, извлеченных из фондов Российского государственного архива древних актов, Объединенного государственного архива Оренбургской области, Научного архива Уфимского научного центра Российской академии наук, а также на основе изучения опубликованных законодательных и делопроизводственных материалов. Были использованы историко-генетический и сравнительно-исторический методы. *Результаты.* Проанализирована работа системы высших государственных учреждений – Кабинета министров и Сената на юго-восточном направлении в 1737–1739 гг. Выявлено изменение политики Кабинета после башкирского восстания 1735–1736 гг. *Выводы.* Во второй половине 1730-х гг. учреждений «Кабинет – Сенат» окончательно сложился в пользу Кабинета как руководящего звена в системе центральных властей. Политика Кабинета министров на юго-восточном направлении при Татищеве приобрела более осторожный характер.

Ключевые слова: Российская империя XVIII в., Анна Иоанновна, Кабинет министров, Сенат, А. И. Остерман, В. Н. Татищев, Оренбургская экспедиция (комиссия), башкирские восстания 1730-х гг.

Для цитирования: Кривова Д. А. Стратегия Кабинета министров на юго-востоке Европейской России в 1737–1739 гг.: «время В. Н. Татищева» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 5–19. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-1

The strategy of the Cabinet of Ministers in the south-east of European Russia in 1737–1739: “the time of V.N. Tatishchev”

D.A. Krivova

Samara National Research University, Samara, Russia

dariya4191@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the research is determined by the fact that the study of relations between the central and local authorities during the period of V.N. Tatishchev's leadership of the Orenburg expedition (commission) makes it possible to trace the policy of the Cabinet of Ministers in the south-east of the European Russia in the second half of the 1730s. The purpose of the work is to study the strategy of the Cabinet in its interaction with the Senate in the south-east in 1737–1739. *Materials and methods.* The study is based on the analysis of documents extracted from the fonds of the Russian State Archive of Ancient Acts, the United State Archive of Orenburg Region, the Scientific Archive of Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, as well as on the study of published legislative and office records materials. The study utilized historical-genetic and comparative-historical methods. *Results.* The work of the system of higher state institutions – the Cabinet of Ministers and the Senate in the south-east in 1737–1739 is analyzed. The change in the policy of the Cabinet after the Bashkir uprising of 1735–1736 is revealed. *Conclusions.* In the second half of the 1730s, the mechanism of interaction between the “Cabinet-Senate” institutions was finally formed in favor of the Cabinet as the leading link in the system of central authorities. The policy of the Cabinet in the south-eastern direction under Tatishchev became more cautious.

Keywords: the 18th century Russian Empire, Anna Ioannovna, Cabinet of Ministers, Senate, A.I. Osterman, V.N. Tatishchev, Orenburg expedition (commission), Bashkir uprisings of the 1730s

For citation: The strategy of the Cabinet of Ministers in the south-east of European Russia in 1737–1739: “the time of V.N. Tatishchev”. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(2):5–19. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-1

Введение

В 1730-х гг. важнейшая роль в управлении государством принадлежала Кабинету министров. Так, его руководство приняло активное участие в организации в 1734 г. Оренбургской экспедиции – учреждения, направленного на укрепление юго-восточных рубежей и расширение экономических и дипломатических связей России со Средней и Центральной Азией.

Башкирское восстание 1735–1736 гг. стало ключевым эпизодом в деятельности Оренбургской экспедиции. Его последствия были настолько велики, что не только внесли существенные перемены в работу самой экспедиции, но и привели к изменению политики Кабинета министров на юго-восточном направлении в целом. Правительству пришлось временно отказаться от некоторых чрезвычайно амбициозных задач, поставленных еще в проекте Кирилова, например налаживания торгового пути в Индию, и в первую очередь сосредоточиться на поддержании стабильности в регионе – проведении мер по подавлению башкирских восстаний, упорядочению экономической ситуации, строительству крепостей для защиты населения от набегов кочевников.

Дореволюционные исследователи редко обращались к истории и работе Кабинета министров. Еще менее исследована его деятельность на юго-восточном направлении Европейской России. Чаще всего историки – такие как С. М. Соловьев [1, с. 198–690], В. О. Ключевский [2, с. 279–303], касались эпохи правления Анны Иоанновны в общем. Царствование императрицы напрямую связывали с режимом «бироновщины», подразумевавшим усиление роли иностранцев в управлении государством.

Советская историография царствования Анны Иоанновны в целом придерживалась традиционной точки зрения о «немецком засилье» при императрице. Например, М. И. Семин прямо заявлял, что Анна Иоанновна, питавшая «злобу и ненависть ко всему русскому», отдала власть «шайке немецких проходимцев». По его мнению, Кабинет министров представлял собой лишь инструмент влияния определенного круга лиц, с помощью которого они удовлетворяли свои личные интересы [3, с. 25–39].

Негативная оценка царствования Анны Иоанновны сохранялась в советской историографии вплоть до 1960-х гг. В дальнейшем историки пытались выявить и положительные стороны в изучаемой эпохе. Так, С. М. Троицкий полагал, что именно правительство Анны Иоанновны делало попытки навести порядок в финансовой сфере [4, с. 138].

В постсоветский период изучения рассматриваемого периода можно отметить всплеск интереса к царствованию императрицы. Среди вышедших исследований особо следует выделить труды Е. В. Анисимова [5, с. 236–262], И. В. Курукина [6, с. 225–269]. Примечательно, что эти историки в своих работах опровергали миф о засилье иностранцев в правящей элите.

Необходимо также отметить монографии Н. Н. Петрухинцева [7, 8], который является автором фундаментальных трудов, посвященных комплексному изучению внутренней политики Анны Иоанновны. В своих исследованиях автор приходит к заключению, что основным результатом царствования Анны Иоанновны была стабилизация системы, созданной Петром I.

Следует отметить, что вопрос управления территориями Кабинетом министров на юго-востоке частично рассмотрен в монографии историка А. В. Демкина [9, с. 176–196]. Исследователь пришел к выводу, что данный регион обладал своей спецификой. По его мнению, территория «Азиатской России» была в то время еще слабо освоена – отделенная от центра большими расстояниями, она находилась почти под полным контролем местных властей.

Деятельность Оренбургской экспедиции в 30–40-х гг. XVIII в. проанализирована в работе Ю. Н. Смирнова [10]. Так, он уделил особое внимание одному из самых ярких и талантливых ее руководителей – В. Н. Татищеву – в период его нахождения в Самаре. Автор доказал, что Татищев несколько отодвигал в сторону первоначальные стратегические замыслы Кирилова и все свои действия направлял на то, чтобы обосноваться и закрепиться в Самарском Заволжье – к примеру, способствовал увеличению людских ресурсов края, руководил расселением крещеных калмыков в основанном им Ставрополе.

Тем не менее проблема взаимоотношений между центральными и местными властями в 1730-х гг. по-прежнему нуждается в изучении, поскольку полноценного исследования по взаимодействию Кабинета министров и местных структур так и не написано.

В связи с этим цель статьи состоит в том, чтобы проследить то, какова была стратегия Кабинета министров на юго-восточном направлении в период руководства Оренбургской экспедицией (комиссией) Татищевым. Кроме того, необходимо исследовать и роль Сената в данном вопросе, поскольку этот государственный орган продолжал сохранять высокое значение в системе государственных учреждений 1730-х гг.

Хронологические рамки исследования ограничены 1737 г. – первой половиной 1739 г. В это время Оренбургскую экспедицию возглавлял В. Н. Татищев. С его именем связан новый этап во взаимоотношениях центральных и местных государственных структур на юго-восточном направлении, и именно он способствовал завершению башкирского восстания 1735–1736 гг.

Источниковая база работы представлена архивными и опубликованными материалами. Нами были изучены документы Российского государственного архива древних актов, Объединенного государственного архива Оренбургской области, а также Научного архива Уфимского научного центра РАН.

Роль Кабинета на юго-востоке проявляется в делах фонда Российского государственного архива древних актов «Кабинет министров, г. Санкт-Петербург» (№ 177) [11–13]. Документация Кабинета дает возможность проследить, как именно этот высший государственный орган занимался координацией основных задач в данном крае.

Материалы фонда «Сенат и его учреждения» (№ 248) [14] позволили проанализировать донесения Татищева в Сенат по хозяйственным вопросам экспедиции (комиссии). Примечательно, что сенатские материалы могли быть отправлены с запросом в Кабинет или же просто дублироваться в этом учреждении для ознакомления.

Благодаря материалам фондов Объединенного государственного архива Оренбургской области «Оренбургская экспедиция, г. Уфа Оренбургской губернии 1734–1737 гг.» (№ 1) [15], «Канцелярия Оренбургской комиссии, г. Самара Оренбургской губернии 1737–1744 гг.» (№ 2) [16] была выявлена панорама взаимоотношений между Кабинетом министров, Сенатом и руководящими лицами Оренбургской экспедиции (комиссии), Комиссии башкирских дел – И. К. Кириловым, В. Н. Татищевым, Л. Я. Соймоновым.

Что касается материалов Научного архива Уфимского научного центра РАН, здесь нами был рассмотрен фонд личного происхождения уфимского краеведа Д. С. Волкова (№ 23) [17] по истории башкирских восстаний 1730-х гг. К сожалению, нужные документы не дают полного представления о рассматриваемой теме.

Опубликованные материалы включают в себя внутренние документы Кабинета министров [18–21], вышедшие в сборниках Императорского Русского исторического общества под редакцией А. Н. Филиппова. Они включают в себя журналы Кабинета, а также приложения к ним в виде именных указов, сообщений, резолюций Кабинета.

Необходимо упомянуть и шестой том «Материалов по истории Башкортостана» [22], в котором содержится ценная информация по действиям центральных и местных властей, направленных на прекращение башкирских восстаний.

Итак, изучение вышеизложенных источников позволяет нам выявить стратегию Кабинета министров на юго-востоке Европейской России в 1737–1739 гг.

Основная часть

В январе 1737 г., когда башкирская проблема казалась решенной, в Кабинет поступили рапорты от генерала-майора князя Репнина и полковника Беклемишева о постоянных нападениях казахов (их также называли киргиз-кайсаками) на русские поселения и калмыцкие улусы под Царицыном [15, л. 18–20 об.]. В такой ситуации, опасаясь усиления новых враждебных сил на юго-востоке, министры в феврале того же года предлагали Кирилову, в случае если с казахами не получится договориться, дать возможность башкирам совершить на них нападение. Как известно, по словам Татищева, казахи и раньше собирались с ними воевать [15, л. 14–15].

В условиях относительно мирной обстановки на юго-восточном направлении перемены коснулись руководства Башкирской комиссии. По распоряжению Кабинета 25 января 1737 г. ее начальнику Ф. С. Хрущеву было приказано отправиться на Украину в связи с продолжающейся Русско-турецкой войной. Вместо него на освободившийся пост решено было поставить астраханского вице-губернатора Л. Я. Соймонова [15, л. 12].

Сам же Кирилов выступил против предложения Кабинета, основанного на мнении Татищева, заменить сбор штрафных лошадей с башкир на службу в Азовском походе против турок [22, с. 378–379]. Возможно, он опасался, что башкиры вновь могли взбунтоваться.

Подозрения Кирилова подтвердились – в апреле 1737 г., получив сведения о новых выступлениях среди башкир, Кабинет рекомендовал Кирилову отложить отправление башкирского войска на службу и прежде всего казнить главных башкирских бунтовщиков, чтобы не допустить расширения восстания [15, л. 63–64].

Ситуация на юго-восточном направлении вскоре осложнилась еще и тем фактом, что Кирилов заболел и умер в Самаре 14 апреля 1737 г. По указу кабинет-министров от 7 мая того же года временное руководство Оренбургской экспедицией возлагалось на полковника Бахметьева [15, л. 70].

Однако именным указом императрицы от 10 мая 1737 г. дело Оренбургской экспедиции перешло к Татищеву, одновременно пожалованному в тайные советники [12, л. 139]. Исследователи неоднократно отмечали, что таким образом правительство Анны Иоанновны пыталось избавиться от неудобного чиновника, вызвавшего недовольство фаворита Э. И. Бирона [10, с. 64].

Бесспорно, Татищев – историк, географ, экономист, инженер-артиллерист – являлся знаковой фигурой своего времени. Еще с 1720 г. он имел опыт руководства металлургическими заводами на Урале, был знаком с национальной спецификой на юго-востоке. За то короткое время, что Василию Никитичу довелось провести в роли начальника Оренбургской экспедиции, изменилась стратегия местного руководства на юго-восточном направлении – можно сказать, она стала более гибкой и осторожной. В этой связи интересны его взаимоотношения с Кабинетом – насколько министры поощряли инициативы его проектов, оказывали ли финансовую поддержку.

Следует подчеркнуть, что во второй половине 1730-х гг. роль Кабинета в государственных делах постепенно возрастает. А. В. Фаизов отмечал, что 1735–1740 гг. можно считать «периодом расцвета» Кабинета, когда политическая линия правления Анны Иоанновны разрабатывалась именно в этом учреждении [23, с. 51].

Это не могло не сказаться и на политике Кабинета на юго-восточных территориях. Если ранее весомое значение в государственных вопросах явно принадлежало Сенату – от сенаторов исходило множество важных указов, руководители экспедиции отправляли свои рапорты именно в Сенат, то в 1737 г. и особенно в 1738 г. большинство донесений Татищева, а также Ф. С. Хрущева и Л. Я. Соймонова шли напрямую в Кабинет [22, с. 530, 548, 589].

По именному указу императрицы, данному из Кабинета, от 9 июня 1737 г. Татищеву поручили заняться окончательным подавлением башкирского восстания. В связи с этой проблемой в Мензелинске нужно было организовать совещание, на котором требовалось присутствие наиболее влиятельных персон из местного руководства [24, с. 169].

По прибытии 14 июля в Мензелинск Татищев, а также уфимский воевода Шемякин, генерал-майор Соймонов, полковники Тевкелев и Бардукевич провели генеральное совещание, итоги которого подведены в экстракте, переданном Кабинетом на усмотрение Сената 13 августа 1737 г. В нем сказано, что для «определения башкир под разные суды» следовало отделить городок Осу, а также основать Красноуфимскую крепость и особую Исетскую провинцию [16, л. 16–16 об.]. Таким образом, Красноуфимская крепость и Осинский городок становились пригородами, подчиненными Уфимской провинциальной канцелярии, но с особыми воеводами, которые назначались Сенатом [25, с. 141].

Приехав в Самару по окончании Мензелинского совещания, Татищев сразу обратил внимание на ошибки предшествующего управления. В своем письме И. А. Черкасскому Василий Никитич писал, что, приступив к делам, обнаружил, что Оренбургскую экспедицию, «как видно по обману Тевкелева и Кирилова, для чаемого великого прибытка начали» [26, с. 37–38].

Тайный советник критиковал Кирилова в том, что нужного канцелярского порядка, основанного на уставе, не было установлено; протокол и журнал не велись как следует, списков служащих с их окладами не существовало [1, с. 601].

Вследствие этой обнаруженной проблемы кабинет-министры от 25 сентября 1737 г. объявили о сборе «из всех мест ведомостей» о расходе на Оренбургскую комиссию денег, провианта и прочих припасов с сообщением о том Василию Никитичу [18, с. 583].

Финансовый вопрос Оренбургской экспедиции по-прежнему оставался одним из самых важных. В этой связи следует особо отметить объявленное из Кабинета Сенату сообщение от 10 ноября 1737 г., где говорилось, что Татищевым было получено уже 50 тыс. рублей, из которых потратили 35 тыс. Остальные деньги должны были пойти на уплату за майскую треть жалованья и подряженный провиант – в итоге в ближайшем будущем на эти нужды платить было не из чего. Поэтому министры приняли решение выделить Василию Никитичу еще 50 тыс. руб. на потребности экспедиции [18, с. 672].

Кроме того, начальник Оренбургской экспедиции сделал вывод, что местность для строительства Оренбурга была выбрана Кириловым неудачно. Она ежегодно подвергалась затоплению, и потому крепость следовало строить на другом, более возвышенном месте [1, с. 601]. Обратившись в Сенат, Василий Никитич смог доказать целесообразность переноса Оренбурга. Для поисков нового участка для возведения города была отправлена специальная

команда инженер-майора Ратиславского, которая предложила поместить его возле урочища Красная Гора [27, с. 55]. Но Кабинет тем не менее рекомендовал не торопиться с переносом и строительством Оренбурга из-за опасности нападений кочевавших поблизости казахов.

Поэтому, учитывая недавние башкирские выступления, министры советовали Татищеву сначала привести местные дела в порядок и добиться окончательного «замирения» башкир [16, л. 42–45].

В целом же при Василии Никитиче продолжалось активное строительство крепостей, начатое его предшественником Кириловым. По сведениям Р. Г. Букановой, в период руководства Татищевым Оренбургской экспедицией (комиссией) были заложены следующие крепости – Тевкелев Брод, Переволока, а также Елшанская, Сорочинская – на р. Самаре; Татищева пристань, Чернореченская, Бердская, Губерлинская – на р. Яик; Мочинская крепость в двадцати верстах южнее Самары, Ставрополь-на-Волге – для удержания калмыков за Волгой [25, с. 144].

Тем временем башкирская проблема по-прежнему являлась поводом для беспокойства властей. Судя по сообщению из Сената в Кабинет в августе 1737 г., взбунтовавшиеся башкиры в своих набегах действовали сообща с каракалпаками и казахами и собирались «идти до Казани» [18, с. 519–520].

Татищев не мог оставить без внимания башкирский вопрос. Проведя переговоры в начале января 1738 г. с башкирскими старшинами, выслушав их жалобы и предложения, Василий Никитич выработал ряд предложений по башкирской проблеме, которые изложил в своем донесении в Кабинет от 22 января 1738 г. [8, с. 549]. Одним из его ключевых положений была идея о передаче сбора ясака на башкирских старшин и сотников [22, с. 531–535].

Кроме того, в отличие от Кирилова Татищев настаивал на необходимости более мягкого обращения с башкирами в целом. Так, в своем письме от 9 января 1738 г. Остерману и Черкасскому Василий Никитич признался, что помиловал руководителей восстания – Кильмяка, Юсупа и Акая [22, с. 530–531].

Предложения Татищева нашли одобрение у Кабинета министров. В данном случае интересно ознакомиться с резолюциями А. И. Остермана на экстракт, составленный в Кабинете из донесения Татищева от 22 января 1738 г. Андрей Иванович последовательно дал по каждому пункту сообщения свои комментарии. В частности, он согласился с тезисом Василия Никитича о передаче сбора ясака на башкирских старшин и сотников, но заодно решил узнать и мнение Сената по данному вопросу. Любопытно, что Остерман сомневался в правоте Татищева относительно прощения предводителей восстания. Однако, хотя вице-канцлер полагал, что башкир следовало казнить, он все же подтвердил решение тайного советника [22, с. 537–539]. Вполне возможно, что Остерман просто не мог открыто выступить против помилования и поддержал Татищева вынужденно.

Итак, 17 марта 1738 г. по указу Кабинета на имя Татищева были приняты решения о сборе в башкирских жилищах ясака их старшинами, а не целовальниками и ясачниками. Вместе с тем в соответствии с советами Татищева Кабинетом был принят ряд мер, суть которых заключалась в налаживании отношений с башкирами – было определено дать им подводы наравне с мещеряками, чувашами и черемисой; помиловать предводителей восстания; отпустить штрафы и ясак тем башкирам, которые пока не были в состоянии их

выплатить, со взятием с них в том поруки [16, л. 33–35 об.]. Примечательно, что 17 марта Сенату было приказано немедленно прислать свое мнение в Кабинет по донесению Татищева [16, л. 36–36 об.].

Предпринятые меры оказали положительное воздействие на ситуацию с башкирами. В июне 1738 г. в Кабинет поступило сообщение от Татищева о том, что башкиры перестают бунтовать и приводят штрафных лошадей [20, с. 64]. Однако делать вывод о полном прекращении выступлений все равно было нельзя – время от времени они продолжали то возобновляться, то затихать вплоть до 1740 г.

Башкирские восстания наложили свой отпечаток и на экономическую ситуацию в юго-восточном крае. Заметно, что правительство готово было пойти навстречу местным жителям, понесшим убытки от набегов. 12 мая 1737 г. Кабинет одобрил доклад Сената о невзыскании доимок с жителей Бахмутской и Уфимской провинций, разоренных башкирами [24, с. 145–146]. В июле того же года министры утвердили резолюцию на сообщение Сената о разрешении оренбургским соляным промышленникам беспощадно торговать разными товарами в уважение понесенных ими убытков от башкир [24, с. 210–214].

Между тем на юго-востоке дала знать о себе угроза со стороны казахов. Еще в декабре 1737 г. царицынский комендант Кольцов писал в Сенат об опасности появления казахов на Волге между Астраханью и Царицыным и в качестве меры предосторожности просил выслать дополнительный драгунский полк в его команду. Однако Сенат отказал Кольцову в просьбе и отправил свое решение в Кабинет для ознакомления [11, л. 9–9 об.].

Вскоре положение усугубилось тем, что хан Младшего казахского жуза Албухаир предложил российскому правительству свою помощь в подавлении башкирских волнений. Но, получив разрешение властей на вступление со своим войском в Башкирию, хан стал разорять ее земли, не разделяя мирных жителей от бунтовщиков [28, с. 23–24]. Ситуацию осложнял и тот факт, что часть орды Албухаира грабила не только башкир, но и волжских калмыков и русское население. Эти события вызвали ответную реакцию министров, объявивших 6 февраля 1738 г. указ Татищеву, где говорилось о том, чтобы перешедших Волгу казахов немедленно нужно задержать [16, л. 1–1 об.].

Весной 1738 г. положение еще более осложнилось – в донесении в Кабинет от 9 мая Татищев признавал, что «башкиры начали новые нападения чинить». К тому же в это время хан Албухаир сговорился с башкирскими старшинами и стал открыто проявлять враждебное отношение к России [17, л. 72]. Так, в конце апреля 1738 г. хан вместе с башкирами подошел к Оренбургу и объявил город своим [28, с. 25].

Эта новость вызвала сильное недовольство Кабинета, поскольку угроза нависла над Оренбургом, который нужно было сохранить во что бы то ни стало. Тогда 22 июня 1738 г. министры приказали Татищеву немедленно ехать к крепости, чтобы остановить Албухаира [17, л. 50–51 об.]. В июле 1738 г. министры в достаточно резкой форме отметили, что Татищев и Соймонов «в искоренении воров не так поступают, как надлежало» [16, л. 52–53 об.].

Так как действия казахов коснулись и калмыков, в стороне не мог остаться и калмыцкий хан Дондук Омбо, решивший отомстить казахам «за учиненные обиды». В этих обстоятельствах министры советовали Татищеву

действовать максимально осторожно. Они признавали, что в условиях Русско-турецкой войны ссоры между калмыками и казаками были совсем не выгодны. Любопытно, что в мае 1738 г. Кабинет рекомендовал Татищеву уговорить Дондук Омбо отказаться от посылки калмыцких войск против казахов «якобы от себя, а не по указу» [16, л. 46–46 об.].

Впоследствии, когда Албухаир уже стал представлять реальную угрозу для Оренбурга, мнение Кабинета изменилось. В июне 1738 г. в указе говорилось, что, если казахский хан действительно вступил в союз с башкирами, нужно было помочь калмыцкому хану. Но если же Албухаир остался верен российскому правительству, в это дело не стоило вмешиваться [16, л. 51 об.].

Вследствие этого Татищев поспешно отправился в поход и приехал в Оренбург 15 июля 1738 г., куда спустя две недели прибыл и Албухаир. В результате сложных длительных переговоров, в которых тайный советник принимал первостепенное участие, присяга казахского хана была подтверждена повторно [28, с. 27].

В июле 1738 г., когда проблема с казахским ханом уже была решена, Кабинетом было решено отпускать деньги Татищеву «без всякого замедления». Незадолго до этого Василий Никитич жаловался, что в финансовых средствах очень стеснен – поэтому и к Оренбургу приехал не так быстро, как было нужно. В столице понимали, что, если по его требованию не ускорить выдачу денег, Оренбургская экспедиция, которая к тому времени была переименована в комиссию, может прекратить свое существование [20, с. 88].

Отсюда следует, что, несмотря на недавний выговор, министры по-прежнему готовы были предоставлять Василию Никитичу материальную поддержку. Более того, они продолжали доверять ему и непростые дипломатические задачи. К примеру, по именному указу от 16 сентября 1738 г. министры не дали точного ответа относительно просьбы казахов позволить им отомстить башкирам. Они, с одной стороны, признавали, что государству выгодно, если при помощи казахов взбунтовавшиеся башкиры были бы наказаны, с другой стороны, понимали – казахи могли навредить и верным башкирам. Поэтому в этом вопросе министры полностью полагались на мнение Татищева, поскольку именно он назначен «главным командиром» на юго-восточной окраине [24, с. 611–616].

Таким образом, по действиям правительства заметно, что его цель заключалась в недопущении военных конфликтов между местными народами юго-востока. Проводником этой политики как раз и выступал Татищев как начальник Оренбургской экспедиции (комиссии) [29, с. 508].

Однако в первых числах января 1739 г. ситуация изменилась – по приказу императрицы Татищев приехал в столицу на первый взгляд для того, чтобы отчитаться о своей деятельности в юго-восточном крае [30, с. 41–42].

Казалось бы, кабинет-министры по-прежнему готовы были оказывать поддержку Василию Никитичу. В пользу этого факта говорит указ от 8 марта 1739 г., по которому отдельно Татищеву было приказано выделить 12 тыс. руб., а также отправить в Самару 30 тыс. с Екатеринбургских заводов и 20 тыс. из Сибирской губернии [21, с. 228–229].

Однако энергичной деятельности Татищева на юго-востоке все же пришел конец. Буквально вслед за ним в Санкт-Петербург отправился Тевкелев

с доносом. Василия Никитича обвиняли во взятках, присвоении жалованья, определенного киргизскому хану и старшинам, и т.д. [30, с. 290].

В январе 1739 г. Сенату был направлен именной указ, контрассигнованный кабинет-министрами о начале расследования о работе Василия Никитича в связи с жалобами на него и полковника Орлова от капитана Петра Калачева [21, с. 24]. А уже 27 мая 1739 г. по приказу министров была создана комиссия для расследования по делу Татищева. Основной состав этой комиссии исходил из Кабинета, от Сената же требовалось определить еще двух членов из различных коллегий [21, с. 510–511].

Хотя официально Василий Никитич был арестован в связи с жалобой Тевкелева, вероятно, в этом сложном деле не обошлось без интриг Э. И. Бирона. Трудно поверить в то, что Тевкелев мог самостоятельно выступить против такой видной фигуры, как Татищев, до этого располагавшей почти полной поддержкой Кабинета – Остермана, Черкасского и, по словам Н. Н. Петрухинцева, скорее всего, А. П. Волынского, так как с ним самим и его «конфидентами» Татищев якобы поддерживал хорошие отношения [8, с. 585]. Вряд ли министров не устраивало качество работы Татищева – на первый взгляд, они, наоборот, ценили его опыт, а также неоспоримые таланты и потому нередко полагались на его мнение в трудных вопросах.

Любопытную информацию содержит челобитная Татищева, поданная на имя императрицы в 1739 г. В этом документе Василий Никитич жаловался, что серьезную роль в его плачевном положении сыграл министр Волынский, имевший на него «старую злобу». По словам Татищева, как раз по «проискам Волынского» был учрежден над ним суд, в состав которого входили «некоторые приятели» министра, что не могло способствовать тому, чтобы судебное решение было справедливым [13, л. 52–53].

Однако в 1744 г. в своих письмах князю И. А. Черкасову Василий Никитич уже пишет, что именно Бирон «ища себе надлежащей власти и силы» решил, что Татищев мешал ему в похищении доходов от сибирских заводов и искал разные способы от него избавиться [26, с. 42].

Как бы там ни было, новым руководителем Оренбургской комиссии указом Кабинета от 17 июня 1739 г. был назначен советник Адмиралтейской коллегии В. А. Урусов, одновременно произведенный в генерал-поручики [21, с. 564–565].

Заключение

Итак, обобщая все вышесказанное, можно прийти к следующим выводам. В 1737–1739 гг. роль Кабинета министров на юго-восточном направлении приобретает более весомый и активный характер. Механизм работы учреждений «Кабинет – Сенат» окончательно складывается в пользу Кабинета как руководящего звена в системе центральных властей Российской империи. Подавляющее большинство документов по назначению руководящих лиц, финансовой поддержке, процессу подавления башкирских восстаний, секретным дипломатическим распоряжениям исходит именно из Кабинета. Если в первой половине 1730-х гг. Кабинет занимался координацией наиболее серьезных вопросов, а с второстепенными задачами вполне справлялся Сенат, то примерно с 1737 г. учащаются случаи, когда Сенат отправляет основные бумаги на резолюцию министрам. Бывало, что и Кабинет спрашивал совета

у Сената, но даже в таких случаях решающее слово все же оставалось за кабинет-министрами.

Башкирское восстание 1735–1736 гг. не могло пройти бесследно для экономической политики Кабинета на юго-востоке. Правительство понимало, что за годы борьбы с башкирами местное население, в том числе и русское, истощено финансово, а потому нуждается в особом подходе. Нельзя забывать и то, что регион являлся многонациональным, а потому возможные противоречия между русским населением и народами юго-восточной окраины могли представлять серьезную угрозу для Российской империи.

1737 – начало 1739 гг. связаны с личностью Татищева в качестве руководителя Оренбургской экспедиции (комиссии). Оказавшись на такой непростой должности, Татищев со свойственной ему энергичностью стремился объять многое – пытался урегулировать отчетность, находившуюся в запущенности при Кирилове, собирался перенести Оренбург на другое место, предпринимал меры по подавлению башкирских восстаний, курировал вопросы дипломатии. Удаленность юго-восточной окраины от центра в ряде случаев способствовала тому, что Василий Никитич был вынужден действовать самостоятельно. Не исключено, что иногда подобная инициатива могла быть выгодна министрам, поскольку снимала ответственность с центральных властей за принятие сложных решений. По резолюциям кабинет-министров на рапорты Татищева заметно, что они относились с вниманием к его инициативам, ценили его точку зрения и готовы были обеспечить ему материальную поддержку. Однако в конце концов в 1739 г. из-за придворных интриг Василий Никитич все же оказался под следствием, а его дело на посту руководителя Оренбургской комиссии было продолжено В. А. Урусовым.

В целом можно сказать, что стратегия Кабинета министров на юго-восточном направлении при Татищеве приобрела более обдуманый и осторожный характер. Учитывая предыдущие ошибки, обернувшиеся башкирским восстанием 1735–1736 гг., министры видели главную цель в мирном сосуществовании русского населения с местными народами и постепенном продвижении российского влияния далее на юго-восток.

Список литературы

1. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. М. : Соцэкгиз, 1963. Кн. 10. 786 с.
2. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1989. Т. 4. С. 279–304.
3. Семин М. И. Бироновщина // Исторический журнал. 1938. № 4. С. 25–39.
4. Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М. : Наука, 1966. 275 с.
5. Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб. : Лениздат, 1994. 496 с.
6. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань : Частный издатель П. А. Трибунский, 2003. С. 225–269.
7. Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота : монография. СПб. : Алетей, 2001. 352 с.
8. Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740) : монография. М. : РОССПЭН, 2014. 1062 с.

9. Демкин А. В. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны и управление территориями Российской империи. 1731–1740 гг. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2021. 254 с.
10. Смирнов Ю. Н. Оренбургская (комиссия) экспедиция и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара : Самарский университет, 1997. 190 с.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 177. Оп. 1. Д. 49.
12. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. Д. 68.
13. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. Д. 107.
14. РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 134.
15. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5.
16. ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3.
17. Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1.
18. Сборник Императорского Русского исторического общества (СИРИО) : в 148 т. Т. 117. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Ч. 6. 1737 г. Юрьев : Типография К. Матисена, 1904. 850 с.
19. СИРИО : в 148 т. Т. 120. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Ч. 7. Январь – июнь 1738 г. Юрьев : Типография К. Матисена, 1905. 584 с.
20. СИРИО : в 148 т. Т. 124. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Ч. 8. Июль – декабрь 1738 г. Юрьев : Типография К. Матисена, 1906. 590 с.
21. СИРИО : в 148 т. Т. 126. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Ч. 9. Январь – июнь 1739 г. Юрьев : Типография К. Матисена, 1907. 666 с.
22. Материалы по истории Башкортостана : в 6 т. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / сост. Н. Ф. Демидова ; под ред. Н. В. Устюгова. Уфа : Китап, 2002. 768 с.
23. Фаизов А. В. Делопроизводственная документация Кабинета министров в 1731–1741 гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 3 (23). С. 38–48.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. : в 50 т. Т. X. 1737–1739 гг. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 990 с.
25. Буканова Р. Г. Города-крепости России юго-востока России в XVIII веке: История становления городов на территории Башкирии. Уфа : Китап, 1997. 253 с.
26. Пекарский П. П. Новые известия о Татищеве. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1864. 66 с.
27. Сафонов Д. А. Начало Оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII века). Оренбург : Оренбургская губерния, 2003. 92 с.
28. Добросмыслов А. И. Тургайское управление. Исторический очерк. Вып. 3. Тверь : Типо-лит. Н. М. Родионова, 1902. 524 с.
29. Джунджузов С. В., Любичанковский С. В. Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. № 3. С. 494–524.
30. Носкова О. Л. В. Н. Татищев – государственный деятель, военный, ученый (к 325-летию со дня рождения) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 5. С. 287–291.

References

1. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen: v 15 kn. = History of Russia from ancient times: in 15 books*. Moscow: Sotsekgiz, 1963;(bk. 10):786. (In Russ.)
2. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya: v 9 t. = Essays: in 9 volumes*. Moscow: Mysl', 1989;4:279–304. (In Russ.)
3. Semin M.I. Biron influence period. *Istoricheskiy zhurnal = Historical journal*. 1938;(4):25–39. (In Russ.)
4. Troitskiy S.M. *Finansovaya politika russkogo absolyutizma v XVIII veke = Financial policy of Russian absolutism in the 18th century*. Moscow: Nauka, 1966:275. (In Russ.)
5. Anisimov E.V. *Rossiya bez Petra: 1725–1740 = Russia without Peter: 1725–1740*. Saint Petersburg: Lenizdat, 1994:496. (In Russ.)
6. Kurukin I.V. *Epokha «dvorskikh bur'»: Ocherki politicheskoy istorii poslepetrovskoy Rossii, 1725–1762 gg. = The era of “court storms”: essays on the political history of post-Peter Russia, 1725–1762*. Ryazan: Chastnyy izdatel' P.A. Tribunskiy, 2003:225–269. (In Russ.)
7. Petrukhintsev N.N. *Tsarstvovanie Anny Ioannovny: formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud'by armii i flota: monografiya = The reign of Anna Ioannovna: formation of the domestic policy and the fate of the army and navy: monograph*. Saint Petersburg: Aleteyya, 2001:352. (In Russ.)
8. Petrukhintsev N.N. *Vnutrennyaya politika Anny Ioannovny (1730–1740): monografiya = Domestic policy of Anna Ioannovna (1730–1740): monograph*. Moscow: ROSSPEN, 2014:1062. (In Russ.)
9. Demkin A.V. *Kabinet ministrov imperatritsy Anny Ioannovny i upravlenie territoriyami Rossiyskoy imperii. 1731–1740 gg. = The Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna and the administration of the territories of the Russian Empire. 1731–1740*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2021:254. (In Russ.)
10. Smirnov Yu.N. *Orenburgskaya (komissiya) ekspeditsiya i prisoedinenie Zavolzh'ya k Rossii v 30–40-e gg. XVIII veka = Orenburg (commission) expedition and the annexation of the Trans-Volga region to Russia in the 30–40s of the 18th century*. Samara: Samarskiy universitet, 1997:190. (In Russ.)
11. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 177. Op. 1. D. 49 = Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 177. Item 1. File 49*. (In Russ.)
12. *RGADA. F. 177. Op. 1. D. 68 = Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 177. Item 1. File 68*. (In Russ.)
13. *RGADA. F. 177. Op. 1. D. 107 = Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 177. Item 1. File 107*. (In Russ.)
14. *RGADA. F. 248. Op. 17. D. 134 = Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 248. Item 17. File 134*. (In Russ.)
15. *Ob"edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (OGAEO). F. 1. Op. 1. D. 5 = United State Archive of Orenburg region. Fund 1. Item 1. File 5*. (In Russ.)
16. *OGAEO. F. 2. Op. 1. D. 3 = United State Archive of Orenburg region. Fund 2. Item 1. File 3*. (In Russ.)
17. *Nauchnyy arkhiv Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN. F. 23. Op. 1. D. 1 = Scientific Archive of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Fund 23. Item 1. File 1*. (In Russ.)
18. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva (SIRIO): v 148 t. T. 117. Bumagi Kabineta ministrov imperatritsy Anny Ioannovny 1731–1740 gg. Ch. 6. 1737 g. = Collection of the Imperial Russian Historical Society: in 148 volumes. Volume 117. Papers of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna 1731–1740. Part 6. 1737*. Yur'ev: Tipografiya K. Matisena, 1904:850. (In Russ.)
19. *SIRIO: v 148 t. T. 120. Bumagi Kabineta ministrov imperatritsy Anny Ioannovny 1731–1740 gg. Ch. 7. Yanvar' – iyun' 1738 g. = Collection of the Imperial Russian Historical Society: in 148 volumes. Volume 120. Papers of the Cabinet of Ministers of Empress*

- Anna Ioannovna 1731–1740. Part 7. January – June 1738.* Yur'ev: Tipografiya K. Matisena, 1905:584. (In Russ.)
20. *SIRIO: v 148 t. T. 124. Bumagi Kabineta ministrov imperatritsy Anny Ioannovny 1731–1740 gg. Ch. 8. Iyul' – dekabr' 1738 g.* = *Collection of the Imperial Russian Historical Society: in 148 volumes. Volume 124. Papers of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna 1731–1740. Part 8. July – December 1738.* Yur'ev: Tipografiya K. Matisena, 1906:590. (In Russ.)
 21. *SIRIO: v 148 t. T. 126. Bumagi Kabineta ministrov imperatritsy Anny Ioannovny 1731–1740 gg. Ch. 9. Yanvar' – iyun' 1739 g.* = *Collection of the Imperial Russian Historical Society: in 148 volumes. Volume 126. Papers of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna 1731–1740. Part 9. January – June 1739.* Yur'ev: Tipografiya K. Matisena, 1907:666. (In Russ.)
 22. Demidova N.F. (comp.), Ustyugov N.V. (ed.). *Materialy po istorii Bashkortostana: v 6 t. T. 6. Orenburgskaya ekspeditsiya i bashkirskie vosstaniya 30-kh godov XVIII v.* = *Materials on the history of Bashkortostan: in 6 volumes. Volume 6. Orenburg expedition and Bashkir uprisings of the 30s of the 18th century.* Ufa: Kitap, 2002:768. (In Russ.)
 23. Faizov A.V. Office documentation of the Cabinet of Ministers in 1731–1741. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* = *Bulletin of Omsk University. Series: Historical sciences.* 2019;(3):38–48. (In Russ.)
 24. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe. S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.: v 50 t. T. X. 1737–1739 gg.* = *Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection. From 1649 to December 12, 1825: in 50 volumes. Volume 10. 1737–1739.* Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830:990. (In Russ.)
 25. Bukanova R.G. *Goroda-kreposti Rossii yugo-vostoka Rossii v XVIII veke: Istoriya stanovleniya gorodov na territorii Bashkirii* = *Fortress cities of Russia in the south-east of Russia in the 18th century: History of the formation of cities on the territory of Bashkiria.* Ufa: Kitap, 1997:253. (In Russ.)
 26. Pekarskiy P.P. *Novye izvestiya o Tatishcheve* = *Tatishchev proceedings.* Saint Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii nauk, 1864:66. (In Russ.)
 27. Safonov D.A. *Nachalo Orenburgskoy istorii (Sozdanie Orenburgskoy gubernii v seredine XVIII veka)* = *The beginning of Orenburg history (creation of the Orenburg province in the middle of the 18th century).* Orenburg: Orenburgskaya guberniya, 2003:92. (In Russ.)
 28. Dobrosmyslov A.I. *Turgayskoe upravlenie. Istoricheskiy ocherk. Vyp. 3* = *Turgai administration. Historical essay. Issue 3.* Tver: Tipo-lit. N.M. Rodionova, 1902:524. (In Russ.)
 29. Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V. The influence of the Russian-Turkish War of 1735–1739 on the development of relations between the Empire and the Nomadic people of the South Urals and Central Asia (based on materials from the Orenburg expedition). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* = *Bulletin of RUDN. Series: History of Russian.* 2019;(3):494–524. (In Russ.)
 30. Noskova O.L. V.N. Tatishchev – statesman, military man, scientist (on the 325th anniversary of his birth). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* = *Proceedings of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 2011;13(5):287–291. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Дарья Анатольевна Кривова

аспирант, Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева
(Россия, г. Самара, ул. Академика
Павлова, 1)

Daria A. Krivova

Postgraduate student,
Samara National Research University
(1 Akademika Pavlova street, Samara,
Russia)

E-mail: dariya4191@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 22.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.01.2025

Принята к публикации / Accepted 03.03.2025

УДК 902

doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-2

К вопросу о служилых татарах-мишарях в Зауралье

Д. Ш. Муфтахутдинова

Российский исламский институт, Казань, Республика Татарстан, Россия

dilaratatar@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования обусловлена тем, что во время переписи населения в Башкирии есть тенденция переписывать татарское население Северо-Западных регионов республики Башкортостан в башкир, апеллируя к документам XVIII–XIX вв., где население данных областей могло называться башкирами, но не в этническом, а в сословном значении. Исследование направлено на обобщение информации о деятельности татар-мишарей в Зауралье, об их роли в подавлении башкирских восстаний первой половины XVIII в. и инкорпорации служилых мишарей в административные органы Оренбургской пограничной комиссии. *Материалы и методы.* Применялся проблемно-хронологический подход, который позволил проанализировать различные аспекты социальной политики Российской империи в динамике социально-политических изменений, произошедших в конце XVII – первой половине XVIII в. в Волго-Уральском регионе, а также историко-генетический метод, позволивший рассмотреть исторические факты и раскрыть причины и факторы, влиявшие на социальное развитие татар-мишарей в Волго-Уральском регионе. Теоретико-методологической основой исследования стали концептуальные положения научных исследований в области изучения этно-конфессиональной политики Российского государства на национальных окраинах империи. *Результаты.* На основе изученных законодательных источников и литературы раскрыт процесс инкорпорации татар-мишарей в российскую государственную службу в качестве военно-служилого сословия, в частности в качестве казаков, ахунгов в башкирские даруги, полковые муллы в башкиро-мещеряцкое войско, а также в администрацию Оренбургской пограничной комиссии в качестве переводчиков, толмачей, конфиден-тов. *Выводы.* Роль служилых татар из числа мишарей многофункциональна. С одной стороны, они выполняли военно-полицейскую функцию. С другой стороны, толмачи, переводчики, письмоводители из числа татар-мишарей сыграли огромную положительную роль в управлении и изучении Востока, способствуя тем самым безболезненной интеграции казахской степи в общероссийское пространство.

Ключевые слова: татары-мишари, казаки, переводчики, толмачи, конфиден-ты

Для цитирования: Муфтахутдинова Д. Ш. К вопросу о служилых татарах-мишарях в Зауралье // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 20–32. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-2

On the issue of the servise Tatars-Mishars in the Trans-Urals

D.Sh. Muftakhutdinova

Russian Islamic Institute, Kazan, Republic of Tatrstan, Russia

dilaratatar@mail.ru

Abstract. *Backgrounds.* The relevance of the study is due to the fact that during the population census in Bashkiria there is a tendency to rewrite the Tatar population of the North-Western regions of the Republic of Bashkortostan as Bashkirs, appealing to documents of the 18th–19th centuries, where the population of these regions could be called Bashkirs, but not in an ethnic, but in a class sense. The study aims to generalize information about the activities of the Mishar Tatars in the Trans-Urals, their role in suppressing the Bashkir uprisings of the first half of the 18th century and the incorporation of Mishar servicemen into the administrative bodies of the Orenburg Border Commission. *Materials and methods.* A problem-chronological approach was used, which made it possible to analyze various aspects of the social policy of the Russian Empire in the dynamics of socio-political changes that occurred in the late 17th – first half of the 18th century in the Volga-Ural region, as well as a historical-genetic method, which made it possible to examine historical facts and reveal the causes and factors that influenced the social development of the Mishar Tatars in the Volga-Ural region. The theoretical and methodological basis of the study was the conceptual provisions of scientific research in the field of studying the ethno-confessional policy of the Russian state on the national outskirts of the empire. *Results.* Based on the studied legislative sources and literature, the process of incorporation of the Mishar Tatars into the Russian state service as a military service class is revealed, in particular as Cossacks, akhuns in the Bashkir darugs, regimental mullahs in the Bashkir-Meshcheryak army, as well as in the administration of the Orenburg Border Commission as translators, interpreters, and confidants. *Conclusions.* The role of the service Tatars from among the Mishars is multifunctional. On the one hand, they performed military and police functions. On the other hand, interpreters, translators, and clerks from among the Mishar tatars played a huge positive role in the management and study of the East, thereby contributing to the painless integration of the Kazakh steppe into the all-Russian space.

Keywords: Tatars-Mishars, Cossacks, translators, interpreters, confidants

For citation: Muftakhutdinova D.Sh. On the issue of the servise Tatars-Mishars in the Trans-Urals. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(2):20–32. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-2

Введение

Актуальность исследования этносословной группы служилых татар-мишарей на территории Западного Приуралья обусловлена слабой проработанностью данной темы в научном плане. Востребованность данного рода исследований в современном социально-политическом аспекте обусловлена стремлением дать объективную картину социально-политическим процессам в XVIII – первой половине XIX в. в Западном Приуралье, для того чтобы противостоять попытками башкирских политтехнологов записать населения данного региона во время переписей башкирами.

Как известно, субэтническая группа татар-мишарей сформировалась в Волго-Окском междуречье. Границы Мещеры на севере проходили по правобережью Волги, на востоке – по правобережью Суры, на юге граничили с северо-западными районами Пензенской области, на западе очерчивались левобережьем р. Оки [1, с. 7]. Данная историко-географическая область определяется историками как территория, где начались социальные процессы по формированию групп служилых татар [2].

Процесс переселения татар-мишарей в Закамье подробно исследован в работах Д. З. Хайретдинова [3], Р. Г. Насырова [4], У. Х. Рахматуллина [5], Д. М. Исхакова [6] и др. Основной причиной переселения татар-мишарей

на башкирские земли, а затем в Степной край авторы, пишущие на данную тему, отмечают политику экономической и духовной дискриминации, проводимую православной церковью и властью с XVII в. вплоть до 60-х гг. XVIII в. В связи с этим особо хочется отметить законы, касающиеся статуса и положения служилых татар. Как известно, в 1628 г. вышел указ, запрещающий татарским феодалам владеть крепостными крестьянами из числа православных, а в 1648 г. объявили о том, что владеть крепостными крестьянами могут только крещенные помещики. «Именно мещерские служилые люди (мурзы и татары) стали объектами главного внимания правительства и патриархии в их планах по дальнейшей христианизации мусульман», – отмечает С. Ф. Фаизов [7, с. 22]. Все это подталкивало служилых татар искать новые земли для переселения.

Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и инициативу государства. Известно, что в декабре 1735 г. в своем «Рассуждении», представленном в Кабинет министров, глава Оренбургской комиссии И. К. Кирилов писал: «Мещеряки, служилые татары по указом из других городов с начала Уфы и после накликаны и определены служить по Уфе», т.е. были приглашены уфимской администрацией для несения службы [8, с. 96].

Р. Г. Насыров указывает, что самыми первыми стали переселяться в Закамье выходцы из Алатырского уезда [4, с. 55]. Это переселение совпало с тем, что с 1732 по 1736 г. от Алексеевской крепости до Мензелинска строилась Новая Закамская черта. Дореволюционный автор М. И. Иванин в работе «Описание Закамских линий» (1851 г.) упоминает, что при строительстве крепости Сергиевск были задействованы служилые татары из Алатыря [9, с. 71]. Именно в это время крупные центры в Мешере, выставявшие для русских войск десятки тысяч сабель конницы, такие как Касимов, Карино, Темников, Шацк, приходят в упадок и татарское население там заметно сокращается.

Выбору Закамских земель для переселения способствовало также то, что башкиры присоединились к Московской Руси добровольно, а договоры, заключенные башкирской знатью с правительством Ивана Грозного, предусматривали наряду с сохранением вотчинного землевладения неприкосновенность мусульманской веры [8, с. 53].

По подсчетам Д. М. Исхакова, за 1719–1745 гг. в Приуралье численность казанских татар и мишарей увеличилась в три раза и достигла 64 тыс. человек [10, с. 278]. По мнению Л. М. Айнутдиновой, всего в 1719–1744 гг. в Приуралье переселилось около 50 тыс. татар, из них около 30 тыс. составляли казанские татары, около 20 тыс. татары-мишари из Касимовского, Кадомского, Шацкого, Саранского, Керенского, Инсарского, Темниковского, Пензенского уездов. К 1762 г. татар в Оренбуржье уже было 87 884 человека [11, с. 250].

Переброска служилых мишарей в Закамский регион была также связана с ослаблением и уходом с этих территорий ногайцев. Как правило, новые поселения возникали на месте так называемых «пустошей» – населенных мест, прекративших свое существование в ходе завоевания Казанского ханства и Ногайской орды.

Одной из первых групп татар-мишарей, сформировавшихся на данной территории, является уфимско-бирская, происходившая из Алатырского, Курмышского и Арзамасского уездов. Известно, что еще в 1680 г. в Уфе была

сформирована сотня служилых татар и мещеряков со служилыми окладами [12, л. 128]. Это так называемые «цокающие мишари» [13], на основе данного говора в оренбуржье в дальнейшем сформировался «шарлыкский говор мишарского диалекта» [14, с. 170]. Алатырская подгруппа основала свои поселения по обоим берегам р. Белой. Это современные Бирский, Караидельский и Мишенский районы Башкортостана [15, с. 5].

Темниковская подгруппа (чокающий говор) в основном проживала на юго-западе и западе Башкирии, в Альшеевской, Нигаметуллинской, Киргиз-Миякинской, Тюрюшевской, Казангаловской волостях Белебеевского уезда, а также Арабаевской, Сафоновской, Покровской, Янышевской, Шарыповской волостях Уфимского уезда. Как отмечает Д. З. Хайретдинов, на территории Стерлитамакского уезда, ныне составляющего центральную часть Башкортостана, мещеряки проживали более чем в 60 селах, многие из которых были ими основаны [16, с. 182].

Теоретико-методологической основой статьи стали концептуальные положения научных исследований в области изучения проблем политики государства по отношению к различным сословиям нерусских народов на национальных окраинах Российской империи.

В данном исследовании применяется в основном два метода исторического познания: историко-генетический, в котором рассматривается любой исторический факт в его динамике и связи со специфическими особенностями каждого явления и обуславливающих его факторов, и проблемно-хронологический подход, который позволяет нам вычленивать различные аспекты межнациональных взаимоотношений и рассмотреть их в хронологической последовательности.

Одна из первых работ по тематике данного исследования вышла в советский период на татарском языке. Она принадлежит казахстанскому ученому татарского происхождения, доктору исторических наук Виллю Зайнулловичу Галиеву. В 1975 г. у него вышла статья на татарском языке «Талмачлар, сәяхәтчеләр, дипломатлар» («Переводчики, путешественники, дипломаты») в журнале «Казан утлары» («Огни Казани») [17, с. 148–152]. В ней впервые вводится в научный оборот довольно обширный материал из Центрального государственного архива Республики Казахстан, с помощью которого показывается дипломатическая, канцелярская, торгово-посредническая деятельность служилых татар как в Оренбуржье, так и в Казахской степи.

Изучение роли служилых татар при администрации Оренбургской пограничной комиссии – тема, в основном поднятая в постсоветский период. Данная тема нашла отражение в работах современной казахстанской исследовательницы Г. С. Султангалиевой [18, с. 64–65; 19], башкирского исследователя И. С. Игдавлетова [20], историка из Омска И. А. Речкиной [21], молодого уфимского исследователя М. Р. Мухамедова [22] и др. В последнее время проявился интерес к изучению деятельности служилых татар-мишарей на южном Урале, что нашло отражение в работах Р. Р. Кильмаматова и Ф. Ф. Шаяхметова [23].

У. Х. Рахматуллин замечает, что прибывшая в Закамский регион группа служилых татар из числа мишарей попадала в распоряжение уфимских воевод. «Она постепенно переселилась на территорию Уфимского уезда и была подвластна воеводам Уфимской приказной избы» [5, с. 146]. В делопроизвод-

ственных документах они стали именоваться «уфимскими служилыми мещеряками». Особенностью их службы было то, что они, за редким исключением, наделялись поместьями, выделяемыми из казенной земли. Безусловно, служилые татары пытались добиться земли за службу, но им в этом отказывали. Им ничего не оставалось делать, как стать припущенниками башкир. У. Х. Рахматуллин отмечает: «В 1767 г. припущенников из служилых татар и мишарей насчитывалось 2253 двора. С 1916 дворов служилых татар и мишарей башкиры взимали ежегодно по 268 руб. 51 коп. припусковых оброков» [5, с. 148]. Кроме того, в 1699 и 1718 гг. государство с них взимало денежный сбор, так как они в эти годы не привлекались к военной службе [24, с. 72].

Татарские мусульманские воинские формирования, созданные из числа служилых татар-мишарей, на Урале использовались в ходе подавления башкирского восстания 1735–1740 гг. Служилые мишари были заинтересованы в этом процессе, поскольку власть давала им за это земли, на которые их «припустили» башкиры, в вотчинное и поместное владение [25, с. 216]. Данное решение властей отразилось в документе за 24 ноября 1735 г. «Доношение А. И. Румянцева в Кабинет о ссорах между “верными” и участвовавшими в восстании башкирами и о решениях своего совещания с И. К. Кириловым об окончательном приведении их в покорность». В разгар восстания, «когда здесь полки в состоянии готовности будут», А. И. Румянцев предлагает взбунтовавшимся башкирам «объявить, дабы они довольствовались своими землями, а с тептерей и бобылей и мещеряков за земли деньги не требовали, понеже как они, так и протчие такие ж подданные е. и. в. И тогда вышеупомянутые тептяри и бобыли и мещеряки, видя е. и. в. милость и от них свободу, весьма в верности пребудут и от них отведены будут» [8, с. 93]. В ходе подавления восстания вышел указ от 11 февраля 1736 г., адресованный генерал-лейтенанту Румянцеву и Статскому советнику Кирилову, который повелевал отделить служилых мещеряков от башкир и «за верность мещеряков», поскольку они не пристали к восстанию и «против их служили, земли и угоды те, кои они по найму у башкирцев владели... те дать им вечно безоброчно, указанные дачи, первому старшине 200, есаулам, писарю, сотникам по 100, рядовым 50 четвертей, и за претерпевший убыток от воров башкирцев обещать вознаграждение» [26, с. 742]. Вместе с тем после окончания башкирского восстания власть не спешила реализовывать данный указ на практике. Мишари лишь 6 деревень – Чишмы, Калмаш, Сафарово, Нижние и Верхние Термы, Теперишево – получили желаемое. Губернатор Путятин боялся вооруженного выступления потомков башкир, если бы эти земли отдали татарам-мишарям бесплатно, отняв их у башкир. Поскольку мишари крайне нуждались в землях, губернатор предложил отдать им их без оброка, а башкирам «за отчуждение их земель компенсировать казенными деньгами в сумме 5 тыс. руб.» [27, с. 93].

Из наказа казанскому губернатору Румянцеву и статскому советнику И. А. Кирилову о мерах ликвидации восстания того же времени мы узнаем, что служилые мишари, участвовавшие в подавлении восстаний, освобождались от подушной подати и от лашманской работы [28, с. 408]. За разгром восстаний Карасакала, Батырши и Юлаева были награждены мещеряцкие старшины: Яныш Абдуллин, Сулейман Диваев, Султанмурат Янышев (первый капитан из мишарей), Бахтияр Янышев [3, с. 180].

Льготы, полученные мишарями, были привлекательны и для других категорий служилых татар. Многие служилые люди из числа казанских татар хотели записаться в число казаков, особенно те, кто стоял на лашманской службе. Об этом нижайше просили императора Павла I ясачные татары станицы Ильинской и д. Зубочистки. «Они готовы были служить даже без жалования», – отмечает И. К. Загидуллин [29, с. 112]. Однако генерал-губернатор О. А. Игельстром счел такие прошения как желание избежать исполнения государственных податей и повинностей и старался отказать просителям.

Однако из работы Г. Х. Самигулова узнаем, что башкиры отомстили служилым татарам и мещерякам за участие в подавлении восстания и перебили всех, кто жил по рекам Юрюзань и Аю. Закамские мещеряки просили власть, чтобы в случае нападения башкир переселиться ближе к русским крепостям, но власти им в этом отказали [30, с. 74].

После подавления восстания 1735–1740 гг. власть более лояльно стала относиться к служилым татарам из числа мишарей. Они зарекомендовали себя как верные власти служилые люди как на военном, так и на дипломатическом поприще. Именно из их числа выбирались ахуны в башкирские даруги, полковые муллы в башкиро-мещерякское войско, муллы и письмоводители к казахской знати, в переводчики и толмачи при Оренбургской и Томской администрации.

О мишарском происхождении большого количества татарского служилого сословия на Урале и Казахской степи написал известный дореволюционный татарский историк Гайнетдин Ахмеров: «Мишарские мурзы Уфимской губернии (Еникеевы, Терегуловы, Муратовы, Мамлеевы, Бегловы и князья Сакаевы, Чанышевы, Кудашевы и др.), живущие в деревнях Каргале, Авзанове, Буздяке, Кузееве, Альменеве и др., происходят от татарских князей, и переселились из Темникова Тамбовской губернии, где имели своих крепостных людей. В Уфимской губернии эти мурзы известны под именем Томан, каким именем называется и г. Темников» [31, с. 147].

Участие совместно с башкирами в восстании Батырши (1755 г.) казанских татар и мишарей, которое носило антиколониальный и религиозный характер, приводит к решению властей ограничить переселение татар в край. Этому решению властей также способствовало усиление татарского торгового капитала в крае и фактический отказ «признать сеитовских татар частью российского купеческого сословия» [32, с. 39]. В сенатском указе от 21 июля 1765 г. говорилось: «Впредь... из казанских и астраханских татар ни под каким видом на поселение в Оренбургскую губернию не принимать; ежели же... какие там без указа поселяться, о таковых в Сенат прислать немедленно точные известия и кем они приняты» [10, с. 279]. Несмотря на ограничения переселения, за 1762–1857 гг. татарское население в Оренбургском крае увеличилось в 5,3 раза [33, с. 41].

Единственным выходом из этой ситуации было использование служилых татар, в первую очередь из числа мишарей и башкир, в иррегулярных воинских формированиях. Указом Екатерины II от 18 апреля 1790 г. было положено начало созданию башкиро-мещерякского войска. Как и башкиры, мишари были переведены в военное сословие. Им вменялось в обязанность ежегодно на каждые 4–5 дворов поставлять за свой счет вооруженного

конного воина. За это башкиры и мишари освобождались от всех земских повинностей, но лишались права передвижения.

Казаков башкиро-мещеряцкого войска власть использовала как посредников во взаимоотношениях казахов с русской администрацией края. Казаки-мусульмане вместе с указными муллами вели разъяснительную работу в степи во время введения «Устава о сибирских киргизах» и «Устава об управлении инородцев» (1822 г.), а также «Временного положения» (1868 г.). Именно они приводили недовольное казахское население к присяге на верность империи. Из числа казаков башкиро-мещеряцкого войска рекомендовались чиновники в Казахскую степь на занятие таких должностей, как переводчики, конфиденты, толмачи, приставы, письмоводители. Казахская знать понимала, что служилые татары были хорошо образованы, и просили прислать в степь именно их. В частности, хан Внутренней орды Джангир в 1837 г. обращался к военному оренбургскому губернатору В. А. Перовскому с просьбой заменить случайных малограмотных людей, попадавших на должность письмоводителей, на людей «бессменных... из Башкирского и Мещеряцкого войска, с добропорядочным поведением, знающих хорошо читать по-татарски, к каждому родоначальнику по одному, зачислив их в дистанционную службу, но не полагая им казенного жалования» [34, л. 3]. Действительно, изучение послужных списков показывает, что из казаков происходил письмоводитель султана Младшего жуза Т. Вралина – Х. Алькеев, среди чиновников, управляющих Средним жузом, обнаружены имена зауряд-хорунжего Гиматдина Кильдибекова, урядника Кутлы – Ахмеда Касмакова, Мухамеджана Субханкулова [35, с. 142]. У хана Средней Орды Аблая письмоводителями работали мишари Мунасип Мамбетов и Ягуда Усманов [36, с. 81].

Государственную службу татарские чиновники старались не терять. С XVIII в. по первую половину XIX в. фамилии на должностях переводчиков и толмачей в Оренбургской администрации практически не меняются, меняются только поколения. Это потомственные или личные дворяне, в основном из татар-мишарей: Бигловы (Биглов Салих Рахматуллович, Биглов Мухамед-Рахим Рахматуллович), Батыршины (Батыршин Искандер Алюкович, Батыршин Сулейман Алюкович), Бекчурины (Бекчурин Мендияр, Бекчурин Мирсалих, Бекчурин Мухаммад-Гирей), Бикмаевы (Бикмаев Ибниамин Магомедович, Бикмаев Гайса Мухаметович, Бикмаев Кутлу-Мухаммад Ибниаминович), Еникеевы (Еникеев Юнус Сулейманович, Еникеев Ишнияз Юнусович, Еникеев Мухамед-Гирей, Еникеев Султан-Гали, Еникеев Тимур-Блат, Еникеев Нигметжан), Субханкуловы (Субханкулов Фейзулла, Субханкулов Абдул-Кадыр Фейзуллаевич), Чанышевы (Чанышев Мухаммадрахим, Чанышев Асфандияр, Чанышев Сахиб-Гирей, Чанышев Рахматулла). Их происхождение на момент первой половины XIX в. хорошо охарактеризовала Г. С. Султангалиева: Салих Биглов и Мирсалих Бекчурин происходили из мурз, Мухамедрахим Чанышев носил титул князя, Мухаммад-Шариф Аитов, Искандер и Сулейман Батыршины, Кутлумухаммад Бикмаев, Абдулкадыр Субханкулов, Арсланбек Биглов были из дворян Оренбургской губернии [19, с. 351].

Деятельность их была многогранной и сложной. Занимая от 14 по 8 чин табели о рангах, они фактически выполняли всю «низовую» работу по налаживанию мирных отношений власти с казахским народом. Деятельность

их включала в себя сбор сведений о расположении кочевых аулов в степи, о настроениях казахской знати, о посещении казахских аулов агентами Османской империи, Хивы, Бухары и других государств. Они выступали арбитрами в конфликтных ситуациях при разрешении земельных споров между казаками и казахами, а также между казахскими родами, проводили ревизии по уплате «кибиточного сбора», добывали сведения о русских пленниках, освобождали рабов. На них налагалась обязанность переводить в подданство казахов и брать с них присягу на верность Российской империи. Они сопровождали все российские военно-разведывательные экспедиции в регионе, нередко выполняли дипломатические функции. Выступали экспертами при создании новых административных структур в степи. Они должны были переводить и разъяснять общеимперские законы в юридическую плоскость и лексику политической культуры казахского народа, и прежде всего знати. Они являлись примером успешной инкорпорации для казахской аристократии в политическую систему Российской империи.

В заключение хочу подчеркнуть, что в наши дни во время переписи населения в Башкирии есть тенденция переписывать татарское население Северо-Западных регионов республики в башкир с отсылкой к документам XVIII–XIX в., где население данных областей могло называться башкирами. Хочу напомнить, что в XVIII–XIX вв. термин «башкиры» в государственной делопроизводственной документации употреблялся в социальном значении для обозначения военно-служилого сословия, главной обязанностью которого было несение нерегулярной форпостной службы. Безусловно, основу данного сословия составляли башкиры, но стоит согласиться с Д. Н. Денисовым, который утверждает, что в 1798–1865 гг. по распоряжению военных властей в число «башкир» включались целые деревни с небашкирским населением, «например, значительная часть жителей Сеитовой (Каргалинской) слободы и ее выселков, деревень Верхние и Нижние Чебеньки, Зяк Ишметово, Айдаралино, Тяттер-Арасланово, Аширганово, Балыклы, Нижне-Ибраево, Стерлибашево, ногайцы Воздвиженской крепости, Желтого и Никитинского редуты, Кундровской слободы, мишары деревень Мусекаево, Большая Ока и другие. Все эти населенные пункты становились и частью кантонной системы управления со всеми соответствующими институтами. Их жители назывались в документах того времени только “башкирами”, поскольку для сословного государства имела значение не их этническая принадлежность, а лишь совокупность определенных прав и обязанностей» [36, с. 79–80]. Таким образом, в число башкир как сословие попадали мишари, как «темниковцы», так и «алаторцы», но данный термин обозначал не их этническую принадлежность, а их сословие.

Список литературы

1. Кадыров Р. В. Формирование социально-правового статуса служилых татар в русском государстве (XVI – середина XVII вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 286 с.
2. Габдуллин И. Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М. : Изд. Р. Ш. Кудашев, 2006. 320 с.
3. Хайретдинов Д. З. «Великий исход»: процессы массового переселения нижегородских татар-мишарей в XVII–XVIII вв. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 180–183.

4. Насыров Р. Г. Сельское расселение в Западном Закамье (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). Казань : Институт истории АНРТ, 2007. 240 с.
5. Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М. : Наука, 1988. 188 с.
6. Исхаков Д. М. Историческая демография татарского народа (XVIII – начало XX вв.). Казань : Фэн, 2014. 440 с.
7. Фаизов С. Ф. Ислам в Поволжье VIII–XX вв. Очерк истории. М. : Спутник+, 1999. 76 с.
8. Материалы по истории Башкортостана : в 6 т. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / сост. Н. Ф. Демидова ; под ред. Н. В. Устюгова. Уфа : Китап, 2002. 768 с.
9. Иванин М. И. Описание Закамских линий // Вестник императорского Русского географического общества. 1851. Кн. 1, ч. 1. С. 55–81.
10. Исхаков Д. М. Динамика численности татар в России в XVIII – начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа : сб. тр. / отв. ред. С. Х. Алишев. Казань : ИЯЛИ, 1995. С. 257–297.
11. Айнутдинова Л. М. Миграция татар // Татары Казахстана. Краткая иллюстрированная энциклопедия. Казань : Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2017. С. 250.
12. Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 1. Д. 115.
13. Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Казань : Дом печати, 2002. 248 с.
14. Рахматуллина Г. Г. Говоры оренбургских татар // Татары в Оренбургском крае : материалы науч.-практ. конф. Оренбург : Димур, 1997. 228 с.
15. Ахатов Г. Х. Мишарский диалект татарского языка : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Уфа : Башк. ун-т, 1980. 81 с.
16. Хайретдинов Д. З. «Великий исход»: процессы массового переселения нижегородских татар-мишарей в XVII–XVIII вв. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 180–183.
17. Галиев В. З. Талмачлар, Сәяхәтчеләр, дипломатлар // Казан утлары. 1975. № 1. С. 148–152.
18. Султангалиева Г. С. Татарские муллы и письмоводители в Казахской степи (XVIII – первая половина XIX в.) : монография в документах / под ред. И. Г. Гумерова, А. М. Ахунова. Казань : ИЯЛИ, 2023. 300 с.
19. Султангалиева Г. С. Татары в административном управлении Казахстана (первая половина XIX в.) // История татар : в 7 т. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2013. С. 351–357.
20. Игдавлетов И. С. Отчет о поездке конфидента Абзялила Рязиева в Бухару в 1789–1790 гг. // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 354–356.
21. Речкина И. А. Мусульманская политика российских властей в Казахской Степи (конец XVIII в. – 60-е гг. XIX в.) // Вестник Омского университета. 2006. № 2. С. 80–84.
22. Мухамедов М. Р. Карьерный путь мусульманского чиновника Оренбургской губернии в конце XVIII – первой трети XIX в. // Мусульманин на службе Российской империи (к 200-летию Мирсалиха Бекчурина) : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 28 мая 2020 г.). Уфа : Мир печати, 2020. С. 135–147.
23. Кильмаматов Р. Р., Шаяхметов Ф. Ф. Инкорпорация служилой элиты мишарей Южного Урала в структуру российского дворянства в XVIII–XIX вв. // Мусульманин на службе Российской империи (к 200-летию Мирсалиха Бекчурина) : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 28 мая 2020 г.). Уфа : Мир печати, 2020. С. 172–182.
24. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург : Оренбург. отд. Рус. геогр. о-ва, 1887. 406 с.

25. Фирсов Н. А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель в это время. Казань : Университетская тип., 1869. 445 с.
26. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. : в 50 т. Т. IX. 1733–1736 гг. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 6890. С. 742.
27. Асфандиаров А. З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа : Китап, 2006. 504 с.
28. Из наказа казанскому губернатору Румянцеву и статскому советнику И. А. Кирилову о мерах ликвидации восстания 11 февраля 1736 г. // История Татарии в документах и материалах. М., 1937. 503 с.
29. Загидуллин И. К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 452 с.
30. Самигулов Г. Х. Некоторые сведения о расселении мишарей и ясашных татар в Зауральской Башкирии в XVIII в. // Мир Евразии. 2010. № 3 (10). С. 73–76.
31. Ахмеров Г. О языке и народности мишарей // Избранные труды. Казань : Татарское книжное издательство, 1998. 237 с.
32. Шадиметова З. М., Гатин А. А., Гатин М. С., Мустафина Д. А., Фахрутдинов Р. Р. Татары-мусульмане Оренбурга в российской торговле со Средней Азией во вторую половину XVIII в. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2018. № 38 (3-4). С. 39–45.
33. Султангалиева Г. С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа : РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. 258 с.
34. Центральный государственный архив республики Казахстан. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1609.
35. Аминов Р. Татары-казаки в составе оренбургского казачьего войска. Казань : Институт истории им. Марджани АН РТ, 2017. 346 с.
36. Денисов Д. Н. История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII – начало XX вв.). Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2006. 190 с.

References

1. Kadyrov R.V. *Formation of the socio-legal status of service Tatars in the Russian state (16th – middle 17th centuries): PhD dissertation*. Kazan, 2019:286. (In Russ.)
2. Gabdullin I.R. *Ot sluzhilykh tatar k tatarskomu dvoryanstvu = From service Tatars to the Tatar nobility*. Moscow: Izd. R.Sh. Ku-dashev, 2006:320. (In Russ.)
3. Khayretdinov D.Z. “The Great Exodus”: the processes of mass resettlement of the Nizhny Rod Tatars-Mishars in the 17th–18th centuries. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2015;(20):180–183. (In Russ.)
4. Nasyrov R.G. *Sel'skoe rasselenie v Zapadnom Zakam'e (vtoraya polovina XVI – nachalo XVIII vv.) = Rural settlement in the Western Trans-Kama region (second half of the 16th – beginning of the 17th centuries)*. Kazan: Institut istorii ANRT, 2007:240. (In Russ.)
5. Rakhmatullin U.Kh. *Naselenie Bashkirii v XVII–XVIII vv. Voprosy formirovaniya ne-bashkirskogo naseleniya = Population of Bashkiria in the 17th–18th centuries. Issues of formation of the non-Bashkir population*. Moscow: Nauka, 1988:188. (In Russ.)
6. Iskhakov D.M. *Istoricheskaya demografiya tatarskogo naroda (XVIII – nachalo XX vv.) = Historical demography of the Tatar people (18th – early 20th centuries)*. Kazan: Fen, 2014:440. (In Russ.)
7. Faizov S.F. *Islam v Povolzh'e VIII–XX vv. Ocherk istorii = Islam in the Volga Region of the 8th – 20th centuries. An essay on history*. Moscow: Sputnik+, 1999:76. (In Russ.)
8. Demidova N.F. (comp.), Ustyugov N.V. (ed.). *Materialy po istorii Bashkortostana: v 6 t. T. 6. Orenburgskaya ekspeditsiya i bashkirskie vosstaniya 30-kh godov XVIII v. = Materials on the history of Bashkortostan: in 6 volumes. Volume 6. Orenburg expedition and Bashkir uprisings of the 30s of the 18th century*. Ufa: Kitap, 2002:768. (In Russ.)

9. Ivanin M.I. Description of the Zakamsky lines. *Vestnik imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society*. 1851;(bk. 1, part 1):55–81. (In Russ.)
10. Iskhakov D.M. Dynamics of the number of Tatars in Russia in the 17th – early 20th centuries. *Materialy po istorii tatarskogo naroda: sb. tr. = Materials on the history of the Tatar people: collected papers*. Kazan: IYaLI, 1995:257–297. (In Russ.)
11. Aynutdinova L.M. Migration of the Tatars. *Tatary Kazakhstana. Kratkaya illyustrirovannaya entsiklopediya = Tatars of Kazakhstan. Brief illustrated encyclopedia*. Kazan: Institut tatarskoy entsiklopedii i regionovedeniya AN RT, 2017:250. (In Russ.)
12. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 248. Op. 1. D. 115 = *Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 248. Item 1. File 115*. (In Russ.)
13. Etnoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ya i Urala i voprosy ikh formirovaniya = *Ethnoterritorial groups of Tatars of the Volga and Ural regions and issues of their formation*. Kazan: Dom pechati, 2002:248. (In Russ.)
14. Rakhmatullina G.G. Speech of Orenburg Tatars. *Tatary v Orenburgskom krae: materialy nauch.-prakt. konf. = Tatars in Orenburg region: collected articles*. Orenburg: Dimur, 1997:228. (In Russ.)
15. Akhatov G.Kh. Misharskiy dialekt tatarskogo yazyka: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedeniy = *Mishar dialect of the Tatar language: a teaching aid for students of higher educational institutions*. Ufa: Bashk. un-t, 1980:81. (In Russ.)
16. Khayretdinov D.Z. “The Great Exodus”: the processes of mass resettlement of the Nizhny Rod Tatars-Mishars in the 17th – 18th centuries. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2015;(20):180–183. (In Russ.)
17. Galiev V.Z. Talmachlar, Səyakhətchələr, diplomatlar. *Kazan utlary*. 1975;(1):148–152.
18. Sultangalieva G.S. *Tatarskie mully i pis'movoditeli v Kazakhskoy stepi (XVIII – pervaya polovina XIX v.): monografiya v dokumentakh = Tatar Mullahs and Clerks in the Kazakh Steppe (18th – first half of the 19th century): monograph in documents*. Kazan: IYaLI, 2023:300. (In Russ.)
19. Sultangalieva G.S. Tatars in the administrative governance of Kazakhstan (first half of the 19th century). *Istoriya tatar: v 7 t. T. VI. Formirovanie tatarskoy natsii. XIX – nachalo XX v. = History of the Tatars: in 7 volumes. Volume 6. Formation of the Tatar nation. The 19th – early 20th century*. Kazan: In-t istorii AN RT, 2013:351–357. (In Russ.)
20. Igdayletov I.S. Report on the trip of confidant Abzialil Ryaziev to Bukhara in 1789–1790. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2012;(12):354–356. (In Russ.)
21. Rechkina I.A. Muslim policy of the Russian authorities in the Kazakh Steppe (late 18th century – 1960s). *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University*. 2006;(2):80–84. (In Russ.)
22. Mukhamedov M.R. The career path of a Muslim official of the Orenburg province in the late 18th – first third of the 19th century. *Musul'manin na sluzhbe Rossiyskoy imperii (k 200-letiyu Mirsalikha Bekchurina): sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ufa, 28 maya 2020 g.) = A Muslim in the service of the Russian Empire (to the 200th anniversary of Mirsalikh Bekchurin): proceedings of the International scientific and practical conference (Ufa, May 2020)*. Ufa: Mir pechati, 2020:135–147. (In Russ.)
23. Kil'mamatov R.R., Shayakhmetov F.F. Incorporation of the service elite of the Mishars of the Southern Urals into the structure of the Russian nobility in the 18th – 19th centuries. *Musul'manin na sluzhbe Rossiyskoy imperii (k 200-letiyu Mirsalikha Bekchurina): sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ufa, 28 maya 2020 g.) = A Muslim in the service of the Russian Empire (to the 200th anniversary of Mirsalikh Bekchurin): proceedings of the International scientific and practical conference (Ufa, May 2020)*. Ufa: Mir pechati, 2020:172–182. (In Russ.)
24. Rychkov P.I. *Topografiya Orenburgskoy gubernii = Topography of Orenburg province*. Orenburg: Orenburg. otd. Rus. geogr. o-va, 1887:406. (In Russ.)

25. Firsov N.A. *Inorodcheskoe naselenie prezhnego Kazanskogo tsarstva v novoy Rossii do 1762 goda i kolonizatsiya Zakamskikh zemel' v eto vremya* = *The foreign population of the former Kazan kingdom in the new Russia before 1762 and the colonization of the Trans-Kama lands at this time*. Kazan: Universitetskaya tip., 1869:445. (In Russ.)
26. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe. S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.: v 50 t. T. IX. 1733–1736 gg.* = *Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection. From 1649 to December 12, 1825: in 50 volumes. Volume 9. 1733–1736*. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830;(6890):742. (In Russ.)
27. Asfandiarov A.Z. *Bashkiriya posle vkhozhdeniya v sostav Rossii (vtoraya polovina XVI – pervaya polovina XIX v.)* = *Bashkiria after joining Russia (second half of the 16th – first half of the 19th century)*. Ufa: Kitap, 2006:504. (In Russ.)
28. From the order to the Kazan Governor Rumyantsev and State Councilor I. A. Kirilov on measures to eliminate the uprising of February 11, 1736. *Istoriya Tatarii v dokumentakh i materialakh* = *History of Tataria in documents and materials*. Moscow, 1937:503. (In Russ.)
29. Zagidullin I.K. *Musul'manskoe bogoslužhenie v uchrezhdeniyakh Rossiyskoy imperii* = *Muslim worship in the institutions of the Russian Empire*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2006:452. (In Russ.)
30. Samigulov G.Kh. Some information about the settlement of the Mishars and Yasash Tatars in Trans-Ural Bashkiria in the 18th century. *Mir Evrazii* = *World of Eurasia*. 2010;(3):73–76. (In Russ.)
31. Akhmerov G. About the language and people of the Mishars. *Izbrannye trudy* = *Selected works*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1998:237. (In Russ.)
32. Shadimetova Z.M., Gatin A.A., Gatin M.S., Mustafina D.A., Fakhrutdinov R.R. Muslim Tatars of Orenburg in Russian trade with Central Asia in the second half of the 18th century. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* = *Proceedings of the society of archaeology, history and ethnography in Kazan University*. 2018;(38 (3-4)):39–45. (In Russ.)
33. Sultangalieva G.S. *Zapadnyy Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII – nachalo XX vv.)* = *Western Kazakhstan in the system of ethnocultural contacts (the 18th – early 20th centuries)*. Ufa: RIO RUNMTs Goskomnauki RB, 2002:258. (In Russ.)
34. *Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv respubliki Kazakhstan. F. 4. Op. 1. D. 1609* = *Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. Fund 4. Item 1. File 1609*. (In Russ.)
35. Aminov R. *Tatary-kazaki v sostave orenburgskogo kazach'ego voyska* = *Tatar Cossacks as part of the Orenburg Cossack army*. Kazan: Institut istorii im. Mardzhani AN RT, 2017:346. (In Russ.)
36. Denisov D.N. *Istoriya zaseleniya i etnokul'turnoe razvitiye tatar Orenburgskogo kraya (XVIII – nachalo XX vv.)* = *History of settlement and ethnocultural development of the Tatars of the Orenburg region (the 18th – early 20th centuries)*. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU, 2006:190. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

**Диляра Шамилевна
Муфтахутдинова**

кандидат исторических наук, доцент
кафедры теологии, Российский
исламский институт (Россия,
Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Газовая, 19)

E-mail: dilaratatar@mail.ru

Dilyara Sh. Muftakhutdinova

Candidate of historical sciences,
associate professor of the sub-department
of theology, Russian Islamic Institute
(19 Gazovaya street, Kazan, Republic
of Tatarstan, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.09.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.11.2024

Принята к публикации / Accepted 25.03.2025

УДК 93/94

doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-3

Задачи органов земского самоуправления (март – октябрь 1917 г.) и пути их решения

П. Е. Соборнов

Нижегородская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия
sobornovpavel@inbox.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В условиях необходимости вовлечения граждан в решение проблем местного самоуправления возникает необходимость изучения опыта разрешения задач земскими управами как органами местного самоуправления на этапе российской революции 1917 г. Дается оценка проявлений и последствий невиданной реорганизации земских управ в виде обострения межпартийных разногласий и невозможности реализации огромного количества задач, которые были возложены государством на органы земского самоуправления. Цель работы – изучение проявлений и результатов процесса реформирования земского самоуправления в революционной России. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования статей журнала «Земское дело», который выпускался под редакцией выдающихся теоретиков и практиков местного самоуправления дореволюционной России – Бориса Борисовича Веселовского (1880–1954) и Дмитрия Дмитриевича Протопопова (1865–1934) в Санкт-Петербурге (Петрограде) в 1909–1918 гг. Методологический потенциал включает сравнительно исторический метод, применение которого позволяет сопоставить способы разрешения земскими управами различных задач. *Результаты.* Дана оценка проявлений и последствий невиданной реорганизации земских управ в виде обострения межпартийных разногласий и невозможности реализации огромного количества задач, которые были возложены государством на органы земского самоуправления на одном из переломных этапов в истории российской государственности. *Выводы.* Изучение процесса реформирования земского самоуправления в революционной России позволяет уяснить факты невозможности превращения земских управ в полноценные органы государственной власти на местах, что изначально планировалось. Автор пришел к заключению о том, что проекты самого Временного правительства по превращению земств в школы местного самоуправления в российской провинции не нашли своей реализации как по причине слабого интереса к проблемам самоуправления в российском обществе, выраженного в нараставшей апатии, так и по причине острых социально-классовых разногласий, возникавших при обсуждении любых проблем местной жизни.

Ключевые слова: местное самоуправление, земские управы, Временное правительство, децентрализация, реформы

Для цитирования: Соборнов П. Е. Задачи органов земского самоуправления (март – октябрь 1917 г.) и пути их решения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 33–41. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-3

Tasks of zemsky self-government bodies (March – October 1917) and ways to solve them

P.E. Sobornov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia
sobornovpavel@inbox.ru

Abstract. *Background.* In the context of the need to involve citizens in solving the problems of local self-government, there is a need to study the experience of solving problems by zemstvo councils, how local governments at the stage of the Russian revolution of 1917. An assessment is given of the manifestations and consequences of the unprecedented reorganization of zemstvo councils in the form of an exacerbation of inter-party disagreements and the impossibility of implementing a huge number of tasks that were assigned by the state to zemstvo self-government bodies. The purpose of the work is to study the manifestations and results of the process of reforming zemstvo self-government in revolutionary Russia. *Materials and methods.* The implementation of research tasks was achieved on the basis of the use of articles of the journal “Zemskoe Delo” which was published under the editorship of prominent theorists and practitioners of local self-government of pre-revolutionary Russia – Boris Borisovich Veselovsky (1880–1954) and Dmitry Dmitrievich Protopopov (1865–1934) in St. Petersburg (Petrograd) in 1909–1918. Methodological potential includes: a relatively historical method, the use of which allows you to compare the methods of resolving various tasks by zemstvo administrations. *Conclusions.* An assessment is given of the manifestations and consequences of the unprecedented reorganization of zemstvo administrations in the form of aggravation of inter-party disagreements and the impossibility of implementing a huge number of tasks that were assigned by the state to the zemstvo self-government bodies at one of the turning points in the history of Russian statehood. The study of the process of reforming zemstvo self-government in revolutionary Russia makes it possible to understand the facts of the impossibility of turning zemstvo administrations into full-fledged local government bodies, which was originally planned. The author concluded that the projects of the Provisional Government itself to turn zemstvos into schools of local self-government in the Russian province did not find their implementation, both because of the weak interest in the problems of self-government in Russian society, expressed in the growing apathy, and because of acute social class disagreements that arose when discussing any problems of local life.

Keywords: local government, zemstvo councils, Provisional government, decentralization, reforms

For citation: Sobornov P.E. Tasks of zemsky self-government bodies (March – October 1917) and ways to solve them. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(2):33–41. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-3

Введение

В процессе развития органов местного самоуправления – губернских и уездных земских управ, созданных в результате Земской реформы 1864 г., особое значение имеет период Великой русской революции 1917 г. Значение этого периода в истории органов местного самоуправления заключалось в беспрецедентном «переустройстве всего местного самоуправления на широких демократических началах». Под ним понималось распространение на земства всеобщего избирательного права, организация низового уровня местного самоуправления – мелкой земской единицы – волостного земства и при-

влечение Министерства внутренних дел Временного правительства к работам совещания по реформе местного самоуправления и самоуправления крупнейших ученых в сфере муниципального права, земских и общественных деятелей. Материалы этого совещания, организованного Всероссийским Временным правительством в 1917 г., подвергались изучению с позиций разоблачения антинародной политики Временного правительства, которая должна была выражаться в сохранении всего аппарата царского самодержавия, в том числе и органов местного самоуправления. «Совещание по реформе местного самоуправления МВД Временного правительства стремилось как можно меньше вносить изменения в царскую систему местных органов. А если и вносило изменения, то такие, которые имели своей целью приспособить местный аппарат в интересах буржуазного государства» [1, с. 63].

Между тем анализ исторических источников мемуарного характера по истории проведения реформ местных органов государственной власти 1917 г. показывает, что, например, в вопросе об организации милиции Временное правительство «шло на поводу у собраний комиссаров в лучшем случае, или на поводу у органов местного самоуправления и издавало совершенно автоматически в виде закона то, что ему преподносилось органами местного самоуправления» [2, с. 160]. Отсюда целью данной статьи является изучение проявлений и результатов процесса реформирования земского самоуправления в революционной России.

Необходимость изучения Земской реформы Временного правительства обусловлена потребностью разобраться в причинах и условиях и степени несостоятельности земских управ как альтернатив советской системы государственного управления на местах, утвердившейся в России в период Гражданской войны. Теоретики и практики невиданной реформы земских управ непосредственно увязывали эту реформу с перспективами «создать опору здоровым государственным элементам страны в вихре налетевшей анархической разрухи» [3, с. 1].

Материалы и методы

Важнейшими историческими источниками, позволяющими понять сущность Земской реформы Временного правительства, являются статьи ученых, государственных и общественных деятелей, опубликованные на страницах одного из ведущих журналов дореволюционной России, освещающих земские вопросы деятельность органов земского самоуправления на губернском и уездном уровне власти на историческом этапе Великой русской революции 1917 г. Этот журнал назывался «Земское дело» и выпускался под редакцией выдающихся теоретиков и практиков местного самоуправления дореволюционной России – Бориса Борисовича Веселовского (1880–1954) и Дмитрия Дмитриевича Протопопова (1865–1934) в Санкт-Петербурге (Петрограде) в 1909–1918 гг. Авторы публикаций в этом журнале в период Русской революции 1917 г. стояли на позициях Временного правительства, поэтому их аргументы, являясь частью официальных идей государства этого периода, доносят до нас смысл и значение мер, проводимых Временным правительством на уровне местного самоуправления. Таким образом, возникает возможность изучения процесса проведения реформы Временного правитель-

ства в сфере местного самоуправления, ведь журнал выходил на протяжении всего революционного периода два раза в месяц.

Результаты

Февральская революция 1917 г. в одной из передовых статей журнала была оценена в качестве, безусловно, прогрессивного явления в истории российских органов самоуправления, так как «страна вырвалась из давивших ее тисков, а преобразование местного самоуправления на широких демократических началах станет школой политического воспитания свободных российских граждан». Более того, органы земского самоуправления воспринимались теперь в качестве альтернативных органов властным структурам «старого порядка», которым в силу полувекового хозяйственного опыта должны были без административных ограничений принадлежать все функции не только местного, но и государственного самоуправления в российской провинции. В одной из передовых статей – «Самоуправление на рубеже новой жизни» – Б. Б. Веселовский писал: «Земским управам должна принадлежать вся полнота власти на местах, при этом они не должны быть только какими-то хозяйственными организациями» [4, с. 203]. По той причине, что функции земских управ должны были охватывать собой регулирование всей местной жизни, предполагалось создание министерства самоуправления, при этом предполагалось, что министр местного самоуправления должен был назначаться «из числа кандидатов, намеченных земствами и городами».

Огромное внимание уделялось восприятию именно британского опыта местного самоуправления, который подразумевал установление законов народом, «избирающим своих представителей в парламент, покоящийся на всеобщем избирательном праве и посредством полного подчинения центральной власти парламенту и полного отделения административной и судебной власти». Среди очередных задач обновленных революцией земских управ мыслились следующие: «Организация земствами и городами милиции для поддержания порядка и выполнения всех дел, которые необходимы на местах для населения, а также организация продовольственного дела и работы по устроению тыла». Достичь решения этих задач планировалось посредством расширения состава земских управ представителями широких слоев населения и волостных земских управ и районных дум в городах.

Решение всех этих задач предполагалось осуществлять в обстановке низкого уровня развития образования и просвещения российской провинции, отсюда на земские управы была возложена дополнительная задача – «ознакомить население с программой нового правительства, популярно объяснить программу нового правительства, призвать население к его поддержке, объяснить задачи Учредительного собрания и недопустимость самовольных и самоуправных выступлений, а также каких-либо насилий над лицами и имуществом» [5, с. 267]. Даже допускалось проведение лекций представителями политических партий, к которым предъявлялось требование – «спокойное изложение вопросов, отсутствие партийного задора и всемерный призыв населения к покойному отношению при разрешении наболевших вопросов» [5, с. 268]. Это означало, что к представителям политических партий предъявлялось требование воздерживаться от разжигания социально-классовой ненависти,

призывов к аграрным беспорядкам и, как видно из содержания программ, конспектов лекций, бесед, требовалось раскрывать бесправное положение русского народа при старом режиме и давать характеристику старой власти и роли Временного правительства в демократизации общественной жизни в России.

Следующей, не менее важной задачей земских управ как органов местного самоуправления было развитие школьного образования в условиях участия России в Первой мировой войне, оказавшей огромное воздействие на замедление открытия новых школ, сокращение продолжительности учебного года в связи «с возросшей ценностью детского труда ранней весной и поздней осенью в крестьянском хозяйстве, перепрофилированием школ под госпитали и лазареты для раненых и призывом опытных учителей на военную службу» [6, с. 316]. Предполагалось в новых земских школах преодолеть «существующую десятилетиями казенную регламентацию министерством народного просвещения средней школы и преодолеть бюрократические начала в земской школе». Этот процесс ведомственной регламентации средней школы выражался в разработке примерных программ и учебников по всем учебным дисциплинам в дореволюционной русской школе, которые контролировались громадным количеством инспекторов и директоров народных училищ. После же Февральской революции на земства были возложены задачи подготовки учителей и развития сети педагогических институтов, организация и проведение учительских съездов со всесторонним обсуждением проблем развития образования, увеличение продолжительности школьного курса до 4–5 лет. Среди первоочередных мер планировалось упразднить надзирающие за образованием училищные советы и институт инспекторов народных училищ.

Началом реализации этой многогранной программы демократизации различных сторон общественной жизни, начатой земскими управами в российской провинции, стала реализация Правил «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных», утвержденных Временным правительством 21 мая 1917 г., в части, касающейся проведения выборов с отменой имущественного ценза и допуска к голосованию всех взрослых граждан новой, «обновленной России». Во многих населенных местах страны население не воспринимало необходимость собственной самоорганизации в земские единицы: «Далеко не везде обошлось без трений, не всюду новый состав земских управ оказался удачным, в некоторых местах резко проявилась нетерпимость и понимание земских дел, как дел сословных – крестьянских». В провинции случались факты полного игнорирования местного самоуправления, апатии населения и его незаинтересованности в создании обновленных органов местного самоуправления. Как писал один из выдающихся земских публицистов Борис Борисович Веселовский в статье «Накануне обновления земства», «местами, к сожалению, имели место факты непонимания населением земских идей, земского дела и факты отрицательного огульного отношения к третьему элементу земства» [7, с. 363]. Важную роль в развитии таких настроений играла просветительская деятельность разнообразных партийных активистов, пользующихся отменой цензурных ограничений для пропаганды своих взглядов. Среди мер по преодолению таких настроений называлась организация лекций земских управ по деревням на современные

политические темы, в частности по вопросам самоуправления, экономии и бережливости, развития земского движения и форм самоорганизации граждан. Как показывает анализ публикаций журнала, губернские и уездные земские управы, подвергнувшиеся невиданной реорганизации за 50 лет своего существования, столкнулись с рядом серьезных противоречий уже к концу лета 1917 г.:

- в результате демократизации составов управ были избраны на основе множества демагогических приемов «неопытные лица, призванные вести дела земств»;

- широкая разъяснительная работа в российской провинции, проектируемой земскими управами, сводилась к политической активности активистов политических партий, не ставящих перед собой широких задач просвещения;

- нарастал «обывательский индифферентизм и невежество», что нашло свое отражение в нарастании недоверия представителей крестьянства к представителям земской интеллигенции. «Интеллигенция заподозрена ныне широкими массами, как прежде она находилась под подозрением со стороны цензовой части общества и правительства». Речь идет о нарастании противоречий крестьянства и представителей земской интеллигенции, выразившихся в потере интереса крестьян к деятельности земских управ, занимающихся «политикой», а не содействием решению острейших крестьянских вопросов.

Дальнейший процесс децентрализации земского самоуправления был связан с выделением из состава земских управ 43 крупнейших по количеству жителей губернских городов в губернские земские единицы и уездных городов с населением от 50 тыс. жителей в самостоятельные уездные земские единицы. В системе административного деления России, в соответствии с Постановлением Временного правительства от 21 мая 1917 г. «О производстве выборов губернских и земских гласных», появилось 36 губернских и 14 уездных городов. Губернские и уездные земские управы были лишены доходов. «Земства вынуждены будут сократить значительную часть своих расходов в ущерб планомерному развитию своего хозяйства, либо изыскать новые источники доходов путем повышения обложения недвижимых имуществ» [8, с. 407]. Учитывая тот факт, что ранее губерния присваивала себе доходы города, располагающегося на территории губернии, в новых условиях произошло увеличение налогов, вызванное потерей доходов с городской недвижимости. Все попытки органов местного самоуправления создавать комиссии из представителей земских управ и городских дум для разрешения финансовых конфликтов не приводили к планомерному выделению городов, и «порядок прекращения взаимоотношений земств и городов устанавливался министром внутренних дел по соглашению с министром финансов».

Заключение

Не оправдались надежды и на организацию охраны общественной безопасности и порядка. Ведь губернские и уездные земские управы не смогли справиться с совершенно новой задачей организации милиции по следующим причинам:

- после обновления земских управ посредством введения всеобщего избирательного права в их составе оказались представители крестьянского

населения. Крестьяне на заседаниях земских управ разного уровня часто стремились решить «земельный вопрос захватным путем, в атмосфере безграничного “правотворчества снизу”». Крестьяне никак не были заинтересованы «в твердом направлении делу упрочения административной власти земства»;

– уровень грамотности крестьянства оставался крайне низким, что нашло свое отражение в том факте, что «земская милиция представляла собой самую серьезную угрозу личной и общественной безопасности, не имела явного представления о своих обязанностях и была совершенно безответственна, что не могло, конечно, не вносить разложения». Используя низкий уровень подготовки милиционеров к несению обязанностей, на местах, в российской провинции начался процесс создания самоуправных комитетов общественных организаций, которые и присваивали себе функции милиции, занимаясь самовольными арестами, «заставляя порой обывателя вздохнуть по старой полиции» [9, с. 470];

– представители мелких земских единиц – волостных земских управ, созданных после Февральской революции 1917 г., не только не пресекали учащающихся погромов, происходящих в условиях бездействия земской милиции, но и сами устраивали погромы «при помощи и благословения должностных лиц волости».

Некий итог существованию земского самоуправления революционного периода был подведен на Демократическом совещании в сентябре 1917 г. Констатировалось следующее: земские управы не могли стать полноценными органами государственной власти на местах, что изначально планировалось.

Такое положение имело место быть, так как:

– крестьянские массы с недоверием относились к интеллигенции, представители которой работали в земских структурах;

– избранные в земские управы на основе всеобщего избирательного права оказались неподготовленными к решению административно-хозяйственных задач в российской провинции;

– проекты самого Временного правительства по превращению земств в школы местного самоуправления в российской провинции не нашли своей реализации как по причине слабого интереса к проблемам самоуправления в российском обществе, выраженного в нараставшей апатии, так и по причине острых социально-классовых разногласий, возникавших при обсуждении любых проблем местной жизни;

– заседания земских управ часто заканчивались абсолютно бесплодными межпартийными дискуссиями социалистов-революционеров и большевиков по вопросам захвата власти в Петрограде 25–26 октября 1917 г. и реализации в этот период Постановлений Временного правительства.

Список литературы

1. Баранов Е. П. Подготовка реформы местных органов управления и самоуправления в 1917 г. // Вестник Московского университета. Серия XI: Право. 1975. № 3. С. 63–67.
2. Кельсон З. Милиция Временного правительства. Воспоминания. Глава III // Былое: журнал, посвященный истории освободительного движения. 1925. № 2 (30). С. 160–197.

3. Веселовский Б. Земство в 1917 г. // Земское дело: журнал для разработки земских вопросов и всестороннего освещения деятельности и нужд земского самоуправления в России. 1918. № 1. С. 1–9.
4. Веселовский Б. Б. Самоуправление на рубеже новой жизни // Земское дело: журнал для разработки земских вопросов и всестороннего освещения деятельности и нужд земского самоуправления в России. 1917. № 5-6. С. 203–205.
5. Медынский Е. Лекции в деревне о текущих событиях и ближайших задачах // Земское дело: журнал для разработки земских вопросов и всестороннего освещения деятельности и нужд земского самоуправления в России. 1917. № 7. С. 267–269.
6. Звягинцев Е. Обновленное земство о школьном начальном образовании // Земское дело: журнал для разработки земских вопросов и всестороннего освещения деятельности и нужд земского самоуправления в России. 1917. № 8. С. 316–321.
7. Веселовский Б. Б. Накануне обновления земства // Земское дело: журнал для разработки земских вопросов и всестороннего освещения деятельности и нужд земского самоуправления в России. 1917. № 9-10. С. 363–365.
8. О выделении городов из состава земств: Из объяснительной записки МВД Временного правительства к проекту о выделении городов // Земское дело: журнал для разработки земских вопросов и всестороннего освещения деятельности и нужд земского самоуправления в России. 1917. № 17-18. С. 407–413.
9. П. В. Земство и милиция // Земское дело: журнал для разработки земских вопросов и всестороннего освещения деятельности и нужд земского самоуправления в России. 1917. № 23-24. С. 467–470.

References

1. Baranov E.P. Preparation of the reform of local government and self-government in 1917. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XI: Pravo = Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*. 1975;(3):63–67. (In Russ.)
2. Kel'son Z. Militia of the Provisional Government. Memories. Chapter 3. *Byloe: zhurnal, posvyashchenny istorii osvoboditel'nogo dvizheniya = Past: a magazine dedicated to the history of the liberation movement*. 1925;(2):160–197. (In Russ.)
3. Veselovskiy B. Zemstvo in 1917. *Zemskoe delo: zhurnal dlya razrabotki zemskikh voprosov i vsestoronnego osveshcheniya deyatel'nosti i nuzhd zemskogo samoupravleniya v Rossii = Zemskoe delo: a journal for the development of zemstvo issues and comprehensive coverage of the activities and needs of zemstvo self-government in Russia*. 1918;(1):1–9. (In Russ.)
4. Veselovskiy B.B. Self-government on the threshold of a new life. *Zemskoe delo: zhurnal dlya razrabotki zemskikh voprosov i vsestoronnego osveshcheniya deyatel'nosti i nuzhd zemskogo samoupravleniya v Rossii = Zemskoe delo: a journal for the development of zemstvo issues and comprehensive coverage of the activities and needs of zemstvo self-government in Russia*. 1917;(5-6):203–205. (In Russ.)
5. Medynskiy E. Lectures in the village on current events and immediate tasks. *Zemskoe delo: zhurnal dlya razrabotki zemskikh voprosov i vsestoronnego osveshcheniya deyatel'nosti i nuzhd zemskogo samoupravleniya v Rossii = Zemskoe delo: a journal for the development of zemstvo issues and comprehensive coverage of the activities and needs of zemstvo self-government in Russia*. 1917;(7):267–269. (In Russ.)
6. Zvyagintsev E. Updated Zemstvo on primary school education. *Zemskoe delo: zhurnal dlya razrabotki zemskikh voprosov i vsestoronnego osveshcheniya deyatel'nosti i nuzhd zemskogo samoupravleniya v Rossii = Zemskoe delo: a journal for the development of zemstvo issues and comprehensive coverage of the activities and needs of zemstvo self-government in Russia*. 1917;(8):316–321. (In Russ.)
7. Veselovskiy B.B. On the eve of the renewal of the zemstvo. *Zemskoe delo: zhurnal dlya razrabotki zemskikh voprosov i vsestoronnego osveshcheniya deyatel'nosti i nuzhd zemskogo samoupravleniya v Rossii = Zemskoe delo: a journal for the development of zemstvo issues and comprehensive coverage of the activities and needs of zemstvo self-government in Russia*. 1917;(9-10):363–365. (In Russ.)

8. On the allocation of cities from the zemstvos: From the explanatory note of the Ministry of Internal Affairs of the Provisional Government to the project on the allocation of cities. *Zemskoe delo: zhurnal dlya razrabotki zemskikh voprosov i vsestoronnego osveshcheniya deyatel'nosti i nuzhd zemskogo samoupravleniya v Rossii* = *Zemskoe delo: a journal for the development of zemstvo issues and comprehensive coverage of the activities and needs of zemstvo self-government in Russia*. 1917;(17-18):407–413. (In Russ.)
9. P. V. Zemstvo and militsiya. *Zemskoe delo: zhurnal dlya razrabotki zemskikh voprosov i vsestoronnego osveshcheniya deyatel'nosti i nuzhd zemskogo samoupravleniya v Rossii* = *Zemskoe delo: a journal for the development of zemstvo issues and comprehensive coverage of the activities and needs of zemstvo self-government in Russia*. 1917;(23-24):467–470. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Павел Евгеньевич Соборнов

кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
(Россия, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3)

E-mail: sobornovpavel@inbox.ru

Pavel E. Sobornov

Candidate of historical sciences,
associate professor, associate professor
of the sub-department of theory and
history of state and law, Nizhny
Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
(3 Ankudinovskoye highway,
Nizhny Novgorod, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 09.01.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 13.02.2025

Принята к публикации / Accepted 22.03.2025

УДК 94(47).084.3

doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-4

Влияние приграничного фактора на партизанское движение Восточного Забайкалья

Д. А. Таскин

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

taskins@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Рассматривается слабоизученный вопрос взаимоотношений партизан Восточного Забайкалья периода Гражданской войны с властями приграничных районов Китая и Монголии. В основу исследования легли не публиковавшиеся ранее документы уездных властей Забайкальской области и воспоминания бывших партизан, хранящиеся в Государственном архиве Забайкальского края. *Материалы и методы.* Исследование проведено на основе принципов объективности и историзма. При работе с источниковой базой применялись общенаучные методы познания – анализ, синтез, индукция и дедукция. Среди специальных методов можно выделить сравнительно-исторический, благодаря которому удалось провести верификацию мемуарных источников, снизив уровень их субъективности. *Результаты.* Изучены архивные документы, содержащие сведения об особенностях взаимоотношений забайкальских партизан с китайскими и монгольскими властями приграничных территорий. Выявлены причины лояльного отношения к партизанам китайских гражданских и военных властей, а также особенности их взаимоотношений с режимом Г. М. Семенова. *Выводы.* Установлено, что приграничное положение региона сыграло существенную роль в развитии массового партизанского движения в юго-восточных районах Забайкалья путем снабжения с приграничных территорий Китая. Выявлено, что хорошее отношение к партизанам со стороны китайских властей и гражданского населения было обусловлено высоким уровнем антияпонских настроений в китайском обществе, которое проецировалось и на режим Г. М. Семенова.

Ключевые слова: гражданская война, Забайкалье, партизанское движение, пограничье, Китай, Монголия, Г. М. Семенов

Для цитирования: Таскин Д. А. Влияние приграничного фактора на партизанское движение Восточного Забайкалья // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 42–51. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-4

The influence of the border factor on the partisan movement of Eastern Trans-Baikal region

D.A. Taskin

Transbaikal State University, Chita, Russia

taskins@yandex.ru

Abstract. *Background.* The article examines the poorly studied issue of the relationship between the partisans of the Eastern Trans-Baikal during the Civil War with the authorities of the border regions of China and Mongolia. The research is based on previously unpublished documents of the district authorities of the Trans-Baikal region and the memoirs of former partisans stored in the State Archive of the Trans-Baikal territory. *Materials and methods.*

© Таскин Д. А., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The research was conducted based on the principles of objectivity and historicism. When working with the source base, general scientific methods of cognition were used – analysis, synthesis, induction and deduction. Among the special methods, one can single out a comparative historical one, thanks to which it was possible to verify memoir sources, reducing their level of subjectivity. *Results.* Archival documents containing information on the specifics of the relationship between the Trans-Baikal partisans and the Chinese and Mongolian authorities of the border territories have been studied. The reasons for the loyal attitude of the Chinese civil and military authorities to the guerrillas, as well as the peculiarities of their relationship with the regime of G.M. Semenov, are revealed. *Conclusions.* It has been established that the border position of the region played a significant role in the development of a mass guerrilla movement in the southeastern regions of Transbaikalia through supply from the border territories of China. It was revealed that the good attitude towards the partisans on the part of the Chinese authorities and the civilian population was due to the high level of anti-Japanese sentiment in Chinese society, which was projected onto the regime of G.M. Semenov.

Keywords: civil war, Trans-Baikal, partisan movement, border area, China, Mongolia, G.M. Semenov

For citation: Taskin D.A. The influence of the border factor on the partisan movement of Eastern Trans-Baikal region. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2025;(2):42–51. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-4

Гражданская война в России, развернувшаяся на ее огромных пространствах, помимо общей канвы противостояния, имела в каждом конкретном регионе свои уникальные особенности. В Забайкалье такой особенностью стало его приграничное положение. Имея протяженную границу с Китаем и Монголией, население региона с давних времен установило крепкие хозяйственные и торговые связи с жителями сопредельных государств, которые не могли ни оказывать влияние на характер вспыхнувшего гражданского противостояния. Именно возможность сформировать на территории Китая Особый маньчжурский отряд для борьбы с советской властью позволила Г. М. Семенову открыть один из первых фронтов Гражданской войны – Даурский. После падения советской власти в августе 1918 г. и установления в Забайкалье режима Г. М. Семенова территория сопредельных государств становится убежищем уже для сторонников большевиков. Во время развернувшегося массового партизанского движения в регионе красные отряды использовали приграничные районы Китая и Монголии в качестве укрытия для раненых и снабжения оружием.

Однако, несмотря на то что приграничное положение оказывало существенное влияние на ход Гражданской войны, этот вопрос никогда не становился предметом изучения исследователей. В советской историографии, посвященной противостоянию красных и белых в Забайкалье, основной упор делался на деятельность подпольных большевистских групп или описание общего хода событий [1–5]. В работах С. С. Григорьевича и Г. Е. Рейхберга, посвященных международному аспекту Гражданской войны в Забайкалье и на Дальнем Востоке, фокус внимания сосредоточен на иностранной интервенции и связанных с ней дипломатических отношениях [6, 7].

В современной отечественной историографии международные отношения, связанные с Гражданской войной в Забайкалье, продолжают рассматри-

ваться в рамках японской интервенции. Ее изучению посвящены работы В. А. Гельмана и В. Г. Дацышена [8, 9]. Исключением является статья Н. В. Гордеева, посвященная участию китайцев в боевых действиях на стороне красных в Забайкалье [10].

Таким образом, актуальность изучения вопроса влияния приграничного фактора на развитие партизанского движения Восточного Забайкалья обусловлена его слабой проработанностью. Цель данного исследования – рассмотреть особенности взаимоотношений партизан с приграничными властями Китая и Монголии, а также реакцию на них со стороны семеновских властей.

Исследование проведено на основании принципов историзма и объективизма. Первый позволил рассмотреть взаимодействие всех сторон в рамках общего хода исторического процесса как внутри Забайкалья, так и на территории приграничных районов сопредельных государств. Второй помог проанализировать совокупность источниковой базы, исключив субъективные оценки участников событий, содержащиеся в воспоминаниях.

С помощью сравнительного и диалектического подходов была проведена верификация источников и выявлены фактологические данные, связанные с изучаемым предметом. Источниковой основой работы стали не публиковавшиеся ранее документы приграничных уездов Забайкальской области (рапорты, донесения, записки), а также воспоминания бывших партизан, хранящиеся в Государственном архиве Забайкальского края.

Использование всех указанных принципов и методов научного познания позволило провести развернутое исследование указанной темы.

После падения советской власти и установления на территории Забайкалья режима Г. М. Семенова со стороны победителей начались преследования активистов и лидеров красных и расправы над ними. Все это вынудило последних искать спасения как в глухих уголках области, так и на территории Китая и Монголии. Протяженная (около 2000 км) и слабо охраняемая граница позволяла населению приграничных территорий легко ее пересекать.

Пограничье с Китаем проходило по р. Аргунь. На китайском, правом, берегу реки в 60 км от слияния ее с Шилкой находился городок Чикая. В нем размещалась уездная администрация, которой подчинялись начальники 7 пограничных кордонов, расположенных вверх по Аргуни до Нерчинского Завода [11, с. 92]. По воспоминаниям одного из лидеров партизанского движения А. Я. Федорова, после того как о нахождении его и его соратников в д. Кактолга Аркиинской станицы стало известно местной милиции, им в конце 1918 г. пришлось перебираться в Чикаю. Начальник местного гарнизона, зная, что они преследуются белыми властями, не только разрешил им проживать в городе, но и позволил оставить для охоты две винтовки, а остальное оружие изъять для временного хранения [12, л. 188–189]. Постепенно в Чикае образовалась группа из 22 человек, которые составили ядро будущего партизанского отряда. Используя этот китайский городок как опорную базу, партизаны развернули в приграничных русских деревнях и поселках широкую агитацию и подготовку для будущего вооруженного выступления. Такая активность не осталась незамеченной семеновскими властями, и в конце февраля 1919 г. начальник китайского гарнизона сообщил А. Я. Федорову, что из Цицикара пришла телеграмма с распоряжением передать его и еще шесть человек русским властям. При этом он предложил не дожидаться прибытия семеновского

отряда, а выдать их Мучиканскому поселковому атаману [12, л. 193]. Судя по донесению последнего в Аркиинское станичное правление, А. Я. Федоров сам приехал в Мучикан и приказал атаману ехать с ним в Чикаю для получения хранящегося там оружия. В донесении он указывал: «Я по боязни вооружения поехал с ними на Чикою. Начальник им выдал оружие: трехлинейных винтовок 6 штук и браунингов 2 и у мучиканского помощника начальника наган...» [13, с. 278].

Весной 1919 г. в юго-восточной части области развернулось массовое партизанское движение. Основные боевые действия в этот период затронули в первую очередь приграничный Нерчинско-Заводский уезд. Интенсивные бои правительственных войск с партизанами ставили перед последними вопрос постоянного пополнения боеприпасов и оружия. Одним из решений стала закупка его на китайской территории. А. Я. Федоров, который был направлен для закупки оружия в приграничные китайские поселки, вспоминал: «Маршрут свой начал с Онохойских бакалеек. Закупил здесь до тысячи штук патронов и пять винтовок. За патрон платил от копейки до двух, а за трехлинейную винтовку 18–20 руб. В одной из онохойских бакалеек торговец из города Мохэ, что против Олочи, предложил мне шесть тысяч патронов и восемь винтовок по цене: за патрон одна с четвертью копейки и за винтовку 18 руб.» [12, л. 73]. Всего в апреле 1919 г. А. Я. Федорову удалось закупить у китайцев 25 тыс. патронов и около 30 винтовок.

В мае после неудачной попытки захвата Нерчинского Завода партизанские части попали в окружение в районе Большого Зерентуя. Им удалось вырваться, но большое количество раненых лишало партизан маневренности. К. Е. Воросову удалось вывести обоз с ранеными к Аргуни, переправить их на другой берег и при содействии китайцев организовать там госпиталь [14, с. 110]. Эта удачная операция определила дальнейшую роль К. Е. Воросова в партизанском движении. К концу июня, когда партизанские отряды фактически контролировали всю юго-восточную часть междуречья Шилки и Аргуни, командующий партизанским фронтом П. Н. Журавлев назначает его уполномоченным штаба партизан при китайских властях приаргунской полосы. К. Е. Воросову удалось договориться о взаимной торговле, установить правила использования границы партизанскими войсками и передвижения китайцев по русской территории [14, с. 109]. Китайские торговцы становятся для партизан основными поставщиками перевязочных материалов, мыла, сахара, чая и других товаров первой необходимости. Основной валютой для расчетов является золото, которое партизаны либо добывают сами, либо реквизируют при захвате приисков.

В сентябре 1919 г. семеновские войска совместно с японскими частями предприняли крупномасштабную наступательную операцию, целью которой была полная ликвидация партизан. Им удалось окружить основные партизанские силы в Богдательской станице – главном центре партизанского движения. В результате трехдневных боев партизанские полки, понеся значительные потери, сумели выйти из окружения и отступили по направлению к Аргуни. Следствием этих событий стала потеря контроля над золотоносными территориями, и командование партизанского фронта попросило китайских купцов выдать необходимые товары в долг. Китайская сторона с пониманием отнеслась к сложному положению, в котором оказались партизаны, и кредит товарами

был выдан на 60 дней. К. Е. Воросов вспоминал, что рассчитаться с китайцами удалось досрочно, что позволило в дальнейшем еще несколько раз брать товары в долг [14, с. 112].

В ноябре 1919 г. в приграничную полосу по запросу семеновских властей были введены китайские регулярные войска под командованием полковника Инь, которые взяли под свой контроль все пограничные кордоны по Аргуни [15, л. 21]. Таким образом, правительство Г. М. Семенова стремилось отрезать партизан от возможности получать боеприпасы и снаряжение, а также ограничить их проникновение на китайскую сторону. Однако эти надежды не оправдались. Командованию партизанами удалось установить контакт с новыми китайскими военными властями. В своем рапорте на имя управляющего Забайкальской областью управляющий Нерчинско-Заводским уездом отмечал: «Поручик Чо через своего переводчика крещеного китайца Эпова заявил: “Журавлев для нас такой же начальник”, покровительственная политика к большевикам со стороны китайских военных властей продолжается так же, как у пограничных торговцев» [15, л. 21 об.].

Активные боевые действия в приграничье в конце 1919 г. вызвали исход лояльного семеновскому режиму населения приаргунских станиц на китайскую территорию, куда перевозилось имущество, хлеб и угонялся скот. Кроме того, появились случаи перехода на китайскую территорию отступающих белых казачьих сотен, которых обезоруживали китайские войска [16, л. 91]. Кроме того, переходящие границу во время боевых столкновений белые части продолжали вести обстрел партизанских частей с китайской территории. Такие случаи стали поводом для обращения командира забайкальских партизан П. Н. Журавлева к командующему приграничными китайскими войсками полковнику Иню. В обращении, в частности, говорилось: «Такое явление, как нарушающее международное право, ставит штаб Рос. советских войск в положение полного недоумения по отношению к Китайской республике. <...> Штаб Российских советских войск просит сообщить:

- 1) на каком основании русские войска Временного Правительства переходят с оружием на Китайскую сторону;
- 2) принимаются ли против этих переходов какие-либо меры со стороны Китайских военных властей;
- 3) будут ли такие явления прекращены и когда» [15, л. 23]. Тон, с которым написано это обращение, позволяет нам сделать вывод о том, что партизанские части не только считали себя законной властью на занимаемых территориях, но и вели переговоры с китайской стороной на равных.

В феврале 1920 г. положение красных в приграничной полосе и их отношения с китайскими властями укрепились настолько, что они стали привлекать их к агитации среди русского населения, проживавшего на китайской территории. В донесении милиционера 3-го участка Нерчинско-Заводской уездной милиции отмечалось: «Олочинский китайский начальник, собрав всех беженцев за границей и пригласив командиров полков красных, склонял беженцев перейти на свою сторону и помогать красным доставлять им содержание и говорил все в пользу красных, даже позволил им возить из-за границы фураж» [17, л. 53]. Кроме того, партизанскими отрядами контролировались основные пути подвоза дров и сена не только с русской, но и с китайской стороны, что сильно затрудняло снабжение лояльного белым

населения. Обращения местных властей к руководству китайских военных частей об исправлении этой ситуации результатов не дали. Китайское командование заявило, что «действующие по Аргуни правительственные войска сами нарушили международное право, переходя границу при отступлении и делая обход красных по китайской стороне» [17, л. 52].

Такое лояльное отношение китайских приграничных властей к большевикам и, напротив, весьма прохладное к режиму Г. М. Семенова связано с совокупностью факторов как глобального, так и локального характера. К глобальным в первую очередь относится положение Китая, которое он занял на международной арене после окончания Первой мировой войны. Оказавшись формально в числе победителей, Китай ожидал, что Японией будут возвращены захваченные ей территории и отменены неравноправные международные договоры. Однако эти ожидания не оправдались и ситуация усугубилась тем, что по Версальскому договору Японии передали права на немецкие концессии в Шаньдуне. В китайском обществе такие решения держав-победительниц подняли волну возмущения, вылившуюся в массовые митинги и демонстрации. В историографии эти события получили название «Движение 4 мая 1919 г.» [18]. Сильные антияпонские настроения в китайском обществе не могли не отражаться и на событиях, происходивших в приграничье Аргуни. По воспоминаниям К. Е. Воросова, упоминавшийся выше китайский полковник Инь был сторонником Сунь Ятсена и занимал непримиримую антияпонскую позицию [14, с. 114]. В связи с тем, что режим Г. М. Семенова активно поддерживался японцами, неприязненное отношение к ним со стороны китайских гражданских и военных лиц проецировалось и на семеновские власти.

К локальным факторам, влиявшим на симпатии китайцев к сторонам гражданского противостояния, относится то положение, в котором они оказались, проживая на территории Забайкалья. Правительство Г. М. Семенова, позиционируя себя как единственную законную власть в области, не могло в должной мере обеспечить неприкосновенность и безопасность китайских граждан. Так, в декабре 1918 г. консул Китайской республики в Иркутске в своем письме к руководству Забайкальской области отмечал, что на станции Чита и других станциях Забайкальской железной дороги китайские граждане подвергаются необоснованным и незаконным обыскам, во время которых у них отбираются деньги [17, л. 45]. Японское командование расквартированных в Забайкалье частей также считало возможным производить обыски и аресты китайцев, живущих на территории Забайкалья, без учета действующих законов и какого-либо согласования или уведомления семеновских властей [19, л. 110]. 21 мая 1919 г. Г. М. Семеновым был издан приказ о задержании и аресте всех китайцев, едущих на работу в Россию, для последующего их препровождения в распоряжение начальника дипломатического Китайского бюро г. Манчжурия [20, л. 173 об.]. Кроме того, в октябре 1919 г. китайское население, проживавшее в деревнях на Шилке, было подвергнуто террору со стороны семеновских карательных отрядов. Оно бежало к Аргуни, где партизанами ему была оказана помощь при переправе на китайскую территорию [14, с. 111].

Приграничные территории сопредельной Монголии в меньшей степени были вовлечены в события Гражданской войны в Забайкалье. Они в основном

служили убежищем для сторонников красных. По воспоминаниям К. А. Цыпылова, местные монгольские власти приграничных с Троицкосавским уездом территорий не обращали внимания на беженцев с русской стороны. И достаточно быстро на бывшем золотом прииске в местечке Бакулей возникла целая деревня из 30 дворов. Ее жители занимались охотой, рыболовством и сельским хозяйством [21, с. 123].

В другом приграничном уезде – Акшинском – активность партизан была гораздо выше. Они использовали заимки местных жителей, расположенные на монгольской территории, для сбора там своих сторонников, формирования отрядов и последующих нападений на правительственные войска [13, с. 283]. Местные воинские формирования из казачьих дружин пытались проводить рейды для зачистки этих заимок, но безрезультатно [17, л. 221–222]. Один из таких рейдов по преследованию казаками девяти партизан привел к трениям с местными монгольскими властями, которые выразили протест управляющему Акшинским уездом по поводу перехода на их территорию вооруженного отряда и ведения им боевых действий [17, л. 124 об.]. Для разрешения этой ситуации между управляющим Акшинским уездом и начальником Чинванского хошуна было заключено соглашение, по которому монгольская сторона обязывалась выдавать красных, перешедших в Монголию, а русские отряды имели право их преследовать в том числе на монгольской территории. Однако девять человек, переход которых и стал поводом для подписания соглашения, монголами выданы не были [17, л. 126].

Суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что приграничное положение Восточного Забайкалья оказало существенное влияние на развитие партизанского движения. На первом этапе приграничные территории сопредельных государств позволили сторонникам советской власти не только укрыться от преследования белых, но и вести оттуда подготовку к масштабным выступлениям против режима Г. М. Семенова. После развертывания массового партизанского движения приграничные районы Китая стали источником для снабжения красных боеприпасами, медикаментами и товарами первой необходимости. Возможность укрыть раненых за границей повышала мобильность и боеспособность партизанских отрядов. Лояльность китайского населения, китайских гражданских и военных властей к партизанам была обусловлена сильными антияпонскими настроениями, а также враждебными действиями семеновских воинских контингентов в отношении китайцев, проживавших в приграничных районах Забайкалья. Командование партизанских войск, напротив, вело себя с китайцами максимально корректно, понимая, что от них зависит уровень снабжения. В то же время руководство партизанскими силами Восточного Забайкалья, позиционируя себя как представителей Советской России, в сношениях с китайскими властями придерживалось паритета.

Список литературы

1. Василевский В. И. Дела легендарных дней. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 96 с.
2. Василевский В. И. Борьба за Советскую власть в Забайкалье. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. 144 с.

3. Борьба за советы в Забайкалье : сб. ст., материалов и док. Чита : Чит. обл. изд-во, 1947. 375 с.
4. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 365 с.
5. Героические годы борьбы и побед. М. : Наука, 1968. 390 с.
6. Григорцевич С. С. Американская и японская интервенция на Дальнем Востоке и ее разгром. М. : Госполитиздат, 1947. 200 с.
7. Рейхберг Г. Е. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке. М. : Соцэкгиз, 1940. 212 с.
8. Гельман В. А. Японская интервенция в Забайкалье // Сибирь в годы Великой Российской революции : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции). Улан-Удэ : Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2017. С. 103–110.
9. Дацышен В. Г. Проблемы завершения «Сибирской экспедиции» в Забайкалье. Новые документы по истории японской интервенции в Сибири // Японские исследования. 2017. № 2. С. 29–45.
10. Гордеев Н. В. Красные китайцы в борьбе за Советскую власть в Забайкалье // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3, № 2. С. 17–26.
11. Тимофеев А. М. Партизанский дипломат // Годы и люди. Статьи и очерки об участниках борьбы за Советы в Забайкалье. Чита : Чит. кн. изд-во, 1960. С. 90–96.
12. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 935.
13. За власть Советов. Сборник документов о борьбе трудящихся Забайкалья в 1917–1922 гг. Чита : Кн. изд-во, 1957. 440 с.
14. Воросов К. Е. Спасибо китайским друзьям! // Красногвардейцы и партизаны. Сборник воспоминаний участников Гражданской войны в Забайкалье. Чита : Чит. кн. изд-во, 1957. С. 109–116.
15. ГАЗК. Ф. 289. Оп. 3. Д. 101.
16. ГАЗК. Ф. 334. Оп. 2. Д. 113.
17. ГАЗК. Ф. 334. Оп. 2. Д. 116.
18. Сухачева Г. А. «Движение 4 мая» 1919 г. История и оценки // Россия и АТР. 1999. № 3. С. 29–34.
19. ГАЗК. Ф. 289. Оп. 3. Д. 75.
20. ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 10.
21. Бойцы вспоминают минувшие дни. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1961. 146 с.

References

1. Vasilevskiy V.I. *Dela legendarnykh dney = The deeds of legendary days*. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1970:96. (In Russ.)
2. Vasilevskiy V.I. *Bor'ba za Sovetskuyu vlast' v Zabaykal'e = The struggle for Soviet Power in Trans-Baikal region*. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1979:144. (In Russ.)
3. *Bor'ba za sovety v Zabaykal'e: sb. st., materialov i dok. = The struggle for the Soviets in Trans-Baikal region: collected articles, material and documents*. Chita: Chit. obl. izd-vo, 1947:375. (In Russ.)
4. *Bor'ba za vlast' Sovetov v Vostochnom Zabaykal'e = The struggle for Soviet power in Eastern Trans-Baikal region*. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1967:365. (In Russ.)
5. *Geroicheskie gody bor'by i pobed = Heroic years of struggle and victories*. Moscow: Nauka, 1968:390. (In Russ.)
6. Grigortsevich S.S. *Amerikanskaya i yaponskaya interventsia na Dal'nem Vostoke i ee razgrom = American and Japanese intervention in the Far East and its defeat*. Moscow: Gospolitizdat, 1947:200. (In Russ.)
7. Reykhberg G.E. *Razgrom yaponskoy interventsii na Dal'nem Vostoke = Defeat of the Japanese intervention in the Far East*. Moscow: Sotsekgiz, 1940:212. (In Russ.)

8. Gel'man V.A. Japanese intervention in Trans-Baikal region. *Sibir' v gody Velikoy Rossiyskoy revolyutsii: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (k 100-letiyu revolyutsionnykh sobytii v Rossii i periodu Grazhdanskoy voyny i inostrannoy intervetsii) = Siberia during the Great Russian Revolution: proceedings of All-Russian scientific and practical conference with international participation (to the 100th anniversary of revolutionary events in Russia and the period of the Civil War and foreign intervention)*. Ulan-Ude: Vostochno-Sibirskiy gosudarstvennyy universitet tekhnologiy i upravleniya, 2017:103–110. (In Russ.)
9. Datsyshen V.G. Issues of completing the “Siberian Expedition” in Trans-Baikal region. New documents on the history of Japanese intervention in Siberia. *Yaponskie issledovaniya = Japanese studies*. 2017;(2):29–45. (In Russ.)
10. Gordeev N.V. Red Chinese in the struggle for Soviet power in Trans-Baikal region. *Rossiysko-kitayskie issledovaniya = Russian-Chinese studies*. 2019;3(2):17–26. (In Russ.)
11. Timofeev A.M. Partisan diplomat. *Gody i lyudi. Stat'i i ocherki ob uchastnikakh bor'by za Sovety v Zabaykal'e = Years and people. Articles and essays about the participants in the struggle for the Soviets in Trans-Baikal region*. Chita: Chit. kn. izd-vo, 1960:90–96. (In Russ.)
12. Gosudarstvennyy arkhiv Zabaykal'skogo kraya (GAZK). F. P-4307. Op. 2. D. 935 = State Archive of Trans-Baikal region. Fund P-4307. Item 2. File 935. (In Russ.)
13. *Za vlast' Sovetov. Sbornik dokumentov o bor'be trudyashchikhsya Zabaykal'ya v 1917–1922 gg. = For the Power of the Soviets. Collection of documents on the struggle of workers of Transbaikalia in 1917–1922*. Chita: Kn. izd-vo, 1957:440. (In Russ.)
14. Vorosov K.E. Thanks to our Chinese friends! *Krasnogvardeytsy i partizany. Sbornik vospominaniy uchastnikov Grazhdanskoy voyny v Zabaykal'e = Red Guards and Partisans. A collection of memories of participants in the Civil War in Trans-Baikal region*. Chita: Chit. kn. izd-vo, 1957:109–116. (In Russ.)
15. GAZK. F. 289. Op. 3. D. 101 = State Archive of Trans-Baikal region. Fund 289. Item 3. File 101. (In Russ.)
16. GAZK. F. 334. Op. 2. D. 113 = State Archive of Trans-Baikal region. Fund 334. Item 2. File 113. (In Russ.)
17. GAZK. F. 334. Op. 2. D. 116 = State Archive of Trans-Baikal region. Fund 334. Item 2. File 116. (In Russ.)
18. Sukhacheva G.A. “May 4th Movement” 1919 history and evaluations. *Rossiya i ATR = Russia and Asia Pacific*. 1999;(3):29–34. (In Russ.)
19. GAZK. F. 289. Op. 3. D. 75 = State Archive of Trans-Baikal region. Fund 289. Item 3. File 75. (In Russ.)
20. GAZK. F. 329. Op. 1. D. 10 = State Archive of Trans-Baikal region. Fund 329. Item 1. File 10. (In Russ.)
21. *Boytzy vspominayut minuvshie dni = Fighters remember days gone by*. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1961:146. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Денис Александрович Таскин
аспирант кафедры истории,
Забайкальский государственный
университет (Россия, Забайкальский
край, г. Чита, ул. Чкалова, 140)

Denis A. Taskin
Postgraduate student
of the sub-department of history,
Transbaikals State University
(140 Chkalova street, Chita,
Trans-Baikal region, Russia)

E-mail: taskins@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 17.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.02.2025

Принята к публикации / Accepted 06.03.2025

УДК 94(47).084.8«1953/1964»
doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-5

Особенности демографии сельских территорий Куйбышевской области в период хрущевской оттепели

П. С. Кабытов¹, М. С. Чирков²

^{1,2}Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, Самара, Россия

¹don.kabytov2012@yandex.ru, ²mich.chirk@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Анализируется социально-демографическое развитие деревни Куйбышевской области (1953–1964 гг.); выявлены различные формы миграции в города, которые ускоряли процесс непрерывной убыли сельского населения. Данная проблема на современном этапе развития Российской Федерации приобретает особую актуальность в связи с ростом темпов сокращения сельского населения, что сдерживает экономическое развитие России. Цель работы – изучение особенностей социально-демографического развития сельской местности Куйбышевской области и факторов, оказавших влияние на показатели рождаемости, смертности, семейно-брачных отношений крестьянского населения. В период 1953–1964 гг. происходило усиление негативных тенденций в демографическом положении села за счет увеличения смертности и сокращения рождаемости, переселения трудоспособного населения в города. *Материалы и методы.* Основой для анализа послужили материалы архивных фондов Самарской области, Всероссийских переписей населения, демографическая статистика. Методологическую основу составляют: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, а также статистический методы исследования. *Результаты.* Выявлены последствия потерь куйбышевской деревни начиная с периода Великой Отечественной войны, а также послевоенного периода, связанного с усиливающимся оттоком крестьян в города. Процессы, связанные с сокращением рождаемости и увеличением смертности на селе в рамках начавшегося «демографического перехода», в совокупности с низким уровнем обеспечения и слабыми перспективами жизни в деревни обозначили устойчивую тенденцию к сокращению сельского населения. *Выводы.* Негативные тенденции в социально-демографическом развитии куйбышевской деревни неблагоприятно отражались на состоянии сельского хозяйства региона, уменьшали производственный потенциал села, создавая в будущем серьезные проблемы для экономики страны.

Ключевые слова: Куйбышевская область, сельская местность, сельское население, город, детская смертность, возраст, семья, демографическая ситуация

Для цитирования: Кабытов П. С., Чирков М. С. Особенности демографии сельских территорий Куйбышевской области в период хрущевской оттепели // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 52–66. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-5

Features of the demography of rural areas of Kuibyshev region during the “Khrushchev thaw”

P.S. Kabytov¹, M.S. Chirkov²

^{1,2}Samara National Research University, Samara, Russia

¹don.kabytov2012@yandex.ru, ²mich.chirk@mail.ru

© Кабытов П. С., Чирков М. С., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Abstract. *Background.* This article analyzes the socio-demographic development of villages in the Kuibyshev region (1953–1964); various forms of migration to cities have been identified, which accelerated the process of continuous decline in the rural population. This problem is becoming particularly relevant at the present stage of the development of the Russian Federation due to the increasing rate of rural population decline, which hinders Russia's economic development. The purpose of the work is to study the features of the socio-demographic development of rural areas of Kuibyshev region and the factors that influenced the birth rate, mortality, family and marriage relations of the peasant population. In the period 1953–1964, there was an increase in negative trends in the demographic situation of the village due to an increase in mortality and a decrease in the birth rate, and the relocation of the able-bodied population to cities. *Materials and methods.* The analysis was based on materials from the archival collections of Samara region, the All-Russian population censuses, and demographic statistics. The methodological basis consists of: problematic-chronological, comparative-historical, as well as statistical research methods. *Results.* The consequences of the losses of Kuibyshev village have been revealed, starting from the period of the Great Patriotic War, as well as the post-war period associated with the increasing outflow of peasants to the cities. The processes associated with a decrease in the birth rate and an increase in mortality in rural areas as part of the “demographic transition” that has begun, combined with a low level of provision and poor prospects for rural life, have marked a steady trend towards a decrease in the rural population. *Conclusions.* Negative trends in the socio-demographic development of Kuibyshev village adversely affected the state of agriculture in the region, reduced the production potential of the village, creating serious problems for the country's economy in the future.

Keywords: Kuibyshev region, rural area, rural population, city, child mortality, age, family, demographic situation

For citation: Kabytov P.S., Chirkov M.S. Features of the demography of rural areas of Kuibyshev region during the “Khrushchev thaw”. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(2):52–66. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-5

Демографическая проблема в современной России является одной из наиболее актуальных, с учетом тенденций к снижению численности коренного населения страны. Поиски путей выхода из демографического кризиса стали одной из важнейших государственных задач, от которой напрямую зависит будущее страны. Общее сокращение населения в Российской Федерации, как правило, связывают с периодом либеральных реформ 1990-х гг. Однако негативные тенденции берут свое начало не в количественных изменениях, ставших следствием непродуманной политики «младореформаторов». Истоки этих процессов – бурное время первых десятилетий XX в.: Первая мировая война, Великая российская революция, Гражданская война. Деформация структуры населения страны продолжилась и в 1920–1930-е гг. Значительное влияние на эволюцию деревни оказала Великая Отечественная война. Сокращение сельского населения на 11,4 млн человек было огромным ударом по отечественному селу с точки зрения воспроизводства населения [1, с. 80]. Именно крестьянин в первую очередь подпадал под мобилизацию и становился в ряды защитников Родины в родах войск, которые несли самые большие потери – пехота, танковые армии, артиллерия. По оценкам региональных историков, всего из Куйбышевской области в ее современных административных границах на фронт было призвано 524 000 граждан, с полей сражений не вернулось более 200 тыс. человек [2, с. 1126]. Если учесть, что город-

ское население перед войной составляло примерно десятую часть населения, то можно утверждать, что отечественная деревня понесла огромные потери, которые компенсировать в короткие сроки было невозможно. Безусловно, демографические сдвиги были вызваны не только проводимой в 1930-е гг. политикой индустриального развития и коллективизации деревни, но и общими трендами на урбанизацию населения, вызванными переходом многих европейских стран от аграрного к индустриальному обществу. Также необходимо учитывать фактор общего «демографического перехода», связанного с ментальными изменениями народонаселения.

Проблемы социально-демографического развития нашей страны исследовались историками, социологами и представителями других научных направлений гуманитарного знания [3–5]. В современной России большое внимание изучению различных аспектов динамики населения уделяется в рамках междисциплинарного подхода. Учет фактора многонациональности и поликонфессиональности нашей страны способствовал росту этнодемографических исследований [6, 7]. Особую актуальность приобретает изучение демографической ситуации в Поволжье, которое, с одной стороны, является ярким примером компактного проживания на данной территории многих народностей (русских, татар, мордвы, чуваш), а с другой – иллюстрирует процессы сокращения крестьянского населения, создающие серьезные проблемы развитию сельского хозяйства и экономики в целом. В этой связи возрастает необходимость научной разработки особенностей эволюции структуры населения на региональном уровне. Несмотря на то что некоторые аспекты этой проблемы нашли отражение в ряде работ поволжских историков, тем не менее все еще недостаточно изучены такие показатели, как семейно-брачные отношения, рождаемость, структура семьи, смертность.

В научной литературе достаточно полно исследованы процессы социально-демографического развития 1920–1940-х гг. Позднесоветский период все еще недостаточно изучен. В этом отношении крайне важным нам представляется период хрущевской оттепели, когда аграрные реформы 1953–1964 гг. дали начало новому переходу сельского населения в города. Именно в это время впервые в истории российской глубинки начался масштабный процесс сокращения числа деревенских жителей. Изменились многие черты крестьянского быта, прямым образом повлиявшие на формирование нового жизненного сценария семьи.

Реконструкция социально-демографических процессов периода оттепели осуществлена на основе материалов региональных архивов, которые содержат различные данные о составе крестьянских семей, рождаемости и смертности, браках и разводах. Тем самым исследователь имеет возможность основательно погрузиться в мир деревенской семьи середины XX в., на сегодняшний момент в значительной степени безвозвратно ушедший в историю. На основе анализа архивных материалов, содержащих историческую информацию о населении Куйбышевской области, можно реконструировать многие демографические процессы периода оттепели. Безусловно, для объективного анализа нашей проблематики привлекались и другие источники. Тем не менее информация из архивных фондов позволяет выявить основные тенденции социально-демографического развития населения Куйбышевской области в 1950–1960-е гг.

К началу 1950-х гг. демографическая ситуация в деревне начала улучшаться, главным образом за счет тех, кто встретил войну в детском или подростковом возрасте. Полного восстановления демографического потенциала деревни не произошло, поскольку в послевоенные годы стал возрастать отток сельского населения в города. Необходимо было отстраивать города, возрождать отечественную промышленность. Требовались рабочие руки, которых не хватало, поэтому использовались демографические ресурсы деревни, и без того истерзанной войной. Покидали село в первую очередь молодые трудоспособные люди, чьи силы и здоровье должны были помочь в восстановлении промышленности и городской инфраструктуры.

Холодная война внесла коррективы в процессы восстановления экономического потенциала страны. Важнейшей задачей становилось не просто возрождение промышленности, но и активное наращивание численности предприятий тяжелой промышленности и военного комплекса. В начале 1950-х гг. одной из форм привлечения сельского населения становится так называемый оргнабор – организованный набор рабочих для промышленных строек, а также на различные сезонные работы: торфоразработки, лесозаготовки, рыбной путины. В результате оргнабора на строительство важных объектов привлекалось значительное количество работоспособного сельского населения. По оценкам историков, данным еще в советское время, за период 1955–1959 гг. в города переехало более 1,2 млн человек. О. М. Вербицкая отмечает, что особенностью оргнабора было то, что договор с работником носил срочный характер и после окончания строительства сельский житель должен был вернуться в родную деревню, однако это происходило нечасто. Лишь около 10 % набранных возвращались обратно, а подавляющее большинство оставалось в городах либо перемещалось на другие стройки [4, с. 81].

Справедливости ради нужно отметить, что по линии оргнабора наем рабочей силы постепенно, год от года, сокращался. Это было вызвано тем, что масштабное восстановление страны к началу 1950-х гг. практически завершилось и на повестке дня главным становилось сооружение новых предприятий, имеющих большое значение для развития советской экономики. В целом же программа оргнабора действовала вплоть до 1961 г. Именно тогда Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете министров РСФСР официально прекратило практику привлечения людей для городского строительства, ссылаясь на необходимость решения (по постановки) других задач [8, л. 115]. Вместе с тем необходимость подготовки профессиональных рабочих для промышленности обусловила направление молодых сельчан на обучение в школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища. Таким образом, ежегодно тысячи парней и девушек покидали деревню и переезжали в города.

Одним из важнейших демографических факторов, повлиявших на изменение численности населения в сельской местности, стала политика по сселению так называемых «неперспективных» деревень. Начиная с 1959 г. программа по изменению поселенческой структуры привела к уменьшению численности деревень и, как следствие, к сокращению сельского населения. Согласно данным Л. Н. Мазур, численность сельских населенных пунктов в целом по РСФСР сократилась с 294 до 177 тыс., т.е. составила 18,3 % [9, с. 31]. Результаты переписи населения 1959 г. однозначно свидетельствуют о глубо-

ких демографических изменениях, последовавших в сельской местности. Перепись населения 1959 г. была первой, которая зафиксировала в ряде регионов преобладание городского населения над сельским. Так, в Куйбышевской области при населении 2 млн 258 тыс. человек в сельской местности проживало 861 тыс. (38,1 % населения) [10, с. 130]. В 1970 г. при проведении новой переписи ситуация уже кардинально отличалась от предыдущей: в Куйбышевской области при населении 2 млн 743 тыс. человек сельских тружеников насчитывалось 782 тыс. (28,2 %) [11, с. 6–7].

В целом, динамика рождаемости в сельской местности Куйбышевской области демонстрировала тенденции к росту: если в 1950 г. родилось 21 933 человека, то в 1954 г. – 25 119. При этом только в 1952 г. естественный прирост населения сравнялся с аналогичным показателем 1940 г., достигнув отметки в 14 806 человек. В целом, за первую половину 1950-х гг. естественный прирост увеличился с 13 535 человек в 1950 г. до 15 640 человек в 1954 г., однако во второй половине 1950-х гг. произошло возвращение этого показателя к первоначальным значениям. К 1958 г. разница между рождаемостью и смертностью составила лишь 13 404. Сокращение естественного прироста во второй половине 1950-х гг. касалось прежде всего сельской местности. Фактически на селе люди умирать стали чаще, чем рождаться. При этом показатели смертности старшего поколения были достаточно высоки, что не позволяет говорить о повышении продолжительности жизни. Таким образом, демографическая ситуация в деревне со второй половины 1950-х гг. приобретает черты «старения снизу», когда снижение рождаемости сочетается с высокой старческой смертностью.

Причины такого явления имеют комплексный характер и связаны с рядом социальных, политических и экономических процессов. Во-первых, во времена хрущевской оттепели изменилась государственная политика в отношении рождаемости, что позволило самим женщинам регулировать свою фертильность. В 1955 г. были разрешены аборты. Во-вторых, миграция сельской молодежи в города приводила к тому, что все больше детей рождалось там. В-третьих, снижение рождаемости было связано с ментальной трансформацией – отношением к рождению детей в процессе «демографического перехода». Понятие «демографического перехода», сформулированное еще в 1930-х гг., связано со сменой «традиционного (экстенсивного) типа воспроизводства населения современным», начало которому было положено вступлением общества в индустриальную эпоху в XIX в. Для традиционных аграрных обществ свойственен особый тип демографического поведения, ориентированный на высокую рождаемость в условиях высокой смертности населения. С изменением этих условий, когда угрозы выживанию снижаются, на первый план выходит стремление рационально регулировать деторождение внутри семьи, «в результате меняется шкала социальных ценностей, само отношение людей к жизни и смерти» [12].

Болезни различного характера уносили жизни более половины от общего числа умерших сельчан. Почти такие же показатели характерны и для городского населения. Например, по данным за 1954 г., в сельской местности от болезней умерло 62,2 %, в г. Куйбышеве – 62,1 %, в остальных городах и рабочих поселках области – 62,4 %. Особенно частой причиной смерти

взрослого населения были рак и туберкулез в разных формах, от которых умирало в основном взрослое трудоспособное население.

Вместе с тем сельская статистика была не в полной мере репрезентативной, так как врачебная регистрация причин смерти велась далеко не везде. Куйбышевский Облстат располагал данными о смертности только в отношении 20–25 % от числа всех умерших [13, л. 3]. Согласно неполным данным, в начале 1950-х гг. сохранялся достаточно высокий процент детской смертности, который, впрочем, не превышал аналогичный показатель по городскому населению (табл. 1).

Таблица 1

Рождаемость и смертность в Куйбышевской области в 1952–1957 гг.
[13, л. 1; 14, л. 20; 15, л. 56; 16, л. 115]

Категории населения	1952 г.			1953 г.			1954 г.			1957 г.		
	Родилось	Умерло	Естественный прирост	Родилось	Умерло	Естественный прирост	Родилось	Умерло	Естественный прирост	Родилось	Умерло	Естественный прирост
Всего по Куйбышевской области	35 254	12 891	22 363	–	–	–	50 803	17 740	33 063	56 625	18 669	37 956
Сельская местность	24 245	9 439	14 806	22 573	8775	13 798	23 025	9158	13 867	25 119	9479	15 640

Так, если в сельской местности в 1954 г. 18,3 % смертей приходилось на младенческий возраст, то по г. Куйбышеву эта цифра составляла 18,4 %, а по остальным городам и рабочим поселкам области – 25,5 % [13, л. 3]. Детей в возрасте до 1 года умирало в сельской местности больше, чем в городах. При этом в целом показатели детской смертности снизились более чем в 3 раза по сравнению с довоенными годами [15, л. 56]. В 1950-е гг. тенденция к снижению продолжилась. Например, в 1957 г. из 8865 умерших детей до 1 года насчитывалось 1115, т.е. 12,6 % [15, л. 57]. К 1958 г. процент скончавшихся уменьшился: из 732 умерло 81, т.е. 11 % [16, л. 118]. Таким образом, по сравнению с 1954 г. смертность сократилась почти в 2 раза, если точнее – в 1,65 раз.

Однако если считать не в процентном, а в количественном отношении, то становится очевидным отсутствие устойчивой тенденции сокращения младенческой смертности. Во второй половине 1950-х гг. гибель младенцев колебалась на уровне достаточно высоких значений: в 1955 г. в сельской местности умерло 1332 ребенка в возрасте до 1 года, в 1956 г. – 934, в 1957 г. – 1115, в 1958 – 810. В то же время в городах аналогичные показатели выгля-

дели более позитивно: в 1955 г. в Куйбышеве умерло 754 ребенка, в 1956 г. – 531, в 1957 г. – 490; в других городах области: в 1955 г. – 731, в 1956 г. – 546, в 1957 г. – 594 [17, л. 113].

Таким образом, уменьшение процента умерших детей по отношению к умершим других возрастов явно свидетельствует о снижении смертности, но только на фоне снижения рождаемости. Процент снижения детской смертности был связан со снижением рождаемости, а не с улучшением качества жизни и медицинского обслуживания на селе. Основными причинами детской смертности в возрасте до 1 года в сельской местности были преждевременное рождение и воспаление легких, среди остальных причин констатировались: родовые травмы, токсическая диспепсия и сепсис [17, л. 115].

Примечательно, что от дизентерии и токсической диспепсии чаще умирали (преимущественно) городские дети, чем деревенские [13, л. 4]. Так, от дизентерии в сельской местности умирали дети в возрасте до 2 лет (в 1957 г. – 39 случаев младенческой смерти, 28 случаев – в возрасте от 1 года до 2 лет, в более старшем возрасте смерть по этой причине была достаточно редко). Детские острозаразные заболевания, такие как корь, дизентерия и др., также приводили к детским смертям.

Высокая детская смертность была связана с рядом причин. Во-первых, это отсутствие доступной и своевременной медицинской помощи: женских консультаций на селе не было, а имеющаяся сеть лечебных учреждений и фельдшерско-акушерских пунктов не охватывала все села и колхозы [17, л. 115]. Во-вторых, сельские женщины не были обеспечены возможностью родового и послеродового отпуска и соответствующего социального обеспечения, позволяющего посвятить себя рождению и уходу за ребенком в первые месяцы его жизни. Не случайно, что именно преждевременные роды становились главной причиной детской смертности на селе. Тяжкий физический труд как в колхозе, так и в своем хозяйстве истощал здоровье будущей матери. Таким образом, сельчанки были лишены и должного медицинского обслуживания, необходимого социального обеспечения и заботы со стороны государства, что приводило к стабильно высокому уровню детской смертности.

Более часто, чем маленькие дети, в сельской местности умирали только старики. Если взять за возрастной критерий 60 лет и старше, то динамика представится следующая: по г. Куйбышеву: в 1950 г. умерло 16,7 % лиц преклонного возраста, в 1953 г. – 35,2 %, в 1955 г. – 42,2 %, в 1957 г. – 47,4 %; в сельской местности: в 1950 г. – 39,4 %, в 1953 г. – 42,7 %, в 1955 г. – 46,8 %, в 1957 г. – рекордные 50,5 % (табл. 2).

Таким образом, представителей старшего поколения в деревнях умирало больше, чем в городах, с каждым годом показатели старческой смертности на селе значительно возрастали, доходя до половины всех летальных исходов.

Таблица 2

Смертность в Куйбышевской области по возрастам в 1950–1957 гг., % [17, л. 58]

Возраст	Куйбышев						Прочие города и поселки городского типа			Сельская местность					
	1950	1953	1954	1955	1956	1957	1950	1953	1954	1950	1953	1954	1955	1956	1957
Менее 1 года	26,3	21,8	18,4	15,2	11,6	9,7	22,8	23,7	25,5	16,8	17,6	18,3	15,7	12,2	12,6
1–2 года	–	–	–	2,6	2,1	2	–	–	–	–	–	–	5,3	3,8	4,7
1–3 года	8,9	6,9	4,9	–	–	–	11,1	8,6	8,1	7,4	7,6	7,4	–	–	–
3–6 лет	–	–	–	1,5	1,1	1	–	–	–	–	–	–	2,8	2,2	2,1
4–6 лет	0,9	1,5	1,3	–	–	–	–	1,1	1,3	1,3	1,6	1,6	–	–	–
7–13 лет	–	–	–	1,2	1,3	1,4	–	–	–	–	–	–	1,6	2,6	1,4
7–15 лет	2,3	1,6	1,7	–	–	–	2,7	1,8	1,5	3,6	2,3	2,4	–	–	–
14–15 лет	–	–	–	0,3	0,4	0,2	–	–	–	–	–	–	0,5	0,5	0,3
16–17 лет	–	–	–	0,7	0,7	0,6	–	–	–	–	–	–	1	0,6	0,6
16–19 лет	1,2	1	1,3	–	–	–	1,3	1,4	1,7	1,4	1,6	1,5	–	–	–
18–24 года	–	–	–	3,6	2,7	2,6	–	–	–	–	–	–	2,3	2,4	2,5
25–29 лет	–	–	–	3,9	3,6	3,6	–	–	–	–	–	–	2,7	2,7	2,8
20–29 лет	6,9	6,7	6,1	–	–	–	7	8,8	8	5,7	5,3	4,8	–	–	–
30–39 лет	6,4	4,6	5,4	5,3	5	6,4	5,6	5,4	4,5	5,9	4,1	3,8	4,1	4,2	4,3
40–49 лет	8,8	10,2	9,4	9,7	10,1	7,8	9,7	8	8,2	8,1	7,3	6,9	7,4	7,5	7,4
50–54 года	–	–	–	6,5	6,7	6,8	–	–	–	–	–	–	4,5	5	5,3
55 лет	–	–	–	1,3	1,7	1,3	–	–	–	–	–	–	1,3	1	1,1
50–59 лет	11,6	10,8	12,6	–	–	–	9,9	11	10,6	9,6	9,8	9,4	–	–	–
56–59 лет	–	–	–	5,9	6,3	6,3	–	–	–	–	–	–	3,9	4,6	4,4
60 лет и старше	–	–	–	42,2	46,7	47,7	–	–	–	–	–	–	46,8	51,6	50,5
60–69 лет	12,7	14,8	15,8	–	–	–	12,4	11,5	11,3	14,4	13,7	13,3	–	–	–
70 лет и старше	14	20,4	23	–	–	–	16,3	18,5	19,3	25	29	30,5	–	–	–

Более отчетливо демографическую ситуацию можно представить, если подсчитать процент умерших по возрастам трудоспособности, объединив все детские смертности в возрасте от 0 до 16 лет в один показатель. Тогда получится, что в 1957 г. из всех умерших 50,5 % приходилось на лиц старше 60 лет, а 21,1% – на детский и подростковый возраст. Несмотря на достаточно высокий показатель естественного прироста, увеличение смертности старшего нетрудоспособного поколения на фоне сокращения рождаемости и стабильно значительной детской смертности создавало предпосылки демографического кризиса в сельской местности, что соответствующим образом отразилось бы на развитии экономики вообще и сельского хозяйства в частности, равно как и на уровне благополучия населения страны.

Естественно, что главным образом на процесс деторождения влиял институт брака, который в условиях сохранения традиционного уклада являлся едва ли не единственной формой существования семьи. В сельской местности жители чаще заключали брак, чем в городах: от общей численности зарегистрированных в Куйбышевской области браков на сельскую местность приходилось устойчивое большинство. Однако постепенно закреплялась тенденция к снижению этого показателя: в 1940 г. на селе заключалось 74 % браков, в 1951 г. – 67,32 %, в 1952 г. – 64,83 %, а в 1953 г. – 62,17 % (табл. 3).

Таблица 3

Браки и разводы в Куйбышевской области в 1940–1958 гг.
[14, л. 23; 15, л. 56; 16, л. 115]

Типы населенных пунктов	Браки							Разводы				
	1940	1951	1952	1953	1957	1958	1940	1951	1952	1953	1957	1958
Всего по Куйбышевской области	6276	15 497	14 175	16 000	–	–	622	366	442	619	–	–
Городская местность	1621	5065	4986	6053	–	–	194	254	290	429	–	–
Сельская местность	4655	10 432	9189	9947	10 021	9853	428	112	152	190	435	514

Такая динамика отчасти объясняется оттоком трудоспособного населения, в том числе молодежи, в города. Заключенные браки в крестьянской среде распадались редко: две трети разводов приходилось на городские семьи. В селах количество разводов хотя и росло, но в процентном отношении демонстрировало устойчивые 30–34 %. Кризисным для семьи периодом, вероятно, были 5–9 год брака, когда совершалось большинство разводов. Несколько реже на развод шли пары после 10–19 лет брака, еще меньшее количество расторжения браков приходилось на 3–4 и 1–2 годы совместной жизни, и самый низкий показатель разводов был у супругов в период первого года брака. Мужчины чаще всего разводились в возрасте 30–39 лет, женщины – 25–29 лет, реже всего разводились в 18–19 и старше 60 лет (табл. 4).

Таблица 4

Продолжительность брака в Куйбышевской области в 1958 г. [15, л. 80]

Продол- житель- ность брака	Мужчины, лет						Женщины, лет						
	20-24	25-29	30-39	40-49	50-59	>60	18-19	20-24	25-29	30-39	40-49	50-59	>60
До 6 месяцев	7	36	8	–	–	–	1	19	23	20	8	1	2
6–11 месяцев	4	6	4	1	1	–	1	5	3	5	1	1	–
1–2 года	9	33	16	–	1	1	3	23	25	7	1	1	–
3–4 года	1	41	26	2	1	1	1	17	30	19	3	2	–
5–9 лет	2	48	73	3	3	1	–	5	75	44	5		1
10–19 лет	–	4	37	18	–	–	–	–	–	5	46	8	–
20 лет и больше	–	–	–	11	10	2	–	–	–	–	13	8	2

Большинство браков заключалось в возрасте до 20–24 лет, почти вдвое реже – в возрасте до 20 лет. После 30 лет браки заключались не часто. Однако если обратиться к статистике загсов Куйбышевской области за 1958 г., то можно увидеть, что редкие регистрации брачующихся в возрасте от 30 до 55 лет (в диапазоне 190–230 браков) сменяются некоторым всплеском в возрасте старше 55–60 лет и старше (около 300 браков). Видимо, это объясняется тем, что вести хозяйство в условиях сельской жизни было непросто, особенно в престарелом возрасте и в случае смерти одного из супругов. Тот, кто остался вдовой или вдовцом, предпочитал вновь создавать семью, чтобы разделить тяготы крестьянской жизни.

Из обследований 506 хозяйств 22 колхозов зернового направления за 1 квартал 1954 г. выяснилось, что в среднем семья состояла из 4,26 человека, причем 20,7 % составляли дети до 11 лет, 5,9 % – подростки обоего пола в возрасте 12–13 лет, 6,8 % – 14–15 лет, мужчины 16–59 лет составляли 26,5 %, женщины 16–54 лет – 30 %, престарелых обоего пола – 10 % [18, л. 2]. Если обобщить эти цифры, то получается, что около 33,4 % сельского населения приходилось на детей (до 16 лет), 10 % – на престарелых (женщины старше 55 и мужчины старше 60), 56,5 % – на трудоспособных граждан.

В крестьянской среде достаточно прочными были семейные традиции, которые сохранялись в многодетных семьях. По данным за 1954 г., «в сельской местности число детей, родившихся у многодетных матерей (имеющих 3 и более детей), составляет 43,9 % ко всем родившимся детям, в городах и рабочий поселках (без г. Куйбышева) – 26,2 %, в г. Куйбышеве – 18 %» [13, л. 3]. И в городе, и в деревне бездетные семьи не являлись нормой, но установка на многодетность, как и ранее, была характерна в большей мере для сельских жительниц. Несмотря на разрушение традиционного патриархального уклада крестьянского мира проведенными советской властью реформами, большая семья продолжала сохранять позиции идеального образа организации частной жизни, который, однако, все реже воплощался в реальность. По подсчетам исследователей, в период 1945–1953 гг. более 50 % семей колхозников были многодетными [19, с. 28]. По сравнению с приведенной

аналогичной статистикой по 1954 г. очевидно снижение доли многодетных семей. Такая динамика во многом была связана с развивающейся миграцией сельского трудоспособного населения в города, где бывшие крестьяне включались в иную социальную среду, приобретали и усваивали новые для себя ценности и нормы поведения. Но все же разрыв между демографическим поведением сельчан и горожан говорит об устойчивости в крестьянской среде ориентации на семью с 3 и более детьми. Как правило, в семьях рождалось до 5 детей, реже – до 11 и более (табл. 5).

Таблица 5

Количество детей по порядку рождения в крестьянских семьях
(с учетом возраста матери) [15, л. 58]

Возраст матерей	Ребенок в семье										
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й	9-й	10-й	11-й и более
Всего родившихся	7400	5827	3713	2201	1358	780	432	257	163	90	84
У матерей моложе 16 лет	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
16–19 лет	1021	58	8	–	–	–	–	–	–	–	–
20–24 года	3767	1447	252	49	4	5	–	–	–	–	–
25–29 лет	2038	2971	1748	681	207	50	12	1	1	–	1
30–34 года	420	1084	1295	966	606	264	95	29	7	2	1
35–39 лет	88	185	299	342	334	273	155	76	44	19	12
40–44 года	26	30	68	115	164	144	129	129	91	52	53
45–49 лет	1	7	9	18	17	31	27	18	19	17	15
50–54 года	–	–	1	2	2	–	3	–	1	–	–
55 лет и старше	–	–	–	1	3	1	1	–	–	–	–
Неизвестен возраст	201										

При этом нормой являлось рождение первого ребенка матерью в возрасте 20–29 лет, реже – в 16–19 лет. Случаи, когда матерью становились девушки, не достигшие 16-летнего возраста, также встречались, но были единичны. Ранняя подростковая беременность считалась аномалией, а не нормой сельской жизни. По достижении матерью 16 лет перерывы между рождением очередного ребенка были не велики: к 20–24 годам некоторые женщины успевали выносить 6 детей, но чаще в этом возрасте заводили второго и третьего ребенка. К 29-летнему возрасту в редких случаях мать рождала 11 и более детей, более обычным для этого возраста явлением было рождение третьего, четвертого и пятого ребенка. Активное деторождение у женщин продолжалось примерно до 45 лет, когда семьи успевали обзавестись более чем четырьмя детьми. Рождение ребенка матерью старше 50 лет случалось, но не было распространенной практикой.

Согласно данным статистики за 1957 г., в сельской местности Куйбышевской области всего в многодетных семьях родилось 9078 детей, а в 1958 г. – 8124 [16, л. 122]. По роду занятий чаще всего многодетные матери работали в колхозах (4324 человека в 1957 г., 3773 – в 1958 г.), либо состояли

на иждивении отца ребенка (3291 человек в 1957 г., 2746 – в 1958 г.), либо были трудоустроены в государственных и кооперативных организациях (1441 человек в 1957 г., 1410 – в 1958 г.). Отец семейства, содержавший многодетную супругу, имел с ней аналогичное трудоустройство (2886 человек в 1957 г.) и очень редко – работал в колхозе (97 человек в 1957 г.) [15, л. 58 об.]. Такие данные дают основание полагать, что семья колхозника реже могла позволить себе неработающую мать, чем семья служащего госпредприятия или кооператива.

Таким образом, в демографическом облике сельского населения Куйбышевской области в период оттепели можно отметить следующие тенденции. К началу 1950-х гг. народонаселение в деревне стало увеличиваться, что было связано с постепенным вхождением во взрослую жизнь поколения «детей войны» и преодоления последствий страшного мирового конфликта. С другой стороны, активизируется отток населения в города, что было вызвано потребностями советской промышленности. Меняется государственная политика в отношении рождаемости, в частности были разрешены аборты. Одновременно в период 1950-х гг. начинается так называемый «демографический период» – свойственный традиционным аграрным обществам тип демографического поведения, когда с изменением в лучшую сторону условий выживаемости населения на первый план выходит стремление рационально регулировать деторождение внутри семьи. Именно по этой причине происходит снижение детской смертности, а в не силу улучшения медицинского обслуживания, что подтверждают данные статистики.

Старческая смертность продолжает оставаться на высоком уровне, что в итоге приводит к эффекту так называемого «старения снизу», когда сокращение рождаемости при сохранении темпов возрастной кончины приводит к постепенному сокращению сельского населения. С проблемой рождаемости тесно связана тема института брака, его роли в воспроизводстве населения и, как следствие, влияния на демографические процессы в деревне. В частности, материалы обследований по Куйбышевской области представляют следующую картину. В связи с миграцией молодого и трудоспособного населения в города сократился процент заключаемых браков в сельской местности. Большинство браков регистрировалось в возрасте 20–24 лет. Таковых семейных союзов было в два раза больше, чем тех, что были образованы в возрасте до 20 лет. Браки после 30 лет заключались нечасто. При этом разводы в сельской местности встречались гораздо реже (треть от общего количества). Наибольшее количество разводов приходилось на 5–9 года совместной жизни.

Что касается деторождения, то нормой считалось рождение ребенка у матери 20–29 лет, при этом некоторые женщины к 24 годам имели уже по 2–3 детей, а к 29 годам рожали 3–5 ребенка. Процесс деторождения продолжался в основном до 45 лет, большинство семей к этому моменту уже имели 4 детей и более. Вместе с тем наметилась тенденция к общему сокращению количества детей в сельских семьях, в том числе и деревенской молодежи, переехавшей в города. В итоге, несмотря на высокий показатель естественного прироста сельского населения, уход из жизни старшего нетрудоспособного поколения на фоне уменьшения рождаемости и стабильно высокой детской смертности формировал предпосылки демографического кризиса в куйбышевской деревне (да и во многих других российских областях средней

полосы). Подобные негативные тенденции неблагоприятно отражались на развитии сельского хозяйства в частности и экономики СССР в целом, создавая критические угрозы для развития страны в будущем.

Список литературы

1. Вербицкая О. Б. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М. : Наука, 1992. 222 с.
2. Бушуева О. Ю. Безвозвратные потери уроженцев Куйбышевской области на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. № 8. С. 1125–1130.
3. Безнин М. А. Крестьянский двор в российском Нечерноземье. 1950–1965. Вологда : Пединститут, 1991. 256 с.
4. Вербицкая О. М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М. : ИРИ РАН, 2002. 318 с.
5. Томилин В. Н. Государство и колхозы. 1946–1964. М. : АИРО-XXI, 2021. 448 с.
6. Корнилов Г. Е. Восточный поворот: миграции населения на Урал и с Урала в XX веке // Демографическая история России. Вып. II: миграции населения. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2018. С. 198–226.
7. Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М. : Кучково поле, 2013. 320 с.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 518. Оп. 1. Д. 164.
9. Мазур Л. Н. Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х – 1980 гг.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 25–37.
10. Репинецкий А. И. Самарская область по материалам переписей населения страны // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 129–132.
11. О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1970 года. М. : Статистика, 1970. 16 с.
12. Сафарова Г. Демографические аспекты старения населения России // Перспективы. URL: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=36234>
13. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Р-2521. Оп. 15. Д. 1156.
14. ЦГАСО. Р-2521. Оп. 15. Д. 1160.
15. ЦГАСО. Р-2521. Оп. 20. Д. 2298а.
16. ЦГАСО. Р-2521. Оп. 20. Д. 3282.
17. ЦГАСО. Р-2521. Оп. 19. Д. 291.
18. ЦГАСО. Р-2521. Оп. 15. Д. 1167.
19. Хасянов О. Р. Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 358 с.

References

1. Verbitskaya O.B. Rossiyskoe krest'yanstvo: ot Stalina k Khrushchevu. Seredina 40-kh – nachalo 60-kh gg. = Russian peasantry: from Stalin to Khrushchev. Mid-1940s – early 1960s. Moscow: Nauka, 1992:222. (In Russ.)
2. Bushueva O.Yu. Irrecoverable losses of natives of the Kuibyshev region on the fronts of the Great Patriotic War (1941–1945). Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk = Proceedings of Samara Research Center of the Russian Academy of Sciences. 2008;(8):1125–1130. (In Russ.)
3. Beznin M.A. Krest'yanskiy dvor v rossiyskom Nechernozem'e. 1950–1965 = Peasant farm in the Russian Non-Black Earth Region. 1950–1965. Vologda: Pedinstitut, 1991:256. (In Russ.)

4. Verbitskaya O.M. *Naselenie rossiyskoy derevni v 1939–1959 gg. Problemy demograficheskogo razvitiya* = *Population of the Russian village in 1939–1959. Problems of demographic development*. Moscow: IRI RAN, 2002:318. (In Russ.)
5. Tomilin V.N. *Gosudarstvo i kolkhozy. 1946–1964* = *The State and collective farms. 1946–1964*. Moscow: AIRO-KhKhI, 2021:448. (In Russ.)
6. Kornilov G.E. Eastern turn: population migration to and from the Urals in the 20th Century. *Demograficheskaya istoriya Rossii. Vyp. II: migratsii naseleniya* = *Demographic history of Russia. Issue 2: population migration*. Ekaterinburg: IIA UrO RAN, 2018:198–226. (In Russ.)
7. Zhiromskaya V.B. *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* = *The main trends of demographic development of Russia in the 20th century*. Moscow: Kuchkovo pole, 2013:320. (In Russ.)
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 518. Op. 1. D. 164* = *State Archive of the Russian Federation. Fund 518. Item 1. File 164*. (In Russ.)
9. Mazur L.N. The policy of reconstruction of the Russian village (late 1950s – 1980s). *Otechestvennaya istoriya* = *National history*. 2005;(3):25–37. (In Russ.)
10. Repinetskiy A.I. Samara region based on the country's population census data. *Samarskiy nauchnyy vestnik* = *Samara bulletin*. 2013;(4):129–132. (In Russ.)
11. *O predvaritel'nykh itogakh Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1970 goda* = *On the preliminary results of the All-Union Population Census of 1970*. Moscow: Statistika, 1970:16. (In Russ.)
12. Safarova G. Demographic aspects of population aging in Russia. *Perspektivy* = *Prospects*. (In Russ.). Available at: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=36234>
13. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti (TsGASO). R-2521. Op. 15. D. 1156* = *Central State Archive of Samara region. Fund R-2521. Item 15. File 1156*. (In Russ.)
14. *TsGASO. R-2521. Op. 15. D. 1160* = *Central State Archive of Samara region. Fund R-2521. Item 15. File 1160*. (In Russ.)
15. *TsGASO. R-2521. Op. 20. D. 2298a* = *Central State Archive of Samara region. Fund R-2521. Item 20. File 2298a*. (In Russ.)
16. *TsGASO. R-2521. Op. 20. D. 3282* = *Central State Archive of Samara region. Fund R-2521. Item 20. File 3282*. (In Russ.)
17. *TsGASO. R-2521. Op. 19. D. 291* = *Central State Archive of Samara region. Fund R-2521. Item 19. File 291*. (In Russ.)
18. *TsGASO. R-2521. Op. 15. D. 1167* = *Central State Archive of Samara region. Fund R-2521. Item 15. File 1167*. (In Russ.)
19. Khasyanov O.R. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo krest'yanstva perioda pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.* = *Everyday life of the Soviet peasantry during the late Stalinist period. 1945–1953*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018:358. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Петр Серафимович Кабытов

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой российской
истории, Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева
(Россия, г. Самара, ул. Московское
шоссе, 34)

Petr S. Kabytov

Doctor of historical sciences,
professor, head of the sub-
department of Russian history,
Samara National Research
University (34 Moskovskoye shosse
street, Samara, Russia)

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Михаил Сергеевич Чирков

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры отечественной
истории и историографии, Самарский
национальный исследовательский
университет имени академика
С. П. Королева (Россия, г. Самара,
ул. Московское шоссе, 34)

Mikhail S. Chirkov

Candidate of historical sciences,
associate professor, associate professor
of the sub-department of national history
and historiography, Samara
National Research University
(34 Moskovskoe shosse street,
Samara, Russia)

E-mail: mich.chirk@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 18.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 05.03.2025

Принята к публикации / Accepted 28.03.2025

В С Е О Б Щ А Я И С Т О Р И Я

GENERAL HISTORY

УДК 737.1:937.05:947.031
doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-6

Римские денарии *triumviri monetales* 82 г. до н.э.: к вопросу об использовании метода сравнения штемпелей в монетной эмиссии эпохи Античности и Средневековья

С. В. Белоусов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
sergbel_1812@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В последние годы в исторических и нумизматических исследованиях все чаще начинает применяться метод поштемпельного анализа монет, позволяющий моделировать многие стороны экономического развития и с их помощью реконструировать различные процессы исторической действительности. Метод сравнения штемпелей дает возможность не только представить особенности технологии изготовления монет, но и на основе определения количества штемпелей, употребляемых для их чекана, и, соответственно, количества отчеканенной монеты установить многие параметры денежного обращения в тех или иных государствах на разных этапах их развития. Указанный метод получил развитие в первую очередь в рамках изучения античной нумизматики, главным образом римского республиканского монетного двора. В контексте рассмотрения проблемы особое значение имеет анализ чеканки денариев *triumviri monetales* 82 г. до н.э., в частности П. Крепузия и Л. Цензурина. Результаты исследований зарубежных ученых вполне могут лечь в основу реконструкции деятельности монетных дворов Золотой Орды. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе диалектического метода познания исторических процессов, включающего в себя принципы историзма, объективности и системности. При изучении темы необходимо использование междисциплинарного подхода и, в частности, данных различных вспомогательных исторических дисциплин, в частности нумизматики, палеографии, метрологии. *Результаты.* Проанализированы работы зарубежных и отечественных исследователей, связанные с использованием метода поштемпельного анализа в античной и золотоордынской нумизматике. Рассмотрены основные факторы применения поштемпельного анализа монет для моделирования различных сторон экономического развития и реконструкции различных процессов исторической действительности на примере деятельности монетного двора г. Мохши. *Выводы.* Применение метода сравнения штемпелей может помочь в атрибуции мохшинских дангов и пулов, уточнению их датировки, определению имени эмитента. Установление количества выпускаемой монеты не только даст возможность сделать интересные выводы о развитии торговли и торговых связях, но и на основе денежного обращения Поволжского региона позволит выяснить влияние улусного центра на ближайшую округу, сделает возможным вплотную заняться определением численности населения, проживавшего в этой округе, и проблемой золотоордынской демографии в целом.

Ключевые слова: античная нумизматика, римский республиканский монетный двор, денарий, монетная эмиссия, П. Крепузий, Л. Цензорин, Золотая Орда, Мохши, улус, монетный двор г. Мохши, данг, пул

Для цитирования: Белоусов С. В. Римские денарии *triumviri monetales* 82 г. до н.э.: к вопросу об использовании метода сравнения штемпелей в монетной эмиссии эпохи Античности и Средневековья // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 67–81. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-6

Roman denarius triumviri monetales 82 B.C.: on the use of the method of comparing stamps in the coin issue of antiquity and the middle ages

S.V. Belousov

Penza State University, Penza, Russia

sergbel_1812@mail.ru

Abstract. *Background.* In recent years, the method of stamp analysis of coins has been increasingly used in historical and numismatic research, which makes it possible to model many aspects of economic development and reconstruct various processes of historical reality with their help. The stamp comparison method makes it possible not only to present the specifics of the coin manufacturing technology, but also to determine many parameters of monetary circulation in various states at different stages of their development based on the determination of the number of stamps used for their minting and, accordingly, the number of coins minted. This method was developed primarily in the framework of the study of ancient numismatics, mainly the Roman Republican mint. In the context of the problem, the analysis of the coinage of the *triumviri monetales* 82 BC, in particular by P. Crepusius and L. Censorin, is of particular importance. The research results of foreign scientists may well form the basis for the reconstruction of the activities of the mints of the Golden Horde. *Materials and methods.* The realization of research objectives was achieved on the basis of the dialectical method of cognition of historical processes, which includes the principles of historicism, objectivity and consistency. When studying the topic, it is necessary to use an interdisciplinary approach and, in particular, data from various auxiliary historical disciplines, in particular, numismatics, paleography, and metrology. *Results.* The article analyzes the works of foreign and domestic researchers related to the use of the method of stamp analysis in ancient and Golden Horde numismatics. The main factors of the use of stamp analysis of coins for modeling various aspects of economic development and reconstruction of various processes of historical reality are considered on the example of the activities of the mint of the city of Mokhshi. *Conclusions.* The use of the stamp comparison method can help in attributing Mokhshi dangs and pools, clarifying their dating, and determining the issuer's name. Establishing the number of coins issued will not only provide an opportunity to draw interesting conclusions about the development of trade and trade relations, but also, based on the monetary circulation of the Volga region, will make it possible to determine the influence of the district center on the nearest district, will make it possible to closely study the number of people living in this district and the problem of Golden Horde demography in general.

Keywords: ancient numismatics, Roman Republican Mint, denarius, coin issue, P. Crepusius, L. Censor, Golden Horde, Mokhshi, ulus, Mokhshi mint, dang, pool

For citation: Belousov S.V. Roman denarius *triumviri monetales* 82 B.C.: on the use of the method of comparing stamps in the coin issue of antiquity and the middle ages. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(2):67–81. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-6

В последние годы в исторических и нумизматических исследованиях все чаще начинает применяться метод поштемпельного анализа монет, позволяющий моделировать многие стороны экономического развития и с их помощью реконструировать различные процессы исторической действительности. Метод сравнения штемпелей дает возможность не только представить особенности технологии изготовления монет, но и на основе определения количества штемпелей, употребляемых для их чекана, и, соответственно, количества отчеканенной монеты установить многие параметры денежного обращения в тех или иных государствах на разных этапах их развития.

Указанный метод получил развитие в первую очередь в рамках изучения античной нумизматики, главным образом римского республиканского монетного двора. В контексте рассмотрения проблемы особое значение имеет анализ чеканки денариев *triumviri monetales* 82 г. до н.э., в частности П. Крепузия и Л. Цензорина.

Результаты исследований зарубежных ученых вполне могут лечь в основу реконструкции деятельности монетных дворов Золотой Орды. В этой связи особый интерес представляет производство серебряной и медной монеты в г. Мохши¹. Применение метода сравнения штемпелей может помочь в атрибуции мохшинских дангов и пулов, уточнению их датировки, определению имени эмитента. Установление количества выпускаемой монеты не только даст возможность сделать интересные выводы о развитии торговли и торговых связях, но и на основе денежного обращения Поволжского региона позволит выяснить влияние улусного центра на ближайшую округу, сделает возможным вплотную заняться определением численности населения, проживавшего в этой округе, и проблемой золотоордынской демографии в целом.

Как уже было отмечено, метод поштемпельного анализа активно разрабатывался в античной нумизматике. Важной вехой стало появление труда М. Кроуфорда, в котором он показал, какие возможности скрыты в выпуске монет из благородных металлов для изучения денежного обращения. Целый раздел своей книги автор посвятил обсуждению контрольных знаков на римских республиканских денариях [2]. Пристальное изучение последних позволило В. Эсти создать свой метод оценки производительности монетных дворов по повторяемости штемпелей [3]. В работах Ч. Херша, Т. Баттри, Дж. Картера, Р. Виттшонке, П. Дебернарди на основе анализа чеканки денариев П. Крепузия (редкий случай, когда известно число использованных штемпелей) сделан вывод о значении определенности расположения символов, букв и цифр для понимания общего объема выпуска этого типа монет [4–10]. Интересные выводы при рассмотрении контрольных знаков на денариях Л. Цензорина были сделаны в совместных работах П. Дебернарди, А. Кампана, Р. Липпи и М. Рассела [11, 12].

В публикациях А. Л. Пономарева, П. Н. Петрова, А. А. Сизганова, Л. Б. Добромысова представлены возможности использования метода сличения штемпелей для решения многих вопросов, связанных с функционирова-

¹ Вопрос о топонимах Мохши и Наручат в настоящее время является дискуссионным. Является ли Мохши названием города или же области с центром в г. Наручат – до настоящего времени не имеет однозначного решения [1]. В данной статье автор традиционно называет место чеканки монет «монетным двором г. Мохши».

нием монетных дворов и денежным обращением в различных улусах Золотой Орды [1; 13–17]. С. В. Белоусов, О. В. Голубев, Р. З. Сагдеева, В. П. Лебедев, С. В. Гумаюнов рассматривали различные аспекты деятельности монетного двора г. Мохши и сделали обзор серебряных и медных монет, чеканенных на нем [18–21]. Еще в 20-е гг. XX в. историей «северных улусов» Золотой Орды занялся А. А. Кротков, который смог локализовать г. Мохши с современным с. Наровчат Пензенской области [22]. На основе использования археологических источников С. В. Белоусов и В. В. Ставицкий попытались определить сельскую округу этого золотоордынского города [23, 24].

Метод сравнения штемпелей представляется весьма эффективным при определении общего количества выпускаемой монеты. Однако если для реконструкции деятельности монетных дворов в Новое и Новейшее время в распоряжении ученых имеется достаточное число письменных свидетельств, то для эпохи Античности и Средневековья это сделать весьма непросто из-за полного отсутствия источников. В этой связи для определения динамики монетного производства необходимо учитывать целый ряд параметров. На первое место следует поставить сведения о количестве металла, использованного для чеканки монет, и количество штемпелей, употребленных для этого. Вполне правомерно предположить, что чем больше было задействовано в производстве штемпелей, тем больше выпускается монет. Но в письменных источниках эпохи Античности и раннего Средневековья сведения об учете металла, отпущенного на монетный двор, практически отсутствуют. Поэтому для определения объемов выпуска монет необходимо учитывать и иные параметры производства: определение рабочего времени для изготовления необходимого количества монет, скорость чеканки, количество отчеканенных монет на один штемпель, срок службы штемпелей и др. Очевидно, именно для этих целей в период Римской республики на серебряных денариях появляется специальная «маркировка», нанесение определенных знаков, символов, букв и цифр на лицевую и оборотную стороны. Этот процесс получает распространение в I в. до н.э., особенно в годы гражданских войн, в частности при обострении конфликта между оптиматами и популярами в 83–82 гг. до н.э., когда наиболее остро встает вопрос контроля над процессом монетной чеканки.

Возвращение Суллы с Востока и высадка его войск в Брундизии в 83 г. до н.э. усилили конфронтацию между марианцами и сторонниками сената и привели к новому витку Гражданской войны. Для борьбы с Суллой марианцы прибегли к новому набору войск. По сообщению Аппиана, за короткое время было собрано 100-тысячное войско и сформировано 200 когорт ([25] I, 82). Массовая мобилизация, естественно, потребовала увеличения чеканки серебряной монеты, так как возникала необходимость выплаты денежного довольствия вновь набранным легионерам. Организация выпуска денариев была поручена *triumviri monetales* Л. Марцию Цензорину, Г. Мамилию Лиметану и П. Крепузию.

Коллегия трех магистратов (*triumviri monetales*) отвечала за производство монет на монетном дворе в течение года. Должность монетариев появилась около 212 г. до н.э. [2, р. 602]. Приблизительно со 155 г. до н.э. они начали помещать на монетах свои имена, тем самым указывая на свою ответственность за их выпуск. Монетарии отвечали за учет и сохранность всех слитков металла, поступавших из казначейства, контролировали производство

необходимого количества монет нужного веса и пробы в определенный промежуток времени. К тому же именно они разрабатывали «дизайн» монеты [9, р. 75, 78].

Производство денариев в 82 г. до н.э. отличалось большим объемом и уникально тем, что все монетарии имели один общий и свои собственные монетные типы. Причем специальные контрольные знаки присутствуют на каждом из них.

Необходимо сказать несколько слов о каждом из монетных триумвиров в контексте помещенных на монетах изображений. Дело в том, что если до середины II в. до н.э. выпускаемые денарии фактически делились на два монетных типа (Рома на аверсе и Виктория на биге или Диоскуры на конях на реверсе), то затем они становятся более разнообразными. На лицевой стороне появляются изображения божеств: Юпитера, Вулкана, Марса, Юноны, Аполлона, Венеры и др. А начиная со 130-х гг. до н.э. монетарии стремятся как-то выделить свой род из общей массы римских граждан, помещая на оборотной стороне различные сюжеты, так или иначе прославляющие их предков, род в целом, а значит, закрепляющие и их собственный статус в обществе. Все это в той или иной мере отразилось и в монетных типах *triumviri monetales* 82 г. до н.э.

Л. Марций Цензорин принадлежал к плебейской ветви рода Марциев, который в IV – начале III в. до н.э. прославился двумя выдающимися государственными деятелями. Г. Марций Рутил четыре раза избирался консулом и был первым плебеем, в 356 г. до н.э. ставшим диктатором. Его сын с тем же именем дважды становился консулом и столько же раз цензором. Именно он первым принял когномен Цензорин. Однако потомки этого рода в дальнейшем потеряли свое прежнее влияние. Поддержав марианцев, Л. Цензорин стал монетарием 82 г. до н.э. Но в результате победы Суллы его политическая карьера фактически завершилась. Дальнейшая его судьба неизвестна. Но, вероятно, именно он командовал небольшим отрядом кораблей при осаде Синопы во время Третьей Митридатовой войны. Л. Марций Цензорин выпустил денарий с изображением Аполлона на аверсе и сатира Марсия на реверсе (рис. 1).

Рис. 1. Денарий, серебро. Римская республика. 82 г. до н.э.
Монетарий Л. Марций Цензорин. Из частной коллекции

Связь рода Марциев с Аполлоном восходит к более ранним временам римской истории, когда некоему Марцию было пророчество, приведшее к учре-

ждению игр в честь Аполлона в ходе Второй Пунической войны после серии поражений от Ганнибала. Изображение сатира Марсия на оборотной стороне денария по одной из версий связано с легендой о том, что род Цензоринов якобы происходил от сатира [11, р. 26–27].

Род Мамилиев, к которому относился другой монетарий 82 г. до н.э. Г. Мамилий Лиметан, также относился к плебейским. Мамилии вели свое происхождение от мифической Мамилии, дочери Телегона, сына Одиссея. Поэтому далеко не случайно на выпущенном от его имени денарии находится изображение Меркурия (предка Уллиса/Одиссея) на аверсе и самого Уллиса с посохом в руках, встречаемого его верным псом Аргусом при возвращении на Итаку на реверсе. О судьбе Г. Мамилия Лиметана после Гражданской войны 83–82 гг. до н.э. ничего неизвестно. Возможно, он погиб в результате прокрипций Суллы.

О П. Крепузии информации еще меньше. Фактически, все, что мы о нем знаем, касается его службы монетным триумвиром в 82 г. до н.э. Вероятно, Крепузий был ветераном марианских войн. Возможно, даже служил в кавалерийских частях. По крайней мере на это может намекать изображение всадника на реверсе выпущенного им денария (рис. 2).

Рис. 2. Денарий, серебро. Римская республика. 82 г. до н.э.
Монетарий П. Крепузий. Из частной коллекции

Возвышение П. Крепузия было связано с нестабильной ситуацией в Риме в этот период. Однако поддержка политической партии, проигравшей в Гражданской войне, привела и к окончанию его политической карьеры. Да и о роде Крепузия в дальнейшей истории Рима уже ничего не слышно. Однако историки и нумизматы вспоминают о П. Крепузии во многом благодаря упорядоченной системе контрольных отметок на его денариях.

Какие причины привели к широкому использованию различных символов, знаков, букв и цифр на монетных типах 82 г. до н.э.? Во-первых, контрольные метки позволяли определить срок службы и производительность штемпелей, а значит, и установить общее количество произведенной монеты. Во-вторых, с их помощью обеспечивался контроль над всеми этапами производства на монетном дворе. Знаки и символы позволяли выявлять мошенничество среди работников и по возможности предотвращать его [6; 9, р. 70]. Это было тем более важно в условиях обострившейся Гражданской войны,

когда значительная часть денариев предназначалась на выплату вновь набранным для борьбы с Суллой легионерам.

Особенной проработкой размещения контрольных меток на монетах отличаются денарии П. Крепузия. Их уникальность позволила Ч. Хершу еще в 1952 г. сделать ряд интересных выводов. На денариях Крепузия нанесено три вида меток: один из 23 символов (например, пшеничный колос, виноград, кузнечик и т.д.) и буква латинского алфавита на аверсе, а также цифра от 1 до 519 на реверсе. Ч. Херш заметил, что при чеканке каждый символ сочетался с большинством букв латинского алфавита. При этом цифры на реверсе помещались последовательно так, что каждый символ использовался с определенным диапазоном цифр [4; 9, р. 69].

Работу Ч. Херша двадцатью годами позже продолжил Т. Баттри [5]. В его распоряжении было 1839 денариев П. Крепузия. Эта выборка позволила ему выделить 386 различных штемпелей. В дальнейшем Т. Баттри собрал корпус из 3515 образцов. В настоящее время количество денариев Крепузия насчитывает уже 3866 штук [10, р. 30; 11, р. 25]. На основе проведенного анализа Т. Баттри предположил, что всего было изготовлено 479 штемпелей лицевой и 519 оборотной стороны. Он выдвинул гипотезу о том, что все штемпели были вырезаны двумя резчиками, которых он назвал «граверами изящного и грубого стиля», которые работали на двух разных наковальнях [5, р. 90–93].

Сделанные выводы позволили Т. Баттри подойти к решению вопросов о количественных показателях производительности одного штемпеля, скорости монетной чеканки и количестве рабочих дней, затраченных для производства тиража. Он подсчитал, что для всех четырех монетных типов 82 г. до н.э. было изготовлено 1206 штемпелей аверса и 1310 реверса. Из них на совместный выпуск приходилось 139 штемпелей лицевой и 151 оборотной стороны, на денарии Крепузия – соответственно 479 и 519, Лиметана – 128 и 139, Цензорина – 460 и 501 [5, р. 100]. Таким образом, большая часть денариев чеканилась Крепузией и Цензорином. Т. Баттри высказал предположение, что каждый день употреблялись 3,75 штемпеля лицевой и 4 штемпеля оборотной стороны денариев Крепузия. Следовательно, по его мнению, все штемпели этого монетного типа были использованы в течение 125–130 рабочих дней. Если принять производительность одного штемпеля в 15–20 тыс. штампов¹ (4,5 тыс. денариев в день), то общий выпуск денариев Крепузия Т. Баттри оценивал в 2,25–2,3 млн штук, а выпуск всех четырех монетных типов – около 5,75 млн [5, р. 101].

Скорость чеканки монет в 4–5 тыс. штук в день для эпохи Античности и Средневековья многими исследователями признается весьма обоснованной. Исходя из анализа выпуска тетрадрахм Митридата VI, Ф. де Каллатай пришел к выводу о чеканке 4 тыс. монет в день. А. А. Шталь, используя сведения из венецианских архивов, пишет, что опытная бригада чеканщиков могла изготовить 5040 пикколо (венецианская мелкая серебряная монета) [9, р. 76].

В дальнейшем точка зрения Т. Баттри подвергалась уточнению. Р. Виттшонке, применяя иную методику расчета, нежели Баттри, пришел к схожим

¹ Вместе с тем следует иметь в виду, что это усредненная цифра. А. Л. Пономарев приводит пример, что штемпель, использованный для чекана серебряного рубля русского императора Александра I, треснул после первого же удара [14, с. 657].

выводам, предполагая производство 4–5 тыс. монет в день на одной наковальне при производительности одного штемпеля в 20 тыс. денариев и сроке службы штемпеля в 4–5 дней [9, р. 76]. В свою очередь, П. Дебернард полагает, что производительность одной наковальни могла достигать до 10–12 монет в минуту и 600–720 монет в час. За 10–12 часов работы он доводит объем производства до 6000–8640 денариев в день. А срок службы штемпеля снижает до 1,5–3 дней [10, р. 42–44].

К схожим выводам П. Дебернарди пришел и при анализе чеканки денариев Л. Цензорина. Сохранившиеся монеты этого типа отличаются средним весом (3,80 г), близким к теоретическому значению (3,86 г), при чистоте серебра с небольшим добавлением меди (1–2 %). Это делало денарии Цензорина более прочными и долговечными [11, р. 32–33]. П. Дебернарди полагает, что Л. Цензорин являлся главой коллегии и отвечал за начало производства монет [12, р. 7]. Поэтому штемпелей его денариев должно было быть больше, чем у остальных монетариев, и, соответственно, объем выпускаемой продукции должен был быть больше. Вместе с тем, как мы знаем, штемпелей денариев Крепузия было изготовлено несколько больше.

П. Дебернарди предложил перенести начало монетной чеканки *triumviri monetales* Цензорина, Лиметана и Крепузия на 83 г. до н.э., мотивируя это тем, что монетный тип Г. Норбана, который М. Кроуфорд только единственный отнес к этому году, не смог бы обеспечить плату новобранцам, набранным для борьбы с Суллой [11, р. 36]. В таком случае, по его мнению, часть отчеканенных монет могла погибнуть в пожаре 6 июля 83 г. до н.э., который уничтожил храм Юпитера Капитолийского и расстроил работу монетного двора [11, р. 37]; ([25] I, 86).

Выводы, сделанные зарубежными историками применительно к денариям *triumviri monetales* 82 г. до н.э., вполне приемлемы и для монетной чеканки Золотой Орды. Это на примере производства дангов хана Токты 710 г. Х. с местом чеканки «Сарай ал-Махруса» убедительно показал А. Л. Пономарев [13, 14]. При проведении исследования в его распоряжении находилось 234 экземпляра (35 монет и 199 оцифрованных изображений) этого монетного типа, происходивших из музейных коллекций, монетных кладов, найденных в последнее десятилетие, а также монет, выставленных на различных аукционах. Анализируя данги хана Токты, А. Л. Пономарев пришел к выводу, что при их производстве граверы вырезали 26 штемпелей аверса и 41 штемпель реверса (соотношение 2 к 3). По его мнению, эти монеты выпускались на протяжении нескольких лет и не на одном месте. Он полагает, что штемпели изготавливали четыре мастера, квалификация двух из которых превосходила умение остальных резчиков Поволжского региона Золотой Орды этого времени. А. Л. Пономарев считает, что в штате монетного двора не было собственного гравера, а перемещение же двора с места на место вызывало необходимость привлекать тех мастеров, которые находились «под рукой» [13, с. 33–34, 42].

Характеризуя количественные показатели, А. Л. Пономарев приходит к выводу, что среднее время работы штемпеля составляло 57 календарных дней, а его производительность – около 85 тыс. монет. Большее количество изготовленных монет золотоордынским штемпелем по сравнению с европейскими аналогами он связывает с тем, что при производстве дангов мастерам

не требовался повторный удар и не весь штемпель при чеканке попадал на заготовку, которая была на 1–2 мм меньше, чем сам штемпель. Поэтому на золотоордынских монетах мы практически всегда видим прочеканку неполного штемпеля [13, с. 46–47]. Общий тираж данга Токты 710 г. Х. А. Л. Пономарев определяет в 3,5 млн штук [26, с. 26]. Используя данные А. Л. Пономарева, активно привлекавшего работы зарубежных исследователей по античной и средневековой нумизматике, можно попытаться сделать выводы и по монетному производству в г. Мохши.

Монетный двор г. Мохши с небольшими перерывами функционировал как минимум на протяжении почти 60 лет. По мнению В. П. Лебедева и С. В. Гумаюнова, серебряный чекан г. Мохши начался в 709 г. Х. в правление хана Токты и продолжался при Узбеке с 713 г. Х. до конца его правления практически ежегодно (рис. 3 и 4).

Рис. 3. Данг, серебро. Золотая Орда. 713 г. Х. (1313 г.).
Монетный двор г. Мохши. Из частной коллекции

Рис. 4. Данг, серебро. Золотая Орда. 718 г. Х. (1318–1319 гг.).
Монетный двор г. Мохши. Из частной коллекции

Самый ранний датированный пул чеканен в Мохши в 717 г. Х. С 731 по 763 г. Х. медный чекан мохшинского монетного двора был анонимным. Он приходится ко времени правления Узбека, Джанибека и Бердибека. При хане Кильдибеке вновь выпускаются именные пулы. Последние мохшинские медные монеты датированы 767–768 г. Х. Они относятся ко времени правления Тагай-бека и Пулад-Тимура [21; 23, с. 843–844]. Наиболее полный свод мохшинских монет, составленный В. П. Лебедевым и С. В. Гумаюновым, включает в себя 26 типов серебряных монет разных номиналов и 42 типа медных пулов [21].

Приступая к анализу мохшинской монетной чеканки, необходимо иметь в виду, что основной целью исследователя, реконструирующего штемпель, является воссоздание изначально изготовленного штемпеля, а не разбитого в ходе производственного цикла. Для этого следует учитывать ряд методических приемов. Во-первых, визуальный. Это способ, при котором изображения на монетах сравниваются визуально, на глаз, с помощью лупы и микроскопа или без них. Это самый субъективный способ анализа, так как его результат во многом зависит от опыта и зрительных навыков исследователя. Второй способ – графический – создание карандашной протирки с последующей прорисовкой контуров монетных изображений на прозрачный носитель. Далее следует распознавание изображений с помощью компьютерных программ и наложение изображений [15, с. 16–18].

По мнению П. Н. Петрова, в государствах Чингизидов функционировали не только стационарные, но и подвижные (в кочевьях) монетные дворы. Очевидно, передвижные производства не имели постоянных квалифицированных резчиков и могли заказывать штемпели на близлежащих к кочевью монетных дворах. По мере изнашивания штемпеля местные мастера резали новые. Но на нем сохранялось название того монетного двора, на котором изготавливался первый штемпель. Кроме того, деятельность местных резчиков могла привести к появлению нечитаемых легенд [15, с. 19]. Нередко сведения представленных на монетах дат могли не соответствовать реальному году выпуска. На практике монеты чеканились под одним и тем же годом несколько лет подряд [15, с. 8].

Обращаясь к деятельности мохшинского монетного двора, следует отметить несомненную его связь с монетным двором г. Укека. Достаточно обратить внимание на однотипность реверса дирхемов хана Токты чекана Укека 706–707 г. Х. и Мохши 709 г. Х., включающую символ веры. Очевидно, в результате перемещения центра северо-западного улуса Золотой Орды в эти годы из Укека в Мохши туда же переехал и резчик штемпелей монетного двора [13, с. 38].

Первая половина XIV в. характеризуется бурным развитием торговли в Поволжье и, как следствие, широким проникновением серебряной монеты в этот регион. Важнейшим признаком этого развития стала и чеканка медных пулов на монетных дворах Поволжья, нехарактерная для предшествующих десятилетий (за исключением ранних выпусков Булгара) [13, с. 43]. Медные пулы, как правило, не выходили за пределы того региона, в котором они выпускались. Их широкое распространение свидетельствует именно о развитии мелкорозничной торговли. В частности, по подсчетам А. А. Кроткова, 53,5 % пулов, найденных в Наровчате, местного чекана [27, с. 5]. Мы предполагаем,

что этот процент даже несколько выше. К чекану Мохши можно отнести анонимные пулы «чекана Нуридждана» с тамгой на лицевой стороне, выпущенные в первые годы правления хана Узбека или даже в последние годы правления хана Токты. Нет однозначного мнения и в вопросе места чеканки пулов с уйгурскими искаженными легендами, которые многие исследователи относят к кочевому монетному двору или монетному двору Укека [1, с. 316]. К тому же медные монеты с лепестковой розеткой, относящиеся ко времени Джанибека, по мнению П. Н. Петрова, могли выпускаться на многих монетных дворах с надписью «Сарай ал-Джедид» [15, с. 20]. Все эти монеты массово встречаются в Наровчате [23, с. 843–844]. Вместе с тем проведение поштемпельного анализа медных пулов будет весьма затруднено из-за их плохой сохранности.

Находки мохшинских монет, особенно медных пулов, позволят определить ближайшую сельскую округу, которая экономически тяготела к новому улусному центру в г. Мохши. Следует отметить, что на периферийных территориях, коей являлось и Сурско-Мокшанское междуречье, города возникали прежде всего как административные центры, главной функцией которых был сбор налогов с местного населения. С течением времени в них сосредотачивалось и ремесленное производство. Одновременно возникала необходимость снабжения этих административных центров сельскохозяйственной продукцией, которая основывалась как на экономических интересах, так и на внеэкономическом принуждении. Таким образом, между улусным центром и сельскими поселениями устанавливалась тесная экономическая связь. По мнению С. В. Белоусова и В. В. Ставицкого, ближайшая сельская округа г. Мохши включала в себя как мордовские, так и болгарские населенные пункты. К ним можно отнести селища «Полянки», Потошеевское, Красный Восток, поселения, оставившие могильники Абашевский, Казбек, Паньженский и Акимовщинский. Все они расположены в радиусе 20–25 км от Наровчата [24, с. 136]. Насколько велика была эта округа, могут дать ответ находки медных пулов, чеканенных в Мохши. На наш взгляд, к улусному центру тяготели и поселения Вадинского района Пензенской области у д. Ольгино, Коповка, а также самого Вадинска, о чем свидетельствуют массовые монетные находки на этой территории [28].

При изучении истории Мохшинского улуса очень важно определить не только его административные границы, но и количество проживавшего на его территории населения. Этот вопрос может быть решен в ходе изучения деятельности монетного двора г. Мохши. Поштемпельный анализ выпускаемых на нем дангов и пулов может помочь в определении многих экономических и социально-политических параметров, в том числе и демографических вопросов. А о том, что в изучении истории Золотой Орды давно назрела такая необходимость, свидетельствуют и выступления ученых на X Международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве» памяти Г. А. Федорова-Давыдова, проходившей в Пензе в мае 2024 г. [29].

Таким образом, при анализе многих проблем, связанных с историей г. Мохши, неизбежно встает вопрос анализа деятельности его монетного двора. Перед исследователями встает задача собрать весь комплекс имеющихся

в нашем распоряжении мохшинских монет для их последующего поштемпельного анализа, определения метрологических особенностей и т.д. Какие возможности представляет метод сравнения штемпелей для реконструкции различных процессов исторической действительности и, в частности, развития товарно-денежных отношений, показывает поштемпельный анализ денариев *triumviri monetales* 82 г. до н.э. в Римской республике, представленный в работах зарубежных историков.

Список литературы

1. Петров П. Н. Регион Мохши и город и область Наручат XIV века (нумизматический источник и монетное обращение) // Пензенский археологический сборник : сб. материалов Межрегион. науч. конф., посвящ. 60-летию юбилею известного российского археолога, историка, краеведа Геннадия Николаевича Белорыбкина (г. Пенза, 3 июня 2022 г.). Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2022. Вып. 5. С. 309–320.
2. Crawford M. H. *Roman Republican Coinage*. Cambridge : Cambridge University Press, 1974. 919 p.
3. Esty W. The geometric model for estimating the number of dies // *Quantifying Monetary Supplies in Greco-Roman Times*. Bari : Edipuglia, 2011. P. 43–58.
4. Hersh C. Sequence Marks on the Denarii of Publius Crepusius // *Numismatic Chronicle*. 1952. Vol. 6 (12). P. 52–66.
5. Buttrely T. The Denarii of P. Crepusius and Roman Republican Mint Organization // *American Numismatic Society Notes*. 1976. Vol. 21. P. 67–108.
6. Carter G. F. Die-Link Statistics for Crepusius Denarii and Calculations of the Total Number of Dies // *PACT*. 1981. Vol. 5. P. 193–203.
7. Carter G. F., Powell R. R., Frurip D. J. The Evolution of Style in Dies of Crepusius Denarii // *Actos do Congresso Nacional de Numismatica*. Lisboa, 1985. P. 535–551.
8. Carter G. F. The Non-Random Character of Various Collections of Crepusius Denarii // *Actes du XI Congrès International de Numismatique* / ed. by T. Hackens, Gh. Moucharre. Louvain-la-Neuve, 1993. P. 141–147.
9. Witschonke R. The use of die marks on Roman Republican coinage // *Revue Belge de Numismatique*. 2012. Vol. 158. P. 65–84.
10. Debernardi P. Mint and Die Parameters by Matching P. CREPVSII Coin Evidence and MintSW Meta-coinages // *Journal of the Numismatic Association of Australia*. 2023. Vol. 32. P. 26–65.
11. Debernardi P., Campana A., Lippi R., Rassehl M. I denari di L. Censor con simboli/lettere (RRC 363/1a-c) // *Monete antiche*. 2018. № 102. P. 25–47.
12. Debernardi P., Campana A., Lippi R. I denari di L. Censor (RRC 363/1a-d): analisi del conii // *Monete antiche*. 2020. № 113. P. 3–12.
13. Пономарев А. Л. Ключи к джучидскому чекану: Токта, год хиджры 710 // *Нумизматика Золотой Орды*. 2011. № 1. С. 28–49.
14. Пономарев А. Л. Продуктивность монетных дворов древности: анализ динамической выборки // *Экономическая история : ежегодник*. 2012. Т. 2011–2012. С. 653–673.
15. Петров П. Н. Метод поштемпельного анализа восточных монет для уточнения их атрибуции // *Нумизматика Золотой Орды*. 2011. № 1. С. 7–27.
16. Сизганов А. А. Сравнительный поштемпельный анализ пулов Хызр-хана чеканки Гюлистана с Булгарского и Нижневолжских городищ // *Труды IV Международной нумизматической конференции*. М. : Институт Востоковедения, 2008. С. 137–141.
17. Добромыслов Л. Б. Штемпельный анализ монет Тохтамыша в Орду и Орду ал-Му'аззам в последнем десятилетии XIV века // *Нумизматика Золотой Орды*. 2014. № 4. С. 22–31.

18. Белоусов С. В. Монетный двор города Мохши // Страницы истории Волго-Донья : Межвуз. сб. науч. тр. Пенза : ПГПУ, 1995. С. 114–119.
19. Белоусов С. В., Голубев О. В. Типы мохшинских монет // Краеведение. 1998. № 3-4. С. 31–34.
20. Сагдеева Р. З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. М. : Горячая линия – Телеком, 2005. 76 с.
21. Лебедев В. П., Гумаюнов С. В. Обзор чекана золотоордынского монетного двора Мохши // Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology. 2011. № 6. С. 67–90.
22. Кротков А. А. К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства (посвящается Наровчатскому кружку краеведения) // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. 1928. № 5. С. 71–79.
23. Белоусов С. В., Ставицкий В. В. Проблемные вопросы изучения золотоордынского города Мохши // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 4. С. 840–850.
24. Ставицкий В. В., Белоусов С. В. Мордовская округа золотоордынского города Наручадь // Археология евразийских степей. 2024. № 3. С. 135–146.
25. Аппиан. Гражданские войны // Римские войны. СПб. : АЛТЕЙА, 1994. С. 15–410.
26. Пономарев А. Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XIV вв. : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2010. 50 с.
27. Кротков А. А. Два собрания джучидских монет. Саратов : Нижне-Волжское общество краеведения, 1930. 51 с. (Труды Нижне-Волжского общества краеведения. Вып. 37).
28. Голубев О. В., Павлихин А. В. Монетный комплекс из окрестностей с. Ольгино в контексте истории улуса Мохши // Пензенский археологический сборник : Междунар. сб. науч. тр. Вып. 6. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2023. С. 145–189.
29. Масловский А. Н., Папка И. Б. О численности населения золотоордынского Азака и его округи // Археология евразийских степей. 2024. № 2. С. 241–252.

References

1. Petrov P.N. The region of Mokhsa and the city and region of Naruchat of the 14th century (numismatic source and coin circulation). *Penzenskiy arkheologicheskiy sbornik: sb. materialov Mezhrregion. nauch. konf., posvyashch. 60-letnemu yubileyu izvestnogo rossiyskogo arkheologa, istorika, kraevedy Gennadiya Nikolaevicha Belorybkina (g. Penza, 3 iyunya 2022 g.)* = *Penza Archaeological Collection: proceedings of the Interregional scientific conference dedicated to the 60th anniversary of the famous Russian archaeologist, historian, local historian Gennady Nikolaevich Belorybkin (Penza, June 3, 2022)*. Penza: Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoy oblasti, 2022;(5):309–320. (In Russ.)
2. Crawford M.H. *Roman Republican Coinage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1974:919.
3. Esty W. The geometric model for estimating the number of dies. *Quantifying Monetary Supplies in Greco-Roman Times*. Bari: Edipuglia, 2011:43–58.
4. Hersh C. Sequence Marks on the Denarii of Publius Crepusius. *Numismatic Chronicle*. 1952;6(12):52–66.
5. Buttrey T. The Denarii of P. Crepusius and Roman Republican Mint Organization. *American Numismatic Society Notes*. 1976;21:67–108.
6. Carter G.F. Die-Link Statistics for Crepusius Denarii and Calculations of the Total Number of Dies. *PACT*. 1981;5:193–203.
7. Carter G.F., Powell R.R., Frurip D.J. The Evolution of Style in Dies of Crepusius Denarii. *Actos do Congresso Nacional de Numismatica*. Lisboa, 1985:535–551.
8. Carter G.F. The Non-Random Character of Various Collections of Crepusius Denarii. *Actes du XI Congrès International de Numismatique*. Louvain-la-Neuve, 1993:141–147.

9. Witschonke R. The use of die marks on Roman Republican coinage. *Revue Belge de Numismatique*. 2012;158:65–84.
10. Debernardi P. Mint and Die Parameters by Matching P. CREPVS Coin Evidence and MintSW Meta-coinages. *Journal of the Numismatic Association of Australia*. 2023;32:26–65.
11. Debernardi P., Campana A., Lippi R., Rassehl M. I denari di L. Censor con simboli/lettere (RRC 363/1a-c). *Monete antiche*. 2018;(102):25–47.
12. Debernardi P., Campana A., Lippi R. I denari di L. Censor (RRC 363/1a-d): analisi del conii. *Monete antiche*. 2020;(113):3–12.
13. Ponomarev A.L. Keys to the Jochid Coinage: Toqta, AH 710. *Numizmatika Zolotoy Ordı = Numismatics of the Golden Horde*. 2011;(1):28–49. (In Russ.)
14. Ponomarev A.L. Productivity of ancient mints: a dynamic sample analysis. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik = Economic history: yearbook*. 2012;2011–2012:653–673. (In Russ.)
15. Petrov P.N. Method of stamp-by-stamp analysis of oriental coins to clarify their attribution. *Numizmatika Zolotoy Ordı = Numismatics of the Golden Horde*. 2011;(1):7–27. (In Russ.)
16. Sizganov A.A. Comparative stamp-by-stamp analysis of Khozrkhan pools of Gulistan minting from the Bulgar and Lower Volga settlements. *Trudy IV Mezhdunarodnoy numizmaticheskoy konferentsii = Proceedings of the 4th International numismatic conference*. Moscow: Institut Vostokovedeniya, 2008:137–141. (In Russ.)
17. Dobromyslov L.B. Stamp analysis of coins of Tokhtamys in Ordu and Ordu al-Mu'azzam in the last decade of the 14th century. *Numizmatika Zolotoy Ordı = Numismatics of the Golden Horde*. 2014;(4):22–31. (In Russ.)
18. Belousov S.V. Mint of the city of Mokhshi. *Stranitsy istorii Volgo-Don'ya: Mezhvuz. sb. Nauch. tr. = Pages of the history of the Volga-Don region: Intercollegiate proceedings*. Penza: PGPU, 1995:114–119. (In Russ.)
19. Belousov S.V., Golubev O.V. Types of Mokhshin coins. *Kraevedenie = Local history*. 1998;(3-4):31–34. (In Russ.)
20. Sagdeeva R.Z. *Serebryanye monety khanov Zolotoy Ordı = Silver coins of the khans of the Golden Horde*. Moscow: Goryachaya liniya – Telekom, 2005:76. (In Russ.)
21. Lebedev V.P., Gumayunov S.V. Review of the coinage of the Golden Horde mint Mokhshi. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2011;(6):67–90. (In Russ.)
22. Krotkov A.A. On the issue of the northern uluses of the Golden Horde Khanate (dedicated to the Narovchatsky circle of local history). *Izvestiya obshchestva obsledovaniya i izucheniya Azerbaydzhana = Proceedings of the Society for the Survey and Study of Azerbaijan*. 1928;(5):71–79. (In Russ.)
23. Belousov S.V., Stavitskiy V.V. Problematic issues in the study of the Golden Horde city of Mokhshi. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2022;10(4):840–850. (In Russ.)
24. Stavitskiy V.V., Belousov S.V. Mordvin district of the Golden Horde city of Naruchad. *Arkheologiya evraziyskikh stepey = Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2024;(3):135–146. (In Russ.)
25. Appian. Civil Wars. *Rimskie voyny = Roman wars*. Saint Petersburg: ALETEYA, 1994:15–410. (In Russ.)
26. Ponomarev A.L. *Evolution of monetary systems of the Black Sea region and the Balkans in the 13th – 14th centuries.: DSc abstract*. Moscow, 2010:50. (In Russ.)
27. Krotkov A.A. *Dva sobraniya dzhuchidskikh monet = Two collections of Jochid coins*. Saratov: Nizhne-Volzhskoe obshchestvo kraevedeniya, 1930:51. (Proceedings of the Nizhny Volga Society of Local Lore. Issue 37). (In Russ.)
28. Golubev O.V., Pavlikhin A.V. Coin complex from the vicinity of the village of Olgino in the context of the history of the ulus Mokhshi. *Penzenskiy arkheologicheskiy sbornik: Mezhdunar. sb. nauch. tr. Vyp. 6 = Penza Archaeological Collection: International proceedings. Issue 6*. Penza: Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoy oblasti, 2023:145–189. (In Russ.)

29. Maslovskiy A.N., Papka I.B. On the population of the Golden Horde Azak and its surroundings. *Arkheologiya evraziyskikh stepey* = *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2024;(2):241–252. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Сергей Владиславович Белоусов

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей
истории и обществознания,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: sergbel_1812@mail.ru

Sergey V. Belousov

Doctor of historical sciences,
professor, head of the sub-
department of general history
and social studies, Penza State
University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 11.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 09.01.2025

Принята к публикации / Accepted 24.02.2025

УДК 942.055;316,485.2;81.2
doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-7

Попытки решения проблемы пауперизма местными властями в Англии кануна революции середины XVII в.

В. П. Митрофанов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
vm@em-england.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В период генезиса капитализма в Англии образовалась социальная общность, именуемая пауперы (в основном из бывших крестьян). В отношении их еще со времен первых Тюдоров центральная власть (король и парламент) издавала законы, предусматривающие пресечение их бродяжничества посредством наказания и насильственного обустройства их в качестве наемных рабочих на мануфактурах. Эти задачи возлагались на местных властей. Каким образом и в какой мере им удавалось их решать, важно выяснить для определения социальной сущности политики английской монархии кануна революции середины XVII в. *Материалы и методы.* В основу исследования был положен принцип историзма, были применены сравнительно-исторический метод исследования, метод анализа и синтеза, с помощью которых анализируются нарративные и юридические источники, позволяющие проследить деятельность местных властей ряда графств и ее эффективность по решению проблемы пауперизма. *Результаты.* Анализ нарративных и юридических источников по ряду графств показывает, что местные власти в лице мировых судей, констеблей сотен, городских властей и смотрителей за пауперами сталкивались со множеством вопросов в отношении пауперов, решение которых во многом упиралось в финансы, т.е. способность и желание местных состоятельных жителей отчислять деньги в фонд помощи пауперам. Благотворительность отдельных лиц не играла существенной роли, поскольку имела ограниченный характер и не могла охватить всю их массу. *Выводы.* На местах проводилась определенная политика, объектом которой могли быть не только пауперы, но и представители других слоев населения, обедневших по разным причинам. Хотя физические наказания в отношении пауперов местные власти продолжали применять, но все чаще начинают организовывать создание рабочих мест для трудоспособных пауперов. Это практиковалось и ранее, но теперь такой способ решения проблемы пауперизма становится все более определяющим. В целом попытки местных властей по объективным и субъективным причинам оказались не достаточными, и проблема пауперизма будет сохраняться в Англии в последующие столетия.

Ключевые слова: пауперизм, мировой судья, городские власти, законы о пауперах, графства, пособия для бедных, работные дома, наказания бродяг

Для цитирования: Митрофанов В. П. Попытки решения проблемы пауперизма местными властями в Англии кануна революции середины XVII в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 82–96. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-7

Attempts to solve the problem of pauperism by local authorities in England on the eve of the revolution in the middle of the 17th century

© Митрофанов В. П., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

V.P. Mitrofanov

Penza State University, Penza, Russia
vm@em-england.ru

Abstract. *Background.* During the period of the genesis of capitalism in England, a social community called paupers (mainly former peasants) was formed. Since the time of the first Tudors, the central government (the king and parliament) issued laws regarding them, providing for the suppression of their vagrancy by means of punishment and their forced settlement as hired workers in manufactories. These tasks were assigned to local authorities. How and to what extent they managed to solve them is important to find out in order to determine the social essence of the policy of the English monarchy on the eve of the revolution in the middle of the 17th century. *Materials and methods.* Following the principle of historicism, using the comparative-historical method of research, the method of analysis and synthesis, narrative and legal sources are analyzed, allowing us to trace the activities of local authorities in a number of counties and their effectiveness in solving the problem of pauperism. *Results.* An analysis of narrative and legal sources for a number of counties shows that local authorities in the form of justices of the peace, hundred constables, town authorities and pauper wardens faced many issues in relation to paupers, the solution of which largely depended on finances, i.e. the ability and willingness of local wealthy residents to contribute money to the pauper relief fund. The charity of individuals did not play a significant role, since it was limited in nature and could not cover the entire mass of them. *Conclusions.* A certain policy was carried out locally, the object of which could be not only paupers, but also representatives of other strata of the population, impoverished for various reasons. Although local authorities continued to use physical punishment against paupers, they increasingly began to organize the creation of jobs for able-bodied paupers. Although this was practiced earlier, now this method of solving the problem of pauperism is becoming more and more decisive. In general, the attempts of local authorities for objective and subjective reasons were insufficient, and the problem of pauperism will persist in England in the following centuries.

Keywords: pauperism, justice of the peace, city governments, pauper laws, counties, poor relief, workhouses, punishment of vagrants

For citation: Mitrofanov V.P. Attempts to solve the problem of pauperism by local authorities in England on the eve of the revolution in the middle of the 17th century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(2):82–96. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-7

Процесс огораживаний пахотных земель и эвикции крестьян в Англии XVI – первой половины XVII в., нехватка зерна на внутреннем рынке, голодовки вызывали рост пауперизма. Это был серьезный вызов английской монархии, ответом на который стали вспышки социального протеста в городе и деревне [1, 2]. Поэтому важным направлением ее внутренней политики было стремление решить эту проблему. С этой целью принимались законы о пауперах, именуемые в отечественной историографии «кровавые законы», а в англоязычной историографии – «законы о бедных» [3–15]. Еще современники обсуждали проблему пауперизма и стремились найти пути ее решения на страницах своих трактатов [16]. И хотя проблема пауперизма в Англии раннего Нового времени неоднократно затрагивалась отечественными исследователями [3; 4; 5, с. 102, 104–110; 16; 17; 18; 19, с. 405–476; 20], а в англоязычной историографии имеются довольно значительные, но тенденциозные

работы, да еще со значительным акцентом на изучении благотворительности представителей различных слоев английского общества [7–15, 21], в полной мере она, на мой взгляд, еще недостаточно изучена, особенно на региональном уровне. Не претендуя на всестороннее ее освещение, попытаемся проанализировать некоторые источники, введенные в научный оборот по ряду графств с тем, чтобы проследить попытки ее решение местными властями.

С этой целью обратимся прежде всего к сохранившимся записям мирового судьи Норфолка с 1580–1620 гг., Натаниэля Бэкона [22]. Издателем этого важного источника локального характера отведен раздел, посвященный рассмотрению мировым судьей различных казусов о пауперах в этом графстве в начале XVII в. [22, р. 58–65]. Так, в 1605 г. зафиксирован интересный случай из селения Олборо (Alborough). Местный житель, некий Генри Никерсон (Henry Nickerson), подал жалобу в разъездной королевский суд («суд ассизы») о том, что, работая в качестве наемного рабочего в соседней деревне (Saxlingham), он получил увечье и стал инвалидом. После этого он вернулся в свою деревню, но из-за этого уже не мог работать и стал нищим, которого должны отныне содержать по закону его же односельчане. Однако сельские власти его деревни не желали его содержать и изгнали, что он считал незаконным. На суде представитель местной власти, не отрицая самого факта его изгнания, попросил суд, чтобы церковноприходские власти, включая смотрителей за пауперами деревни, где истец получил увечье, выплачивали бы им по 2 шиллинга (шил.) еженедельно на содержание этого нищего, пока он проживает в их деревне Олборо. В итоге суд вынес решение, по которому власти той деревни, где он получил увечье во время работы, обязаны были отчислять властям его родной деревни Олборо по 2 шил. еженедельно на протяжении 10 недель, а в дальнейшем продолжить еженедельную выплату по 12 пенсов (п.) [22, р. 58–59]. Надо полагать, что истец, паупер-инвалид, выиграл дело и получил минимальное обеспечение на свое пропитание. Таким образом, в дальнейшем его обеспечение этой своеобразной негосударственной пенсией по инвалидности целиком зависело от властей соседней деревни. Скорее всего, это зависело от их личной добросовестности по выполнению судебного решения и контроля за этим со стороны мировых судей графства.

Другое дело в отношении пауперов связано с селением Айлшам (Aylsham). Оказалось, что в нем сосредоточилось 300 человек пауперов, что, естественно, очень много для одного селения. Как написали в своей петиции местные власти, большинство из них – это больные люди и немощные старики [22, р. 60]. Также они отметили, что такое количество пауперов не смогут содержать за счет пособий для бедных. Сами же эти нищие и немощные люди не смогут добывать себе пропитание вне их селения. Власти просили разрешить им собрать всех этих нищих и немощных и разместить в одном заброшенном доме, который до сего времени использовался сельчанами, как они записали, для «суеверных и небожеских забав». Их просьбу удовлетворили, но, когда они уже подготавливали этот дом под приют для своих пауперов, какая-то часть сельской молодежи и содержатели пивных заведений стали препятствовать им в этом деле. По всей видимости, они также имели вид на этот дом. Причем они обратились к местным властям с просьбой передать им этот дом под пивную. Поразительно, но их просьбу удовлетворили. Тогда кто-то из местных властей, несогласный с таким решением своих коллег,

отправил жалобу на них по инстанциям [22, р. 61–62]. Чем закончилась эта тяжба, в источнике не указано, но показательно, что для трех сотен пауперов ничего не было сделано. Пивные заведения для властей графства оказались в приоритете, а это позволяет предполагать об их личной заинтересованности в решении спора.

Еще одна запись Н. Бэкона, датированная 25 сентября 1611 г., о пауперизме гласит, что некий смотритель за пауперами подал ему жалобу на другого такого же смотрителя из-за того, что одного из крестьян его деревни изгнали из собственного жилища. Тогда он приютил его у себя в доме и тот проживал у него более двух месяцев. В своей жалобе мировому судье он назвал имена двух церковноприходских старост, виновных в изгнании этого крестьянина, и также заявил, что бедняки в этой деревне не обеспечены жилищами [22, р. 59]. Получается, что «злой» смотритель, который изгнал обедневшего крестьянина из его же жилища, выполнял волю какого-то состоятельного лица, пожелавшего прибрать к своим рукам дом обнищавшего крестьянина. Другой, условно говоря «добрый», смотритель отнесся к этому нищему добросердечно и поселил в своем доме.

Среди материалов Н. Бэкона имеется еще одна петиция, полученная им от крестьянина Дж. Платтина (John Plattyn) из вышеназванной деревни Олборо. По сути, это тоже жалоба на незаконное изгнание крестьянина из его же жилища. Проситель указал, что проживал в этой деревне 30 лет и «честно зарабатывал на хлеб», благополучно содержал семью и никогда не был паупером, «не досаждал этим своим односельчанам» (т.е. не получал пособия как паупер – *прим. В.М.*). Однако местные должностные лица, имена которых он указал в жалобе, схватили и заключили его в тюрьму. Там его продержали долгое время и отобрали у него его жилище. Наконец, его все-таки выпустили на свободу и предложили самому построить простенькую хижину, пообещав предоставить ему для этого 20 шил. Однако денег не дали. В своей жалобе Дж. Платтин пишет, что он со своей женой старые и немощные люди, живут бедно и «мало что имеют». Он напомнил в своей жалобе, что по закону о пауперах в случае принудительного переселения из постоянного места жительства куда-то в другое место его обязаны поселить в «удобное место» этого же селения [22, р. 59–60].

Очевидно, местные власти в лице церковноприходских старост и смотрителей за пауперами могли изгонять из домов немощных стариков, явно выполняя волю неких состоятельных лиц своих церковных приходов, которые хотели бы прибрать к рукам их дома и прилегающую землю.

В другом документе, датированном 1603 г., говорится о недостатке сборов денег в пользу пауперов в селении Ганторп (Gunthorpe). По форме это письмо одного из представителей местных властей, некоего Джайлза Годфри (Giles Godfrey), в котором он сообщает Бэкону о том, что хотя все жители его селения уплатили свои взносы в фонд пауперов, но денег все равно не хватает. Общая сумма денежных сборов должна была составить 5 фунтов стерлингов (ф. ст.) 16 шил. Собрано же 4 ф. ст. 9 шил. Недобор составил 26 шил. 8 п. В письме он указал, кто и сколько уплатил в пользу бедных. Оказывается, выплата этих сборов варьировала от 2 п. до 16 шил. 6 п. Средства на пауперов уплатили всего 19 человек. Из них минимальную сумму 2 п. и максимальную – 16 шил. 6 п. выплатили по одному человеку. Пять человек выплатили

по 12 шил. Менее 1 шил. выплатили 8 человек. Четыре человека выплатили от 1 до 5 шил. 6 п. В письме отмечено, что собранных средств не хватило для содержания пауперов в течение всего года. Деньги закончились за несколько недель до нового года. Интересно, что этот сборщик налога в пользу бедных обложил жителей в соответствии с показанием одного из них же, а именно некоего Эдмунда Мани (Edmund Money). Последний также уплатил в фонд пауперов 12 шил. Таким образом, остальные жители, численность которых не называется, не отчислили вообще ничего в этот фонд по причине своей бедности. К сожалению, в письме не называется количество пауперов в их селении. Можно лишь отметить, что собранных им средств в сумме 4 ф. ст. 9 шил. 6 п. могло хватить лишь на скромное содержание в течение года двух-трех пауперов [22, р. 62].

Один из случаев с пауперами, зафиксированный Бэконом, озаглавлен им «Расследование о смертности бродяг, выселенных во время критического состояния их здоровья». Там записан случай, когда один констебль деревни Уорем (Warham) попросил Бэкона пояснить ему, как он должен поступить с больным мальчиком-паупером возрастом примерно 12 лет, находящимся в данный момент в его деревне. Мировой судья напомнил ему, что по закону о пауперах дети, которым больше 7 лет, в случае, если они не проживают постоянно с родителями, считаются бродягами. С ними следует поступать в соответствии с законом о пауперах: наказать (т.е. выпороть – *прим. В.М.*) и отправить в место их постоянного жительства. Получив такое чисто формальное разъяснение, констебль отвез мальчика в его родную деревню. Там он оставил умершего по дороге ребенка у дома местного констебля и уехал. Комментарий Бэкона по данному случаю таков: констебль поступил неправильно, ибо не проинформировал его (т.е. Бэкона) о тяжелом болезненном состоянии ребенка и не выдал ему паспорт, который, согласно статуту, выдавался в случае депортации всем пауперам. Кроме того, Бэкон обвинил этого констебля в отсутствии гуманности к заболевшему ребенку [22, р. 63]. Действительно, этот бессердечный констебль мог бы не отвозить ребенка в другую деревню по крайней мере до его выздоровления. К тому же мальчик не лежал где-то на улице, а находился в чьем-то жилище. Однако констебль думал не о выздоровлении ребенка, а о том, как бы избежать хлопот и расходов в случае его смерти. По сути дела пуританский менталитет и должностное положение этого констебля возобладали над нормами христианского милосердия.

Сохранилась петиция крестьян деревни Холтон (Holton) к Бэкону. В ней они писали, что «очень бедный человек» Бартоломью Бэйнби (Bartholomewe Baneby) просил разрешить ему поселиться на территории их деревни. Крестьяне дали ему свое согласие и выделили ему небольшую площадь земли на пустоши для строительства дома. Но некий Джордж Доусон (George Dawsom) помешал ему возвести дом на выделенном общинном участке. Как следует из текста петиции, причиной этого было то, что Доусон самовольно захватил 8 акров земли, примыкавшей к выделенному участку переселенца. Он возвел там свой дом и вырубил деревья и кустарник. Причем крестьяне в петиции указали, что он, т.е. Доусон, не был держателем земли в их деревне (т.е. маноре) и, как они подозревали, замышляет прибрать к своим рукам всю общинную пустошь. Эту петицию подписали 9 крестьян. Кроме того, за них

Бэкона просил, очевидно, его хороший знакомый Николас Гарниз (Nicholas Garneys). Это дело было рассмотрено в разъездном королевском суде, где обе стороны были заслушаны, но вердикт не был вынесен. И дело отложили до следующей сессии разъездного суда. Здесь явно крестьяне предпочитали, чтобы на их общинной земле поселился паупер, но не потенциальный огораживатель, который будет стремиться к полному захвату общинных земель и возможной эвикции их самих [22, р. 63].

Все эти записи Н. Бэкона свидетельствуют о том, что в его графстве вопросы касательно пауперов возникали постоянно. Могли быть самые различные казусы. При их решении почти всегда главным был финансовый вопрос. Это значит, что церковно-приходские власти были обязаны собирать с имущих местных жителей деньги в фонды помощи пауперам. Собранные денежные суммы были небольшие, и их не хватало для оказания материальной помощи местным пауперам. Поэтому от каждого лишнего паупера они стремились всяческими путями избавиться. К тому же зачастую в число пауперов могли включить и проживавших там же немощных стариков, т.е. фактически не являвшихся бродягами-пауперами. К тому же прослеживается тенденция отдельных наиболее состоятельных лиц прибрать к своим рукам жилища своих же обедневших односельчан, а местные власти даже помогали им в этом.

Привлечение фактического материала из «Викторианской истории графств Англии» дает возможность проследить методы решения проблемы пауперизма местными властями в некоторых других графствах.

Например, в Сомерсетшире эта проблема резко обострилась еще с середины XVI в. Видимо, причиной стали недостаточные сборы денег с населения в фонды помощи пауперам. Там, как и в других графствах, церковно-приходские старосты в храмах размещали «ящики для пауперов», в которые прихожане, согласно статуту, должны были добровольно бросать монеты [23, р. 309]. Затем собранные денежные средства они раздавали местным пауперам. Но такой способ сбора денежных средств для этих целей оказался малоэффективным, поскольку предполагал добровольность пожертвования и бесконтрольность властей в распоряжении собранными деньгами. Поэтому по статуту 1572 г. («Акт о наказаниях бродяг и по оказанию помощи бедным и немощным») был установлен обязательный сбор денег с населения в пользу бедных ([24] 14 Eliz. I, Cap. 2). Парламентские статуты о пауперах 1598 и 1601 гг. также зафиксировали подобный способ сбора денежных средств ([24] 39 Eliz., Cap. 3–5; 43 Eliz., Cap. 2). Они предписывали местным властям создавать приюты для немощных пауперов. Выполняя требование статуты, местные власти использовали для этого здания бывших католических церквей. Также всем пауперам власти выдавали разрешение на сбор милостыни, но требовали, чтобы нищие на одежде имели бы специальную метку, которая бы подтверждала, что они действительно являются нищими. Местные власти стали выдавать отдельным лицам специальные лицензии, разрешавшие им осуществлять надзор за местными пауперами. Известно, что в Сомерсетшире и Уилтшире лицензию такого типа впервые выдали дворянину Ричарду Перпину (Richard Perpin) в 1591 г. [22, р. 310]. Это значит, что в обоих графствах он получил право надзора за пауперами, которое, скорее всего, осуществлял через своих людей. Несомненно, за такие хлопоты он получал определенную плату.

Согласно статуту 1601 г. о пауперах местные власти могли давать разрешение на право сбора милостыни пауперам одного церковного прихода в каком-либо другом, если местные жители в силу своей бедности не могли подавать милостыню своим пауперам. Таким способом они могли хотя бы частично уравнивать бремя заботы о пауперах местного населения разных церковных приходов [23, р. 309–310].

Известно также, что в Сомерсетшире денежные средства, которые собирались для помощи пауперам, в восточных и западных церковных приходах графства собирались отдельно, как «две казны» [23, р. 310]. Отдельно собирались денежные средства для солдат, получивших увечья на службе. Всеми собранными деньгами в пользу пауперов распоряжались мировые судьи. Именно они распределяли их среди пауперов. Как известно, они же и регулировали цены на продовольственные товары на местных рынках и каждые 10 дней публично оглашали минимальный уровень заработной платы [23, р. 307–308, 311–312]. Они также контролировали исполнение наказаний пауперов-бродяг местными деревенскими властями. О том, что наказания продолжали осуществлять, свидетельствуют данные по этим графствам за 1596 г. В тот год за грабежи, воровство и иные виды преступлений подобного рода («фелони»), т.е. уголовные преступления, к ответственности привлекли 40 человек. Кроме того, 37 пауперам были поставлены клеймо и 37 были выпороты. Правда, из заключения были выпущены 183 человека. Возможно, все это стало причиной того, что значительная часть пауперов-бродяг занялись разбоем и местные фермеры, крестьяне были вынуждены даже нанимать охранников для своих пахотных участков, пастбищ, лесных угодий и овечьих загонов [23, р. 312].

Физические наказания пауперов продолжали применять повсеместно, ибо это предписывалось действовавшими законами. Известно, что особенно много пауперов скапливалось в Мидлсексе, так как рядом находилась столица – Лондон, который всегда их притягивал, что очень беспокоило современников [16, с. 38–43; 25, р. 90, 92–96]. Поэтому центральные власти требовали от шерифов и мировых судей графства изгонять пауперов и принимать различные иные меры в отношении них. О наказаниях бродяг и нищих в этом графстве сохранились лишь отрывочные сведения. Так, за 1572–1573 гг. в свитках местного суда отмечено 28 приговоров за бродяжничество, за 1574–1575 гг. – 35, а за десять месяцев периода 1589–1590 гг. – 71 приговор. А в июле 1575 г. в одном церковном приходе задержали троих бродяг, которые, как оказалось, ранее привлекались к ответственности за бродяжничество, и у них на теле было соответствующее клеймо. После этого власти выполнили предписание закона – эти трое бродяг были повешены [25, р. 92]. В целом, можно заключить, что к суду в этом графстве привлекали не так уж много пауперов, учитывая, что в этом регионе их скапливалось тысячи. Смертных приговоров и вовсе выносилось мало. Отметим, что наказание бродяг тем не менее оставалось неотъемлемой составной частью социальной политики государства, которая осуществлялась через местные власти. Оказывается, экзекуции пауперов тоже требовали денежных затрат. Так, например, в Беркшире, в г. Ридинге, в 1626 г. на эти цели было затрачено 34 шил. Из этой суммы 4 шил. 6 п. были выплачены звонарю местной церкви, который выпорол бродяг [26, р. 216]. Физическим наказаниям за бродяжничество могли подвергать даже

детей. Например, в этом же г. Ридинге порке подвергли мальчика якобы за кражу больших карманных часов и избиеание их владельца. Правда, каким образом ребенок мог избить взрослого человека, очевидно, местных властей не интересовало. Следует отметить, что практически во всех селениях графства имелись специальные места, где осуществлялась экзекуция пауперов. В церковном приходе Хангерфорд (Hangerford) в таких местах тем лицам, которые исполняли роль палачей и секли бродяг-пауперов, в том числе женщин, выплачивали от 2 до 4 п. [26, р. 216].

Вместе с тем, наряду с репрессивными методами в отношении пауперов, власти графства устраивали для них приюты. Видимо, один из самых ранних из них появился там еще в 1503 г. в церковном приходе Нью Виндер (New Winder). Приюты там открывались и далее в первой половине XVI в. Средства им, полученные от благотворительности, выделялись местными властями [26, р. 216]. Какая-то часть денежных средств для пауперов поступала от душеприказчиков за счет выморочного имущества или по завещаниям отдельных лиц. Все это опять-таки контролировалось мировыми судьями.

Однако в начале XVII в. на местах учредили должность смотрителя за пауперами. Поэтому именно они и церковноприходские старосты в основном занимались сбором денег на содержание пауперов и они же распределяли собранные средства среди них.

Очевидно, при Якове I в этом графстве наблюдалась некая активность населения в плане благотворительности, что позволило местным властям открыть ряд приютов и больниц для пауперов. Вместе с тем часть собранных средств отчислялась и для трудоустройства пауперов, а также для обучения их детей ремеслам. Известно также, что, например, часть мальчиков-пауперов обучали ведению торговли и даже грамоте, а девочек – прядению. Все это было организовано на базе одного из работных домов в г. Ридинге.

Интересно отметить, что в 1630-е гг. одним из известных благотворителей был сам архиепископ Лод. Именно он выделил средства ученикам-мальчикам нескольких селений. Благотворителями были и иные, менее известны лица. Даже имелись случаи, когда благотворители выделяли деньги на свадьбы пауперам, на содержание заключенных в местной тюрьме и даже просто для служанок [26, р. 217].

В «Викторианской истории графств Англии» опубликовано особенно много архивного материала о решении проблемы пауперизма в графстве Йоркшир [27]. Еще в период поздних Тюдоров местные власти там решали примерно такие же вопросы с пауперами, как и в других графствах. Так, в 1580-е гг. там тоже учредили должность смотрителя за пауперами [27, р. 466–467]. Всех пауперов сконцентрировали в трех приютах, но они там должны были трудиться, в частности изготавливать нити и веревки из конопли. Заработанные таким способом деньги прибавлялись к их пособиям. Поэтому получается, что лишь формально это был приют, а фактически такой же работный дом.

Согласно парламентскому статуту от 1576 г. («Акт по организации работы для бедных и ликвидации праздности») от местных властей требовалось открывать работные дома в каждом графстве ([24] 18 Eliz., Cap. 3). В этом графстве первый работный дом был открыт только в 1586 г. Когда же в 1587 г. по всей стране разразился голод, численность пауперов в этом графстве

значительно выросла. Вот тогда власти графства переделали один из приютов под работный дом. Однако рядом с ним устроили и три места для экзекуции пауперов, отказывавшихся работать. В том же году власти г. Йорка вырабатывали свои правила о пауперах. Согласно им всех их разделили на три категории. К первой причисляли всех пришлых пауперов. Их городские власти выдворяли из города. Во вторую категорию включали престарелых, немощных и инвалидов. Им полагалось пособие в размере 1,5 п. на день. В третью включали всех трудоспособных пауперов. Их власти обязывались трудоустроить. Причем каждый олдермен города в зависимости от своего социального статуса («знатности») обязан был трудоустроить от 1 до 4 местных здоровых пауперов. Некой новацией в деле присмотра за пауперами в городе стало назначение 2–3 горожан для наблюдения за пауперами. Они получали право изгонять их из города или же трудоустраивать в работные дома. На каждой улице власти определили тайных осведомителей, которые должны были выявлять тех горожан, которые предоставляли приют пришлым пауперам. Также власти города запрещали сбор милостыни женами и детьми уже работающих пауперов, поскольку их могли обеспечивать пропитанием их мужья, если «не будут пропивать заработанные деньги в пивных» [27, р. 467–468].

По всей видимости, городским властям Йорка удалось наладить работу пауперов в работных домах. Более того, даже некоторых пауперов власти города привлекали к созданию рабочих мест. Например, в 1590 г. одному из них по имени Роберт Холл (Robert Hall) из городской казны выделили 5 шил. для закупки шелка для изготовления одежды. Кроме того, он взялся еще и за обучение детей местных пауперов ремеслам. По инициативе мэра Йорка в соседний г. Линкольн отправили специального человека, снабдив его 10 ф. ст. из городской казны с целью закупки там сырья (шерсти).

Опять же в Йорке некий Френсис Ньюби (Francis Newbie) организовал обучение детей пауперов ремеслу вязания. Очевидно, это была реальная школа вязания. За это от городских властей ему было отчислено 10 шил. в качестве вознаграждения. Интересно, что в эту своеобразную школу вязания он привлек трех учителей-мастеров. А сам Ньюби получал от города даже квартальную зарплату в размере 16 шил. 8 п. Однако городские власти, видимо, кроме этих затрат не финансировали его школу вязания. Она располагалась в сыром и холодном помещении [27, р. 468].

Как и в других городах, в Йорке городские власти организовывали сбор налогов в пользу пауперов. В источниках не отмечены какие-либо серьезные сложности в этом деле. Так, например, когда в 1593 г. городские власти пригласили к себе 11 горожан, очевидно, не уплативших этот налог, и предложили им немедленно заплатить его, то они без каких-либо споров сделали это. Правда, случалось, что некоторые горожане наотрез отказывались платить налог в пользу бедных. Так поступил некий Томас Мейсон (Thomas Mayson), который должен был выплатить в пользу бедных 7 шил. 1 п. По закону его могли даже содержать под арестом до тех пор, пока он не выплатит эту сумму [27, р. 468].

Так же и с выплатами пособий пауперам случались и некоторые отклонения. В источнике зафиксирован случай, когда пособие в размере 30 шил. выплатили некоему знатному немецкому студенту, который был якобы братом «германского принца». Деньги ему выплатил городской магистрат,

поскольку он по прибытии в Англию был ограблен. Денежные средства из фонда пособий для пауперов городские власти выплатили выходцу из знатного греческого рода Мартину Ласкарису (Martin Lascaris), которого европейцы дипломатическими усилиями освободили из османской тюрьмы, после чего он прибыл на берега Туманного Альбиона [27, р. 468].

Однако, как и в других регионах, в Йоркшире в голодные 1594–1597 гг. были серьезные трудности в сборе денег в фонд пауперов. Тогда церковно-приходские старосты сообщали самим епископам обо всех прихожанах, отказывавшихся платить в пользу бедных. А епископы, соответственно, доводили эти сведения до архиепископов, а те – сообщали в Тайный совет [27, р. 468]. Поэтому в Лондоне центральная власть располагала достаточно полной информацией по этому вопросу и могла уже на государственном уровне принимать определенные меры.

Однако власти графства даже в этот сложный период продолжали деятельность по обеспечению пауперов работой, не полагаясь только на средства пособий для бедных. Так, в частности, с этой целью они оформили договор с джентльменом Томасом Левкенором (Thomas Lewkener) о налаживании им изготовления фланели и права торговли ею сроком на 10 лет. За это он обязывался предоставить работу не менее 5 пауперам и платить им зарплату по 17 п. в неделю за каждый фунт выработанной ими пряжи и еще платить в городскую казну 4 ф. ст. в год. К тому же город выделял ему для его производства помещение, и он вдобавок ко всему освобождался от пошлин [27, р. 469]. Как видно, условия сделки были весьма выгодными для предпринимателя.

Из источника следует, что ранее созданная школа по обучению детей пауперов вязанию в эти годы находилась в плачевном состоянии. Мэр с олдерменами пытались исправить ситуацию, но каких-либо улучшений не добились [26, р. 469]. А когда в 1598 г. Парламент принял «Акт о помощи бедным», «Акт о наказании жуликов, бродяг и здоровых нищих», а также «Акт по строительству приютов и работных домов для бедных» ([24] 39 Eliz., Сар. 3–5), то городские власти Йорка далеко не сразу принялись их выполнять. Лишь в 1600 г. они открыли еще один работный дом с мельницей при нем.

Однако власти не особо потратились на «кнут» в отношении пауперов, ограничившись приобретением лишь четырех кандалов и двух ошейников [27, р. 469–470]. Тем временем работные дома продолжали заполняться пауперами. Когда в них принудительно доставляли бродяг-пауперов, то как мужчин, так и женщин подвергали порке. После этого их принуждали работать. В случае их отказа экзекуция поркой повторялась до тех пор, пока они не начинали работать. Кормили их чрезвычайно скудно. Так, тем, кто не работал, давали лишь хлеб с водой. Тем из них, кто работал, но еще не овладел необходимыми навыками, выдавали для пропитания «грубый хлеб и немного эля». Тем, кто работал и уже имел необходимые навыки в своей специальности, добросовестно трудился, предоставляли порцию горячей пищи из бобов. Все это питание шло в счет их заработной платы. Однако частично им доплачивали деньги из фонда пособия для пауперов. В целом, зарплата у них была не более 1,5 п. за рабочий день, что гораздо ниже тогдашнего прожиточного уровня.

В случае побегов пауперов из работных домов после поимки их заключали под арест не менее чем на три недели, а затем могли передавать частным лицам за плату в 5 ф. ст. в качестве слуг на год [27, р. 470–471].

Бродяги-пауперы не были единственным социальным слоем, попадавшим в работные дома. Там могли оказаться богохульники, владельцы незаконных пивных и даже просто сварливые женщины.

Надо отметить, что в г. Йорке смотрители за пауперами тщательно контролировали ситуацию. Они были в курсе, кто из пауперов получает пособие для бедных, сколько денег выплачивает каждый горожанин в фонд пособия для пауперов и т.п.

Можно предположить, что из-за эпидемии, имевшей место в начале XVII столетия, ситуация с пауперами в городе осложнилась. Тем не менее иногда, как, например, в 1607 и в 1611 гг., у смотрителей за пауперами получалось собрать в фонд помощи пауперам даже больше, чем требовалось. Это дало возможность некоторое время не собирать деньги в этот фонд. Но в сельской местности графства средства в пользу бедных продолжали собирать. Причем их все время не хватало. По этой причине даже приостанавливали выплату жалованья должностным лицам. Правда, иногда Тайный совет отчислял деньги в графство для поддержки пауперов [27, р. 471]. Видимо, поэтому местные власти имели возможность даже организовать лечение пауперов в приютах с приглашением туда врачей. Известно, что в 1608 г. городские власти Йорка пригласили какого-то «странствующего хирурга» Джона Грея (John Grey). Но это был явно единичный случай, ибо до его прихода больных там никто не осматривал за предыдущие 20 лет. Лишь в 1614 г. власти города учредили специальную должность чиновника по медицинскому надзору с жалованьем в 3 ф. ст. 6 шил. 8 п. На него же возлагали обязанность заниматься лечением городских бедняков. Любопытно, что даже за психбольными людьми вели медицинское наблюдение. Например, в 1619 г. городской врач наблюдал за некой «обезумевшей Кэтрин Ли (Katherin Lee)». За это ему заплатили 20 шил. и затем еще выплачивали за его уход за больной 11 шил. [27, р. 470]. Поскольку эта женщина была под такой персональной опекой врача, то можно предположить, что она была из числа городской знати.

Видимо, прошедшая эпидемия заставила городские власти заниматься вопросами здравоохранения в контексте решения проблемы пауперизма и выделять для этого средства из городской казны.

В реальности того времени нищими могли оказаться не только крестьяне, подвергшиеся эвикции со стороны их лендлордов в процессе огораживаний, но и относительно зажиточные горожане и сельчане. В таких случаях местные власти могли оказывать им также материальную помощь. В источнике отмечен случай, когда в 1609 г. по причине болезни обнищала некая леди Креплимдж (Lady Creplimge) и ей выделили 10 шил. да еще разрешили бесплатно использовать общественное пастбище для пастбы своих двух коров [27, р. 479]. Подобным образом в 1614 г. местные власти предоставили материальную помощь в размере 5 ф. ст. в год бывшему шерифу графства «мистеру Джорджу Россу (Mr. George Rosse)», поскольку тот по каким-то причинам разорился. Денежные средства из городской казны выделялись в 1615 г. и некоторым иным лицам, хотя они не являлись пауперами [27, р. 470].

На территории графства местные власти продолжали организовывать рабочие места для пауперов из средств местных бюджетов, а также привлекали частный капитал. За это предпринимателям предоставляли некоторые

льготы. Например, один предприниматель в 1615 г. предложил городским властям наладить изготовление кружевов. Условия его были таковы. Город Йорк предоставляет ему для обучения этому ремеслу 12 мальчиков-пауперов. Он их обучает выделывать «хорошие кружева», и они работают на него за плату в течение двух лет. Причем ему выделялось на содержание каждого ученика 10 шил., которые он по окончании срока был обязан вернуть городу. Контракт был заключен, и на следующий год предприниматель начал обучать 12 детей [27, р. 470]. Однако, насколько успешно пошло у него это дело, в источниках не отражено.

Городские власти Йорка в 1619 г. даже рассматривали вопрос о возможности использовать труд пауперов на сельскохозяйственных работах в окрестных полях, но к окончательному решению не пришли [27, р. 470]. Скорее всего, они не смогли урегулировать этот вопрос с местными лендлордами, на чьих землях предполагали организовать работу пауперов.

Для популяризации благотворительности среди горожан городские власти приняли решение о том, что мэр и олдермены будут три раза в год (на Пасху, на неделе после Троицы и на Рождество) выделять из личных средств в пользу бедняков по 20 шил. В большом северном графстве Йоркшир, как и самом г. Йорке, в изучаемый период возникали и многие другие проблемы с пауперами, которые местным властям приходилось решать с разной степенью успешности, но в то же время, как и в других графствах, там применялись и репрессивные методы по отношению к ним [27, р. 467–471].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что местные власти графств Англии в разной степени интенсивности и эффективности принимали меры по решению проблемы пауперизма. Нацелены они были не только на нищих бродяг из числа бывших крестьян, подмастерьев, но и на некоторых обедневших представителей имущих слоев населения. В целом политика местных властей в отношении пауперов была очерчена в парламентских статутах о пауперах. Согласно им еще со времен первых Тюдоров предусматривалось использование традиционных репрессивных методов (физическое наказание бродяг-пауперов вплоть до смертной казни). И они по-прежнему применялись местными властями графств. Вместе с тем в конце правления Елизаветы Тюдор и при первых Стюартах (1603–1640-е гг.) репрессивные методы уже не были главными. Местные власти все более активно начинают стремиться создавать рабочие места для пауперов и изыскивать денежные средства для этого. Однако на местах возникало множество казусов с пауперами, решение которых требовало от местных властей индивидуального подхода и не тривиальных способов решения. Но они не были четко прописаны в статутах о пауперах. Поэтому многое зависело от умения и желания местных властей (мировых судей, констеблей, церковноприходских старост, городских властей) и степени материальной состоятельности местного населения, способного регулярно отчислять деньги на помощь пауперам. Свою роль, но явно не главную, играла благотворительность со стороны отдельных лиц, которая, однако, не могла охватить всю огромную массу пауперов [6, 7, 12, 13].

Получив в наследство от Тюдоров проблему пауперизма, первые Стюарты, также как и их монаршие предшественники, переложили ее решение

на плечи местных властей графств, которые без постоянной финансовой государственной поддержки в лучшем случае могли лишь эпизодически добиваться относительных успехов, но полностью ее решить они не могли.

Список литературы

1. Manning R. B. Villadge Revolts. Social Protest and Popular Disturbances in England, 1509–1640. Oxford : Clarendon Press, 1988. 354 p.
2. Martin J. Feudalizm to Capitalism: Peasants and Landlords in English Agrarian Development. London : Basingstoke : Macmillan, 1983. 255 p.
3. Семенов В. Ф. Пауперизм в Англии и законодательство Тюдоров по этому вопросу // Средние века. 1953. Вып. IV. С. 209–224.
4. Штекли А. Э. От приютов к работным домам // Средние века. 1984. Вып. 47. С. 100–115.
5. Штокмар В. В. Кровавое законодательство Тюдоров против обезземеленных масс Англии // Ученые записки ЛГУ. 1951. Т. 130, № 18. С. 185–206.
6. Чернова Л. Н. Благотворительность в тюдоровском Лондоне: гендерный аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20, № 3. С. 344–352.
7. Gareth J. History of Law of Charity, 1532–1827. Cambridge : Cambridge University Press, 1969. 270 p.
8. Bier A. Masterless men: the vagrancy Problem in England, 1560–1640. London : Routledge, 1985. 258 p.
9. Pound J. Poverty and Vagrancy in Tudor England. London ; New York : Longman, 1986. 116 p.
10. Bentham J. Writings on the Poor Laws : in 36 vols. / ed. by M. Quinn. Oxford : Clarendon Press ; Oxford : Oxford University Press, 2001. Vol. I. 128 p.
11. Pashley R. Pauperism and Poor Law. London : Longman Brown Green and Longmans, 1852. 428 p.
12. Jordan W. K. Philanthropy in England, 1480–1660. A Study of the Changing Patterns of English Social Aspirations. London ; New York : Routledge, 2006. 412 p.
13. Jordan W. K. The Charity of London, 1480–1660. The aspirations and the achievements of the urban society : in 2 vols. London ; New York : Archon Books, 2013. Vol. II. 466 p.
14. Ribton-Turner C. J. A History of Vagrants and Vagrancy and Beggars and Beggin. London : Chapman and Hall, 1887. 720 p.
15. Webbs S., Webbs B. English Poor Law History : in 3 parts. Part I. The Old Poor Law. London : Frank Cass and co. Ltd., 1927. 468 p.
16. Макаров А. А., Митрофанов В. П. Поиски решения проблемы пауперизма в тюдоровской Англии (по трактатам современников) // Новая и Новейшая история. 2019. № 6. С. 32–48.
17. Винокурова М. В. Нищие в малых городах Юго-Западной Англии // Средние века. 1997. Вып. 59. С. 42–48.
18. Березкин А. В. Английские памфлеты о бродягах и преступниках XVI – начала XVII вв. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2003. № 4. С. 91–102.
19. Евсеев В. А. «Городская цивилизация» Англии от Тюдоров до Стюартов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2019. 636 с.
20. Митрофанов В. П. Проблема пауперизма и иммиграции в Англии эпохи Тюдоров и первых Стюартов: некоторые итоги и перспективы исследований // Англоведение в современной России : монография / отв. ред.: М. П. Айзенштат, Т. Л. Лабутина. М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2019. С. 52–61.
21. Slack P. A. A Vagrants and Vagrancy in England 1598–1664 // Economic History Review. 1974. Vol. 27 (3). P. 360–379.

22. The Official Papers of Sir Nathaniel Bacon of Stiffkey, Norfolk as Justice of The Peace. 1580–1620 / ed. by H. W. Sanders. London : Offices of the Society, 1915. 255 p.
23. The Victoria History of The Counties of England // History of Somersetshire : in 12 vols. / ed. by W. Page, R. W. Dunning. London : Woodbridge, Suffolk, 1911. Vol. II. 686 p.
24. Statutes of The Realm of England : in 11 vols. / ed. by A. Luders, T. E. Tompkins. London, 1819. Vol. IV. 1275 p.
25. The Victoria History of The Counties of England. History of Middlesex : in XII vols. / ed. by W. Page. London : Archibald Constable and company limited, 1911. Vol. II. 406 p.
26. The Victoria History of The Counties of England: Berkshire : in IV vols. / ed. by W. Page. London : Archibald Constable and company limited, 1907. Vol. II. 404 p.
27. The Victoria History of The Counties of England. History of Yorkshire : in XIII vols. / ed. by W. Page, K. J. Allison. London : Archibald Constable and company limited, 1913. Vol. III. 548 p.

References

1. Manning R.B. *Village Revolts. Social Protest and Popular Disturbances in England, 1509–1640*. Oxford: Clarendon Press, 1988:354.
2. Martin J. *Feudalism to Capitalism: Peasants and Landlords in English Agrarian Development*. London: Basingstoke: Macmillan, 1983:255.
3. Semenov V.F. Pauperism in England and the Tudor Legislation on the Subject. *Srednie veka = Middle Ages*. 1953;(IV):209–224. (In Russ.)
4. Shtekli A.E. From asylums to workhouses. *Srednie veka = Middle Ages*. 1984;(47):100–115. (In Russ.)
5. Shtokmar V.V. The Tudor's bloody legislation against England's landless masses. *Uchenye zapiski LGU = Proceedings of LSU*. 1951;130(18):185–206. (In Russ.)
6. Chernova L.N. Charity in Tudor London: the gender dimension. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Proceedings of Saratov University. New series. Series: History. International relations*. 2020;20(3):344–352. (In Russ.)
7. Gareth J. *History of Law of Charity, 1532–1827*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969:270.
8. Bier A. *Masterless men: the vagrancy Problem in England, 1560–1640*. London: Routledge, 1985:258.
9. Pound J. *Poverty and Vagrancy in Tudor England*. London; New York: Longman, 1986:116.
10. Bentham J. *Writings on the Poor Laws: in 36 vols*. Oxford: Clarendon Press; Oxford: Oxford University Press, 2001;I:128.
11. Pashley R. *Pauperism and Poor Law*. London: Longman Brown Green and Longmans, 1852:428.
12. Jordan W.K. *Philanthropy in England, 1480–1660. A Study of the Changing Patterns of English Social Aspirations*. London; New York: Routledge, 2006:412.
13. Jordan W.K. *The Charity of London, 1480–1660. The aspirations and the achievements of the urban society: in 2 vols*. London; New York: Archon Books, 2013;II:466.
14. Ribton-Turner C.J. *A History of Vagrants and Vagrancy and Beggars and Beggins*. London: Chapman and Hall, 1887:720.
15. Webbs S., Webbs B. *English Poor Law History: in 3 parts. Part I. The Old Poor Law*. London: Frank Cass and co. Ltd., 1927:468.
16. Makarov A.A., Mitrofanov V.P. The search for a solution to the problem of pauperism in Tudor England (by the treatises of contemporaries). *Novaya i Noveyshaya istoriya = Modern and contemporary history*. 2019;(6):32–48. (In Russ.)
17. Vinokurova M.V. Beggars in small towns of South West England. *Srednie veka = The Middle Ages*. 1997;(59):42–48. (In Russ.)

18. Berezkin A.V. English pamphlets about vagrants and criminals of the 16th – early 17th centuries. *Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* = *Problems of social history and culture of the Middle Ages and early modern times*. 2003;(4):91–102. (In Russ.)
19. Evseev V.A. «*Gorodskaya tsivilizatsiya*» Anglii ot Tyudorov do Styuartov = “Urban Civilization” of England from the Tudors to the Stuarts. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019:636. (In Russ.)
20. Mitrofanov V.P. The problem of pauperism and immigration in Tudor and early Stuart England: some results and prospects of research. *Anglovedenie v sovremennoy Rossii: monografiya* = *English studies in modern russia: monograph*. Moscow: In-t vseobshchey istorii RAN, 2019:52–61. (In Russ.)
21. Slack P.A. A Vagrants and Vagrancy in England 1598–1664. *Economic History Review*. 1974;27(3):360–379.
22. Sanders H.W. (ed.). *The Official Papers of Sir Nathaniel Bacon of Stiffkey, Norfolk as Justice of The Peace. 1580–1620*. London: Offices of the Society, 1915:255.
23. Page W., Dunning R.W. (eds.). *The Victoria History of The Counties of England. History of Somersetshire: in 12 vols*. London: Woodbridge, Suffolk, 1911;II:686.
24. Luders A., Tomplins T.E. (eds.). *Statutes of The Realm of England: in 11 vols*. London, 1819;IV:1275.
25. Page W. (ed.). *The Victoria History of The Counties of England. History of Middlesex: in XII vols*. London: Archibald Constable and company limited, 1911;II:406.
26. Page W. (ed.). *The Victoria History of The Counties of England: Berkshire: in IV vols*. London: Archibald Constable and company limited, 1907;II:404.
27. Page W., Allison K.J. (eds.). *The Victoria History of The Counties of England. History of Yorkshire: in XIII vols*. London: Archibald Constable and company limited, 1913;III:548.

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Петрович Митрофанов

доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей
истории и обществознания,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: vm@em-england.ru

Vladimir P. Mitrofanov

Doctor of historical sciences,
professor of the sub-department
of general history and social
sciences, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 10.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 02.03.2025

Принята к публикации / Accepted 25.03.2025

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

PAGES OF THE HISTORY OF PENZA REGION

УДК 433.930.85

doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-8

Власть и общество Пензенской губернии в годы новой экономической политики

Н. В. Семина¹, О. А. Сухова²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹semina_n_v@mail.ru, ²savtemp@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальное значение избранной темы определяется необходимостью всестороннего изучения различных вопросов и форм взаимоотношений власти и общества российской провинции в моменты коренных исторических изменений, одним из которых был период осуществления новой экономической политики, когда происходило изменение всех подсистем общества, трансформировались мировоззренческие установки населения. Аналогичные процессы происходили совсем недавно: смена представлений о месте и роли различных социальных групп в российском обществе как основание заново формирующихся настроений. Цель исследования заключается в комплексном рассмотрении проблемы взаимоотношений власти и общества в годы новой экономической политики на материалах Пензенской губернии для поиска эффективного опыта устойчивого развития регионов. Отдельное внимание уделено вопросам взаимодействия власти и населения в решении проблемы беспризорности и безнадзорности, поскольку отношение к несовершеннолетним определяет будущее развитие любого общества. *Материалы и методы.* Использованы различные материалы: архивные, результаты исследований взаимоотношений власти и населения в отечественной историографии, правовые источники (законодательные и другие официальные акты). Методологические подходы, основанные на принципах научной системности, объективности и историзма, определили предмет исследования. *Результаты.* Всестороннее исследование явлений и фактов реальной действительности базировалось на объективном и беспристрастном истолковании и оценивании. Проанализирован характер взаимодействия власти и общества в исследуемый период. Рассмотрена проблема отношений с властью в Пензенской губернии в кризисных социально-экономических и политических условиях. Отражены особенности восприятия населением губернии проводимых властью мероприятий, выявлены противоречия во взаимоотношениях пензенской общественности с властью, а также отражены особенности существования общества в данных исторических условиях. Исследовано влияние государственной политики на отношения внутри общества и преодоление одной из важнейших проблем – беспризорности и безнадзорности детей. *Выводы.* На всем протяжении новой экономической политики взаимоотношения общества и власти носили противоречивый характер. Проблемы в реализации новой экономической политики непосредственно отражались на отношениях местных

партийно-государственных органов и пензенской общественности. Создание низовых структур советской власти фактически было навязано крестьянству как враждебное общине образование. Волостные и сельские советы действовали в сфере административного управления, учета и контроля, другие вопросы были отнесены к полномочиям схода, что укрепляло контркультурный по отношению к общине характер советской власти. Во второй половине 1920-х гг. новая власть поглотила общину, реальной полнотой власти обладали местные структуры большевистской партии. На протяжении всех 1920-х гг. фиксировался рост социальной напряженности. Остро стояла проблема беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних. На начальном этапе новой экономической политики слаженных институтов и действий, направленных на преодоление исследуемых социальных явлений, не было. Перед обществом и государством стояли другие проблемы: все усилия в это время были направлены на восстановление экономики страны (ликвидировались последствия голода и недорода, шла борьба за жизнь детей). Только к середине 1920-х гг. были определены основы для будущей борьбы с беспризорностью: действовали все основные организации, ведущие борьбу с беспризорностью, законодательно были закреплены меры, позволявшие решать данную проблему более эффективно и с меньшими затратами.

Ключевые слова: новая экономическая политика, беспризорность, безнадзорность, власть, сельский совет, община, социальная напряженность

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>

Для цитирования: Семина Н. В., Сухова О. А. Власть и общество Пензенской губернии в годы новой экономической политики // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 97–109. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-8

The government and society of Penza region during the NEP

N.V. Semina¹, O.A. Sukhova²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹semina_n_v@mail.ru, ²savtemp@yandex.ru

Abstract. Background. The actual importance of the chosen topic is determined by the need for a comprehensive study of various issues and forms of relations between the government and society of the Russian province at the moments of fundamental historical changes, one of which was the period of implementation of the new economic policy, when all subsystems of society changed, the ideological attitudes of the population were transformed. Similar processes have been taking place quite recently: a change of ideas about the place and role of various social groups in Russian society, as the basis for newly formed moods. The purpose of the study is to comprehensively consider the problem of the relationship between government and society during the NEP years based on the materials of the Penza province in order to find effective experience in the sustainable development of regions. Special attention is paid to the issues of interaction between the government and the population in solving the problem of homelessness and neglect, since the attitude towards minors determines the future development of any society. *Materials and methods.* The article uses various materials: archival, the results of research on the relationship between government and the population in Russian historiography, legal sources (legislative and other official acts). Methodological approaches based on the principles of scientific consistency, objectivity, and historicism defined the subject of the study. *Results.* A com-

prehensive study of the phenomena and facts of reality was based on an objective and impartial interpretation and evaluation. The nature of the interaction between government and society in the period under study is analyzed. The problem of relations with the authorities in the Penza province in crisis socio-economic and political conditions is considered. The peculiarities of the perception of the population of the province of the events held by the authorities are reflected, contradictions in the relationship between the Penza public and the authorities are revealed, and the peculiarities of the existence of society in these historical conditions are reflected. The influence of state policy on relations within society and overcoming one of the most important problems – homelessness and neglect of children is studied. *Conclusions.* Throughout the new economic policy, the relationship between society and government was contradictory. The problems in the implementation of the NEP directly affected the relations between local party and state bodies and the Penza public. The creation of the grassroots structures of the Soviet government was actually imposed on the peasantry as an entity hostile to the community. Volost and village councils acted in the field of administrative management, accounting and control, other issues were attributed to the powers of the assembly, which strengthened the countercultural nature of the Soviet government in relation to the community. In the second half of the 1920s, the new government absorbed the community, and the local structures of the Bolshevik Party possessed real fullness of power. Throughout the 1920s, there was an increase in social tension. The problem of homelessness and neglect of minors was acute. At the initial stage of the NEP, there were no well-coordinated institutions and actions aimed at overcoming the studied social phenomena.

Keywords: new economic policy, homelessness, neglect, government, village council, community, social tension

Financing: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>

For citation: Semina N.V., Sukhova O.A. The government and society of the Penza region during the NEP. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(2):97–109. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-8

Специфика общественно-политической жизни российских регионов в первое постреволюционное десятилетие отражает противоречивость и утопичность концепта «диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти» [1, с. 244]. Реальные же практики партийного руководства свидетельствуют о стремлении к постепенному вытеснению традиционных стратегий самоорганизации и замещению власти схода особой революционной формой представительной демократии – советами, с одной стороны, а с другой – происходит последовательная большевизация последних снизу доверху. Вместе с тем симбиоз партийно-государственного руководства предполагал сохранение формальной автономии системы советов.

Структуру низового уровня социально-политического взаимодействия позволяют представить данные об административном делении губернии. Так, в 1920 г. в составе региона фигурируют 11 уездов и 254 волости [2, с. 3]. Новый уезд – Рузаевский – был образован в 1918 г. из части Саранского и Инсарского уездов. В марте 1925 г. Саранский, Рузаевский и Инсарский уезды были объединены под названием Рузаевский, 4 мая 1925 г. уезд был пере-

именован в Саранский, а с 7 сентября Рузаевский уезд был вновь выделен в самостоятельную административную единицу. В 1923 г. в составе региона появляется Спасский уезд, причисленный из состава Тамбовской губернии и переименованный в 1925 г. в Беднодемьяновский.

Таким образом, к 1926 г. уездный уровень управления состоял из восьми уисполкомов (исполнительных комитетов советов): Беднодемьяновского, Городищенского, Краснослободского, Нижнеломовского, Пензенского, Рузаевского, Саранского и Чембарского [3, с. 26].

Общее количество зарегистрированных общин составило 2147. В ходе «общинной революции» и землеустроительных мероприятий мелкие общины, как правило, в рамках одного села подлежали объединению. В итоге общее число общин сократилось (по сравнению с 1909–1911 гг. на 23 %) [2, с. 3]. Общинное (мирское) самоуправление опиралось на институт схода. Создание же низовых структур советской власти было призвано завершить слом системы имперского управления и заменить избранные с таким трудом к октябрю 1917 г. волостные земства, т.е. фактически было навязано крестьянству и воспринималось как чужеродное и враждебное общине образование. Решение о создании волостных и сельских советов было принято IV губернским крестьянским съездом 27 декабря 1917 г. Большинство волостных советов появились в деревне в период с января по апрель 1918 г. Только за февраль было организовано 113 (или 56,4 %) волостных советов. К апрелю их число возросло до 201 [4, л. 2].

Сельские советы численностью до 50 депутатов по принятым нормам создавались в населенных пунктах с населением свыше 300 человек, причем в селениях, состоявших из нескольких обществ, действовал только один совет [5, с. 150]. Необходимо признать, что функционал совета измерялся почти исключительно сферой административного управления, учета и контроля, все остальные вопросы повседневной жизни были отнесены к полномочиям схода, что лишь укрепляло контркультурный по отношению к общине характер советской власти. Даже в области сельского хозяйства при констатации форм содействия аграрному развитию встречаем лишь организацию коммун, артелей и товариществ [5, с. 151].

Реальной полнотой власти обладали местные структуры большевистской партии. Организационно процесс партийного строительства в губернии был запущен в августе 1918 г., когда на I губернской партийной конференции состоялось избрание первого губернского комитета РКП(б) в следующем составе: Е. Б. Бош, В. В. Кураева, П. В. Кутузова, С. С. Турло, А. И. Марьина, А. Е. Минкина, В. А. Покровского, Ф. В. Веселовской и А. С. Буздеса [6, с. 91]. На 1 июля 1926 г. партийная организация губернии насчитывала в своих рядах почти 8,4 тыс. коммунистов, объединенных в 330 ячеек. Число рабочих в составе ВКП(б) превысило 3500 человек [7, с. 167].

Партийное руководство советами осуществлялось посредством создания в их структуре коммунистических фракций. Поддержка советского строительства выступала одной из важнейших задач ЦК партии. Так, в 1925 г. по решению пленума ЦКРКП(б) (переименование партии состоялось в конце 1925 г. на очередном съезде – Всесоюзная коммунистическая партия (большевики)) начинается компания по оживлению Советов, целью которой выступило широкое привлечение рабочих и крестьян к участию в выборах

в советы различных уровней. В результате массовой политико-просветительской работы в 1925 г. в выборах сельских и волостных советов региона приняло участие 44 % избирателей (в то время как в 1923 г. – 33 %) [8, л. 33]. Выросла и партийная прослойка советов. В 1923 г. она составила 5,6 % в сельсоветах и 38 % в волсполкомах, а в 1925 г. – соответственно 8,8 и 39 % [7, с. 158].

Вместе с тем органы ОГПУ фиксировали рост социальной напряженности на протяжении всех 1920-х гг., несмотря на частичную либерализацию экономической жизни в регионе. Приведем ряд высказываний, раскрывающих содержание эмоционального отклика населения на социальное неблагополучие в 1924 г.: «В настроении совслужащих замечается ухудшение по причине низкой оплаты труда и систематических задержек (на местном и госбюджете, а если на хозрасчете, где заработки выше, то “сочувственное”»); «14 июля в 8 часов утра на Пензенском Трубзаводе вспыхнула забастовка рабочих из-за прибавки жалования администрации и спецам, недовольство рабочих наблюдалось и ранее»; «Недовольство среди рабочих из-за массовых случаев несвоевременной выплаты заработной платы»; «Настроение крестьянства и его отношение к Соввласти резко изменилось в худшую сторону» вследствие «объявления единого сельскохозяйственного налога, который своими большими цифрами привел крестьян к разочарованию»; «Замечаются враждебные выкрики по адресу Соввласти и Коммунистической партии»; «Налог непосильный, так как урожайность снизилась из-за болезней зерновых культур»; «Налоговые кампании вызывали недовольство»; «Отрицательное настроение большей части крестьянства»; недовольство налогами; «Недовольство неравенством по сравнению с рабочими, с которых налог не берут»; «Крестьянство как бы видит тенденцию Соввласти поднять хозяйственную жизнь Республики за счет крестьянства»; «Продолжают распространяться слухи о погромном налоге среди крестьян» и т.д. [9, л. 94–99, 178–184, 238].

В ходе перевыборов советов и исполкомов Пензенской губернии в 1925 г. в качестве типичных отмечались жалобы на «злоупотребления сельсоветов и давление на избирателей со стороны ячеек РКП(б) и ВЛКСМ (Рузаевский сельсовет Рузаевского уезда)» [10, л. 5 об.].

Выполняя решения XIII съезда партии, выдвинувшего лозунг «Лицом к деревне», губком партии направил на постоянную низовую партийную, советскую, кооперативную и профсоюзную работу в деревню 858 человек, из них 638 коммунистов. С ноября по октябрь 1926 г. для укрепления деревенских ячеек ВКП(б) партийные комитеты направили еще 477 городских работников, в том числе 77 – из Пензы [7, с. 160, 167].

Тем не менее и в конце первого постреволюционного десятилетия, как следует из сводок ОГПУ, в массовом сознании устойчиво доминировали критические высказывания: «Партийное влияние слабое», «партячейки авторитетом не пользуются», «что касается комсомола, то члены последнего ввиду плохих экономических условий из деревни бегут на заработки, поэтому работы никакой не ведется...» (с. Подгорное, Высокое, Покровское Чембарского уезда); «Кроме пьянства нам сельсовет ничего не сделал» (в 1926 г. в с. Адикаевка Нижнеломоского уезда); в с. Александровке, Рязановке Рузаевского уезда, в с. Анучино Чембарского уезда, с. Кочелейке Нижнеломовского уезда крестьяне приняли постановления с резолюцией: «Признать желательным органи-

зацию «Крестьянского союза» по причине роста антагонизма между городом и деревней»; в ходе перевыборной кампании комитетов общественной взаимопомощи в Краснослободском уезде вскрылся «целый ряд злоупотреблений – взятки, попойки, кормишки, – искусственное затягивание работ со стороны землеустроительного аппарата и медлительность разбора спорных земельных дел... отсюда всевозможные нарекания на советскую власть»; особую остроту приобрела проблема обострения отношений крестьянства и милиции (в с. Слободская Лада Саранского уезда начальник волостного района милиции «продолжает пьянствовать систематически и своим поведением развратил и рядовых милиционеров: милиционер Кузовков спился до того, что сбежал из своего района и растерял все дела, 2-й милиционер Агапов в одно время так напился, что в арестантском помещении сломал печку, 3-й милиционер – Селезнев живет в с. Пушкине на квартире у самогонщика Лялина, где пьет чуть ли не ежедневно. Население крайне недовольно» [11, л. 93, 125, 127, 492, 495].

К основным проблемам организации социального пространства в советской деревне во второй половине 1920-х гг. следует отнести признаки деструкции базовых принципов трудовой этики крестьянства, и прежде всего эгалитаризма («...не принимаются принудительные меры к взысканию сельскохозяйственного налога с бедноты, которая даже маленькую сумму не платит, надеясь освободиться совсем, а между тем занимается пьянством и варкой самогона. Зажиточная часть такие взгляды поддерживает, называя бедноту лодырями, избалованными советской властью» [11, л. 711]); выстраивание новых социально-иерархических связей, рождение новых значений в дихотомии «свой – чужой» (антирабочие / антагонизм к городу и антибюрократические настроения: «Почему рабочие налогами не облагаются и живут припеваючи вместе с коммунистами за наш счет, в то время когда крестьянские хозяйства являются истощенными и терпят нужду» [11, л. 203]; «Зачем организовывать бедноту, когда в высших органах Власти сидят все большие цари, – Вы думаете, нет Николая и у власти сидят рабочие, нет, ни одного рабочего не увидишь у Власти, там все сидят каракулевы воротнички, а нас с лаптями никуда не допускают...» [11, л. 459]; «Обыкновенно преобладает зависть к городу, недовольство рабочим, вплоть до недовольства диктатурой пролетариата, что зачастую поддерживают секретари сельсоветов, работники просвещения и т.п.» [12, л. 199]). Наконец, следует отметить присутствие оценочных суждений относительно эффективности механизмов властно-политического регулирования («Члены правления ничего не делают и лишь пьянствуют» [11, л. 207]; «Главным отрицательным фактором, влияющим на настроение крестьян, является массовое злоупотребление низового Соваппарата, в частности местных органов. В некоторых местах губернии этот вопрос обсуждается на всех сходках и собраниях...» [11, л. 4]).

Таким образом, понимание антикрестьянской сущности «государства диктатуры пролетариата», воплощенное прежде всего в деятельности местных органов власти, получило широкое распространение в российской деревне во второй половине 1920-х гг. Примирить власть и общину в дальнейшем могла только формализация идеи социального поравнения в дополнение к борьбе за чистоту низового партийного и государственного аппарата.

В крайне сложной жизненной ситуации в 1920-х гг. оказались дети, оставшиеся без попечения родителей. Органы власти не сразу смогли организовать работу по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних, так как масштабы явления были значительны, а средств для его преодоления было недостаточно. Все силы были направлены на восстановление экономики. Но следует отметить, что проблема не замалчивалась, государство открыто признало значительный рост беспризорности, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и предприняло ряд последовательных шагов по преодолению данных явлений. Была создана специальная детская милиция (постановление Наркомата образования от 5 марта 1920 г.), в том числе и в Пензенской губернии [13, л. 174]. Через два месяца при Пензенском губнаробразе создан подотдел охраны детства, в обязанности которого входило следующее: организация колоний для дефективных детей, специального кабинета экспериментальной психологии и психопатологии (на начальном этапе преодоления беспризорности это явление считалось болезнью, дефективностью); подготовка кадров для детских домов, в первую очередь воспитателей [13, л. 37, 163].

В январе 1921 г. при Всероссийском центральном исполнительном комитете создается Комиссия по улучшению жизни детей – один из основных органов в вопросе борьбы с беспризорностью. Полагаем, что привлечение чрезвычайных структур к решению проблемы беспризорности на данном этапе было необходимо и способствовало урегулированию всего процесса организации работы в данной сфере. В Пензенской губернии губдеткомиссия наблюдала за работой губоно и оздравдета, уоно [14, л. 2].

В городах стремительно росло количество беспризорных, в том числе и за счет крестьянских подростков, которые не могли найти работу в деревне. Но безработица среди городского населения и отсутствие необходимой квалификации у подростков существенно ограничивали возможности трудоустройства. Ситуацию усугубляло и то, что при достижении возраста 16 лет сироты фактически оставались без средств к существованию, так как страх-кассы переставали выплачивать им пенсии, а школы фабзавуча, бригадного и индивидуального обучения не имели возможности принять всех беспризорных детей. Так, на 1 февраля 1928 г., по данным биржи труда, численность безработных подростков составила 1059 человек. Предложение труда подростков значительно превышало спрос: общая безработица подростков составляла 10–12 %, а трудоустраивалось только 3 % [15, л. 28].

Росту детской беспризорности способствовало и то, что дети не обучались в школе: «Главная причина... в общем политическом и экономическом положении страны: борьба на войне, борьба с продовольственной и транспортной разрухой... Из местных причин... полное отсутствие школьных помещений в г. Пензе, вследствие реквизиции их под госпитали...» [13, л. 163]. Детские дома были переполнены, да и условия жизни в них мог выдержать не каждый ребенок. Например, в 1924 г. на 7000 беспризорных детей в Пензенской губернии пайков выдавали только 3000, причем выдавалась неполная их норма, а только 50–60 % от нее [16, л. 25].

У губоно было недостаточно средств на содержание детских домов из-за сокращения кредитов Наркомпроса, а местных средств не хватало. В сложившейся ситуации было принято решение о передаче детей на патрониро-

вание в крестьянские семьи [17, л. 72]. Таким образом, власть признавала, что без помощи общественности с проблемой беспризорности не сможет справиться. Однако дети массово возвращались в детские дома [18, л. 45]. Это вполне объяснимо: переизбыток рабочих рук в деревне (выше отмечалось, что подростки, наоборот, бежали в города в поисках работы по причине ее отсутствия в сельской местности) [19, л. 44], тяжелое материальное положение крестьянства губернии.

К 1 апреля 1924 г. на содержании губоно планировалось оставить не более 2000 человек [19, л. 130]. Планировалась организация определенного количества детских учреждений с 1926 г.: 16 детских домов не более чем с 1180 воспитанниками, 5 приемников и общежитий на 310 детей. Следует отметить, что такая система сохранялась вплоть до 1930 г.

Одним из действенных способов борьбы с беспризорностью и вовлечением общественности в решение данной проблемы было проведение Пензенской губдеткомиссией и укомиссией недель помощи беспризорному и больному ребенку [19, л. 5], что было особо актуально для спасения детей именно в провинции, поскольку с 1922–1923 гг. финансирование системы народного образования в значительной степени производилось из местного бюджета [17, л. 72], который оставался дефицитным [19, л. 442]. С середины 1920-х и до начала 1930-х гг. в Пензенском регионе подобные кампании помощи беспризорникам, как правило, проводились не менее двух раз в год. Кроме этого, организовывались воскресники в детских домах, собранные средства от которых шли на ремонт зданий детского дома, мебель, белье, одежду [19, л. 442].

Губернские и уездные уполномоченные Комиссии по улучшению жизни детей обязаны были вести учет количества детских домов, коммун, площадок, приемников, изоляторов; определять уровень их годности для содержания детей (качество помещений, обеспеченность продовольствием, инвентарем, топливом); знать количество детей, находящихся без присмотра; число работников детских учреждений, их квалификацию; решать вопросы с кадровым составом данных учреждений; пресекать любую волокиту и бюрократизм в решении всех указанных вопросов [20, с. 125].

Детские дома в первые годы новой экономической политики (НЭП) фактически боролись за существование, пытались выжить, материальных средств остро не хватало: был перевод их на местное финансирование и другие негативные явления первых лет НЭПа. Интересен тот факт, что 1923 г. был объявлен периодом перехода к плановому решению проблемы беспризорности, но в реальности именно с 1923 г. резко ослабляется деятельность по борьбе с беспризорниками, сокращается число детских учреждений.

Так, согласно архивным источникам, к 1 октября 1924 г. в детдомах Пензенской губернии осталось 1815 детей (при 7000 беспризорных). К 1 марта 1926 г. фактически в систему детских домов входило 21 учреждение с числом воспитанников в 1414 детей [16, л. 207]. В архивных документах находим информацию, что органы власти, ввиду тяжелого материального положения отделов народного образования, передавали их на патронирование, но «видя затем, что “их дети”, оказывались в худших условиях, чем были у них, снова забирали детей к себе» [15, л. 30]. К середине 1926 г. была завершена передача детских домов на бюджет ОНО.

Еще одним из основных органов, занимающихся вопросами преодоления беспризорности и защитой детей, была Комиссия по делам о несовершеннолетних. К концу 1923 г. такие комиссии существовали во всех уездах Пензенской губернии. В обязанности Комиссии входило: выявление причин дефективности детей и подростков [16, л. 81], осуществление опеки, взаимодействие с детской инспекцией [16, л. 144]. Создание и деятельность комиссий по делам о несовершеннолетних, безусловно, положительный момент в деле борьбы с беспризорностью. Но стоит сказать, что в состав таких комиссий входило всего два работника, которые, конечно, не могли справиться с таким большим объемом работы.

К 1926 г. ряды беспризорных пополняли в основном дети из городских семей, в отличие от начального периода НЭПа, и, более того, из семей рабочих вследствие смерти одного или обоих родителей, тяжелого материального положения семьи либо сложных отношений с родителями (более 50 %) [19, л. 741].

Таким образом, в первые годы НЭПа только складывались основные институты борьбы с беспризорностью и безнадзорностью, власть пыталась выработать способы и формы преодоления данных негативных социальных явлений, средств остро не хватало. При этом срочного решения требовали и другие проблемы в социальной и экономической сферах жизни общества.

Но, несмотря на все препятствия, к середине 1920-х гг. удалось создать организационные и правовые основы для будущей борьбы с беспризорностью: к этому времени действовали все основные организации, ведущие борьбу с беспризорностью.

В 1928 г. на решение проблемы детской беспризорности в Пензенской губернии было выделено 117 025 рублей, а именно: на организацию новых учреждений на 175 детей – 67 525 рублей, трудоустройство – 25 000 рублей, выпуск воспитанников из детских домов – 15 000 рублей, профилактические меры – 8000 рублей, детскую социальную инспекцию – 1500 рублей. Дополнительно к этой сумме губоно по линии Пензенского губсоцстраха получило 30 000 рублей [21, л. 27].

В Пензенской губернии был разработан и действовал Перспективный пятилетний план по народному образованию, направленный на борьбу с беспризорностью, принятый в марте 1925 г. [22, л. 25], являвшийся нормативной основой преодоления исследуемой проблемы на местном уровне. В марте 1925 г. в Пензенской губернии, согласно архивным данным, было 2500 беспризорников, детские дома не могли принять всех детей, а для организации новых детских учреждений было недостаточно материальных средств. В связи с этим в 1926–1927 гг. было открыто два приемника. Кроме того, был открыт специальный детский дом на 40 воспитанников для детей мордвы [22, л. 27].

В тяжелых материальных условиях власть при поддержке общественности все же находила средства для организации новых детских учреждений и других мер, направленных на борьбу с детской беспризорностью: 1926–1927 г. – 30 000 рублей; 1927–1928 г. – 48 000 рублей; 1928–1929 г. – 67 600 рублей; 1929–1930 г. – 84 000 рублей [22, л. 27]. Причем, как уже было отмечено, средства привлекались и из специальных фондов (фондов деткомиссий), а также из прочих источников (помощь общественных организаций, сбор пожертвований, устройство концертов, спектаклей и т.д.) [22, л. 50].

Общесоюзный план борьбы с беспризорностью, в отличие от Перспективного плана Пензенской губернии, был рассчитан не на пять лет, а на три года. Стоит отметить и еще одно отличие указанных актов: Пензенский губернский пятилетний план уделял значительное внимание воспитанию детей в детских домах.

Конечно же, ситуация с масштабами беспризорности изменилась, она уже не представляла таких серьезных размеров, как в начале 1920-х гг., но стала проследиваться другая тенденция: росло число безнадзорных несовершеннолетних, что требовало незамедлительного решения и пристального внимания со стороны правительства и отделов народного образования. Власти продолжали проводить так называемые массовые облавы, причем в очень жесткой форме, с целью убрать детей, занимающихся бродяжничеством, с улиц [23, л. 16]. При проведении подобных акций нарушались права беспризорных и безнадзорных, причинялся вред детям. Для приведения подобных мероприятий в правовое русло срочно было принято положение (13 апреля 1928 г.), в соответствии с которым бродяжничество и беспризорность стали рассматриваться «как преступность, подлежащая немедленному искоренению».

К 1928 г. советская власть полностью отказалась от принципа всеобъемлющего государственного воспитания детей, в том числе беспризорных и безнадзорных. 14 апреля 1928 г. было принято постановление Совета народных комиссаров РСФСР «О мероприятиях по оказанию помощи детям беднейших семейств», в котором была определена основная государственная идея по борьбе с беспризорностью [24, л. 9]. Из содержания данного документа следует, что местные исполкомы начиная с 1928–1929 гг. должны включать в сметы отделов народного образования и здравоохранения специальные отчисления на оказание систематической материальной помощи (деньгами, вещами, лечением) нуждающимся детям в возрасте до 16 лет (в среднем 60 руб. в год на человека).

В Пензенской губернии в превентивных целях по сокращению притока детей и подростков из сельской местности в города, где они попадали в число беспризорных, были увеличены ассигнования по местному бюджету на помощь детям бедноты [15, л. 31].

Таким образом, вторая половина 1920-х гг. была более плодотворной и успешной в решении проблемы детской беспризорности по сравнению с первым периодом НЭПа. Законодательно был закреплён комплекс мер, позволявших решить вопросы преодоления беспризорности и безнадзорности более эффективно и менее затратно.

При всех положительных моментах в деле борьбы с беспризорностью, безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних (создание специальных органов, новых детских учреждений, построение законодательных основ, подготовка кадров и др.) стоит отметить и недостатки по решению исследуемой проблемы в условиях Пензенской губернии: официальные решения в сфере борьбы с детской беспризорностью, направляемые из центра, часто приходили с опозданием; ввиду преобладания в Пензенском регионе крестьянства, а также из-за недорода реализовать некоторые постановления было просто невозможно; в местном бюджете не было достаточных средств для финансирования детских учреждений и проведения мероприятий, направленных на борьбу с беспризорностью; местные органы власти допускали волокиту

и бюрократизм в своей деятельности. Несмотря на это, именно ликвидация детской беспризорности ставилась в качестве задачи особой государственной важности, от выполнения которой зависели жизнь и здоровье детей.

Список литературы

1. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М. : Политиздат, 1987. 364 с.
2. Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления / под общ. ред. Д. С. Мангусова. Пенза : Типо-лит. Губсовнархоза № 3, 1922. Ч. 1. 254 с.
3. Годин В. С., Сухова О. А. Административно-территориальное деление Пензенского края // Пензенская энциклопедия : в 2 т. Т. 1. А–М / гл. ред. А. Ю. Казаков. 2-е изд., уточн. и доп. Пенза : Областной издательский центр, 2019. С. 26.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 90.
5. Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия. 1917–1920 гг. М. : Госиздат, 1922. 210 с.
6. Факты. События. Свершения: к 325-летию города Пензы. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1988. 181 с.
7. Очерки истории пензенской организации КПСС / под ред. Л. Б. Ермина. Пенза : Приволж. кн. изд-во, Пенз. отд-ние, 1974. 527 с.
8. ГАПО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 758.
9. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 204.
10. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 213.
11. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 224.
12. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 225.
13. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 668.
14. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 1824.
15. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3927.
16. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3202.
17. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 1263.
18. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3487.
19. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 2078.
20. Из доклада Комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей в Президиум ВЦИК // Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / сост.: С. Виленский, А. Кокурин, Г. Аتماшкина, И. Новиченко. М. : МФД, 2002. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371397-iz-doklada-komissii-vtsik-po-uluchsheniyu-zhizni-detey-v-prezidium-vtsik-aprel-1921-g>
21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р.-1575. Оп. 1. Д. 168.
22. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 2098.
23. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 7. Д. 750.
24. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 7.

References

1. Kukushkin Yu.S., Chistyakov O.I. *Ocherk istorii Sovetskoy Konstitutsii = An outline of the history of the Soviet Constitution*. Moscow: Politizdat, 1987:364. (In Russ.)
2. Mangusov D.S. (ed.). *Obzor sel'skogo khozyaystva Penzenskoy gubernii i osnovnye napravleniya ego vosstanovleniya = Review of agriculture in Penza province and main directions of its restoration*. Penza: Tipo-lit. Gubsovnarkhoza № 3, 1922;(part 1):254. (In Russ.)
3. Godin V.S., Sukhova O.A. Administrative-territorial division of Penza region. *Penzenskaya entsiklopediya: v 2 t. T. 1. A–M. 2-e izd., utochn. i dop. = Penza Encyclopedia: in 2 volumes. Volume 1. A–M. The 2nd edition, revised and supplemented*. Penza: Oblastnoy izdatel'skiy tsentr, 2019:26. (In Russ.)

4. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. R-2. Op. 1. D. 90 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 1. File 90. (In Russ.)*
5. *Sbornik dekretov i postanovleniy po Narodnomu komissariatu zemledeliya. 1917–1920 gg. = Collection of decrees and regulations of the People's Commissariat of Agriculture. 1917–1920. Moscow: Gosizdat, 1922:210. (In Russ.)*
6. *Fakty. Sobytiya. Sversheniya: k 325-letiyu goroda Penzy = Facts. Events. Accomplishments: to the 325th anniversary of the city of Penza. Saratov: Privolzh. kn. izd-vo, 1988:181. (In Russ.)*
7. Ermin L.B. (ed.). *Ocherki istorii penzenskoy organizatsii KPSS = Essays on the history of the Penza organization of the CPSU. Penza: Privolzh. kn. izd-vo, Penz. otd-nie, 1974:527. (In Russ.)*
8. *GAPO. F. P-36. Op. 1. D. 758 = State Archive of Penza region. Fund P-36. Item 1. File 758. (In Russ.)*
9. *GAPO. F. R-2. Op. 4. D. 204 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 4. File 204. (In Russ.)*
10. *GAPO. F. R-2. Op. 4. D. 213 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 4. File 213. (In Russ.)*
11. *GAPO. F. R-2. Op. 4. D. 224 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 4. File 224. (In Russ.)*
12. *GAPO. F. R-2. Op. 4. D. 225 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 4. File 225. (In Russ.)*
13. *GAPO. F. R-2. Op. 1. D. 668 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 1. File 668. (In Russ.)*
14. *GAPO. F. R-2. Op. 1. D. 1824 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 1. File 1824. (In Russ.)*
15. *GAPO. F. R-2. Op. 1. D. 3927 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 1. File 3927. (In Russ.)*
16. *GAPO. F. R-2. Op. 1. D. 3202 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 1. File 93202. (In Russ.)*
17. *GAPO. F. R-2. Op. 1. D. 1263 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 1. File 1263. (In Russ.)*
18. *GAPO. F. R-2. Op. 1. D. 3487 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 1. File 3487. (In Russ.)*
19. *GAPO. F. R-2. Op. 1. D. 2078 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 1. File 2078. (In Russ.)*
20. From the report of the All-Russian Central Executive Committee Commission on Improving the Lives of Children to the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee . *Deti GULAGa. 1918–1956 = Children of the GULAG. 1918–1956. 2002. (In Russ.). Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371397-iz-doklada-komissii-vtsik-po-uluchsheniyu-zhizni-detey-v-prezidium-vtsik-aprel-1921-g>*
21. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. R-1575. Op. 1. D. 168 = State Archive of the Russian Federation. Fund R-1575. Item 1. File 168. (In Russ.)*
22. *GAPO. F. R-2. Op. 1. D. 2098 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 1. File 2098. (In Russ.)*
23. *GARF. F. R-1235. Op. 7. D. 750 = State Archive of the Russian Federation. Fund R-1235. Item 7. File 750. (In Russ.)*
24. *GARF. F. R-393. Op. 1. D. 7 = State Archive of the Russian Federation. Fund R-393. Item 1. File 7. (In Russ.)*

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Викторовна Семина

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры всеобщей истории
и обществознания, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Natalia V. Semina

Candidate of historical sciences,
associate professor, associate
professor of the sub-department
of general history and social studies,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: semina_n_v@mail.ru

Ольга Александровна Сухова

доктор исторических наук,
профессор, декан историко-
филологического факультета,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Olga A. Sukhova

Doctor of historical sciences,
professor, dean of the faculty
of history and languages,
Penza State University
(40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

E-mail: savtemp@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 21.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.02.2025

Принята к публикации / Accepted 22.03.2025

УДК 908/314.15

doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-9

Демографическая ситуация в Пензенском крае в условиях реформ административно-территориального деления в 1920–1930-е гг.

Я. В. Терещенко

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

yvtereshchenko@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Явная неравномерность наполнения источниковой базы о движении населения в первой половине XX в. вынуждает исследователей разрабатывать статистические модели и использовать экстраполяцию или балансовый метод для получения необходимых данных. Но в свете существенных административно-территориальных изменений в демографическом поведении и составе населения общие модели не всегда применимы и могут давать противоречивые результаты. Формирование прозрачного систематизированного кластера данных о демографической истории XX в. является одной из важнейших задач для историков-демографов, так как этот вопрос исключительно политизирован и мифологизирован. Цель работы – проследить изменения в демографическом составе Пензенского региона в связи с изменением его границ в 1920–1930-х гг. *Материалы и методы.* Осуществление задач исследования достигалось путем обработки и системного анализа материалов всеобщих переписей населения 1897, 1926 и 1939 гг., собрания узаконений и распоряжений РСФСР, сопоставления статистических данных и картографических источников. *Результаты.* Были систематизированы территориальные изменения, охватившие Пензенский край в 1920–1930-х гг. Проведен анализ численности и состава населения бывшей Пензенской губернии и территорий соседних губерний, вошедших впоследствии в Пензенскую область. *Выводы.* Вследствие административно-территориальных реформ в 1920–1930-х гг. границы Пензенской губернии подверглись кардинальной перестройке, существенно изменился и состав населения. Методы интерполяции и статистического анализа демографического поведения населения, применяемые для описания движения населения между 1897 и 1928 гг., не подходят для понимания и описания демографической картины 1930-х гг.

Ключевые слова: административно-территориальное деление, административные реформы, Пензенская губерния/область, демографический состав населения

Для цитирования: Терещенко Я. В. Демографическая ситуация в Пензенском крае в условиях реформ административно-территориального деления в 1920–1930-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 110–120. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-9

The demographic situation in Penza region under the reforms of the administrative-territorial division in the 1920–1930s

Ya.V. Tereshchenko

Penza State University, Penza, Russia

yvtereshchenko@mail.ru

© Терещенко Я. В., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Abstract. *Background.* The obvious unevenness of filling the source base on population movement in the first half of the 20th century forces researchers to develop statistical models and use extrapolation or the balance method to obtain the necessary data. But in light of significant administrative and territorial changes in demographic behavior and composition of the population, general models are not always applicable and can give conflicting results. The formation of a transparent systematized cluster of data on the demographic history of the 20th century is one of the most important tasks for historians-demographers, since this issue is exclusively politicized and mythologized. The purpose of the work is to trace the changes in the demographic composition of the Penza region in connection with the change in its borders in the 1920–1930s. *Materials and methods.* The implementation of the tasks of the study was achieved by processing and systematic analysis of materials from the general censuses of 1897, 1926, and 1939, a collection of legalizations and orders of the RSFSR, comparison of statistical data and cartographic sources. *Results.* The territorial changes that affected the Penza region in the 1920s and 1930s were systematized. An analysis of the size and composition of the population of the former Penza province and the territories of neighboring provinces that later entered the Penza region was carried out. *Conclusions.* Due to administrative and territorial reforms in the 1920–1930s the borders of the Penza province underwent a radical restructuring, and the composition of the population also changed significantly. The methods of interpolation and statistical analysis of the demographic behavior of the population, used to describe population movement between 1897 and 1928, are not suitable for understanding and describing the demographic picture of the 1930s.

Keywords: administrative-territorial division, administrative reforms, Penza province/region, demographic composition of the population

For citation: Tereshchenko Ya.V. The demographic situation in Penza region under the reforms of the administrative-territorial division in the 1920–1930s. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(2):110–120. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-9

Советская Россия унаследовала от прошлого пласт проблем, касавшихся социального обеспечения населения. Решение многих вопросов рассматривалось в то время в свете реформирования управления территориями и, как следствие, в создании крупных экономически самостоятельных территориальных единиц. Объединение предполагалось по экономическому типу с целью повышения способности формирования производственно-торговых цепочек. Немаловажным было также приближение управленческого аппарата к трудящимся массам для повышения вовлеченности населения в управление на местах, что было продиктовано прежде всего слабостью центральной власти на тот момент [1, с. 130–131]. Кроме того, перекраивание границ регионов было призвано решить помимо чисто экономических не менее важные политические задачи. Речь идет о создании национальных автономий, обещанных большевиками национальным меньшинствам за поддержку во время гражданской войны [2, с. 114–115]. Во время передела границ регионов сделать это было удобнее всего. Немаловажным был и идеологический фактор избавления от наследия эксплуататоров, выражавшийся в упразднении старых, «царских» волостей, уездов и губерний с заменой их на новые советские края и области.

При реализации реформы власти столкнулись с серьезными затруднениями, в том числе с недостаточным развитием транспортной связанности территорий, конфликтами местных элит и недостаточным количеством ква-

лифицированных управляющих кадров. В итоге преобразования затянулись на целое десятилетие, за которое изменились цели и методы управления государством, а регионы, пройдя ряд территориальных и управленческих метаморфоз, вернулись в состояние, близкое к исходному [3, с. 29].

Происходившие перемены наглядно можно проследить на судьбе Пензенской губернии. Регион, границы которого оставались неизменным на протяжении более 200 лет, в результате реформ был разделен на части, которые попеременно входили в состав Средневожского края, Куйбышевской, Тамбовской областей, ощутил на себе последствия коренизации, был полностью ликвидирован и вновь воссоздан. Но границы новой Пензенской области соответствуют границам Пензенской губернии лишь наполовину. В статистической и справочной литературе эти изменения отражаются слабо, например, при описании населения региона всегда строится ряд: население, согласно переписи 1897, 1926, 1939 гг., и т.д., то же касается национального состава и др., без отсылок к территориальным изменениям. В статье ставится цель проследить демографические изменения Пензенского региона в связи с изменением его внутренних границ (изменением числа уездов) и обменом территориями с соседними губерниями и проследить изменение численности и состава населения на протяжении четверти века. Последние достоверные данные, которыми мы владеем, будут датироваться 1914 г. Далее война с потоками беженцев, раненых и мобилизованных внесет хаос в и так несовершенную статистическую документацию, а после 1917 г. о верифицируемых данных можно говорить лишь с определенной долей условности. Следующие достоверные показатели даст только перепись 1926 г. Изменения административных границ начались ранее, поэтому за базовый состав населения мы примем данные на 1 января 1914 г. В конце мы оценим соответствие ожидаемой численности жителей и фактической, полученной благодаря переписи, проведенной в 1939 г.

Итак, согласно данным статистического ежегодника России, на 1 января 1914 г. насчитывалось 1 911 600 постоянных жителей губернии [4, с. 41]. Данным этим вполне можно доверять, так как получены они простым ежегодным сложением разности рождений и смертей в регионе с результатами переписи населения 1897 г. и обновлялись каждый год, начиная с 1905 г. По гендерному составу имелось небольшое превышение женского населения над мужским, в абсолютных цифрах 987,9 тыс. к 923,7 тыс. человек, или в относительных показателях 107 женщин на 100 мужчин. В регионе насчитывалось 13 городов, в которых проживало 187,1 тыс. человек, или менее 10 % населения. Здесь сразу хотелось бы отметить, что в городах и сельской местности мы имеем существенно отличающуюся демографическую картину, но в силу малого процента городского населения в общей массе данными различиями в расчетах пренебрегают, принимая для расчета средние значения. Отмечается подавляющее преобладание русского православного населения, составлявшего 83,1 %, и наличие коренного населения, в основном мордвы, проживавшей в северных районах губернии и представлявшей 12,9 % населения, около 4 % приходилось на татарское мусульманское население [5, с. 6]. По состоянию на 1 января 1914 г. Пензенская губерния включала в себя 10 уездов (табл. 1), разделенных на 231 волость.

Таблица 1

Административное разделение Пензенской губернии
на 1 января 1914 г. [4, 5]

Уезд	Площадь, кв. верст	Процент от общей площади	Население	Процент от общего населения
Пензенский	2934,5	8,59	214 700	11,23
Городищенский	6046,7	17,71	221 000	11,56
Инсарский	3983,2	11,67	236 700	12,38
Керенский	2376,5	6,96	145 700	7,62
Краснослободский	3640,4	10,66	214 100	11,2
Мокшанский	2752,9	8,06	142 600	7,46
Наровчатский	2295,0	6,72	158 700	8,3
Нижнеломовский	3174,9	9,3	198 500	10,38
Саранский	2947,7	8,63	177 800	9,3
Чембарский	3977,3	11,65	201 800	10,55
Вся губерния	34 129,1	100	1 911 600	100

Средняя плотность населения в губернии составляла 56 чел. / кв. версту, при этом в самом крупном Городищенском уезде этот показатель составлял 36,5 чел. / кв. версту, а в самом маленьком Наровчатском – 69 чел. / кв. версту. Такое неравномерное распределение населения было обусловлено как природными географическими факторами, в частности тем, что губерния представляла собой чередование лесных и степных полос, имевших различное хозяйственное назначение, так и особенностями заселения региона: соседство небольших земельных наделов служилых людей с более крупными и тяготение к крупным населенным пунктам [6, с. 25, 113]. В вышеобозначенных административных границах губерния пребывала со дня своего образования 9 сентября 1801 г. [7, с. 143] и просуществовала вплоть до апреля 1918 г., когда за счет выделения девяти волостей из состава Инсарского уезда был образован Рузаевский уезд [8, с. 3], впрочем, эти изменения не затронули ее внешних границ. Несмотря на рассматриваемую возможность присоединения уездов, принадлежавших соседним губерниям [9, л. 124–136], административные изменения, проводившиеся с 1918 по 1923 г., также касались только внутренних административно-территориальных единиц и представляли передачу волостей из одного уезда в другой или их переименование. Но все же 4 января 1923 г. Пензенская губерния приросла новыми территориями Спасского и Темниковского уездов Тамбовской губернии [10, с. 37]. В 1922 г., согласно постановлению ВЦИК, были начаты сбор и подготовка материалов по вопросу районирования губернии [9, л. 14], окончившиеся к 1 ноября 1923 г. После этого 12 ноября 1923 г. было принято новое административное деление губернии, состоящей теперь из 13 уездов, разделенных на 193 волости. Наблюдаемое сокращение количества волостей явно свидетельствовало о намерении продолжать укрупнение административных единиц, в итоге подобная тенденция привела к тому, что согласно постановлению Пензенского губисполкома с 15 июля 1924 г. были упразднены Краснослободский, Керенский, Мокшанский, Наровчатский, Рузаевский и Инсарский уезды и 125 волостей [10, с. 37], но и на этом территориальные изменения не закончились. В соот-

ветствии с Постановлением № 33 Пензенского губисполкома [11, л. 79] «Об укрупнении уездов и поволостном делении Пензенской губернии» утвердилось новое деление на 7 уездов и 66 волостей: Пензенский, Городищенский, Рузаевский, Краснослободский, Нижнеломовский, Спасский и Чембарский. Впоследствии из Рузаевского уезда вновь будет выделен Саранский. Именно в таком виде, в составе 8 уездов в губернии, будет проведена перепись 1926 г., и 5 мая 1928 г. она будет ликвидирована. Соответственно, такое количество административных изменений не оставляет ни единого шанса провести сравнение численности населения уездов по годам и получить репрезентативные результаты. В переписи за 1926 г. все данные давались уже в новых границах, соответственно, для оценки изменения численности населения мы будем опираться на данные за 1914 г. и использовать средний коэффициент естественного прироста.

Население двух уездов, присоединенных к Пензенской губернии, составляло 345 тыс. человек – 159,5 тыс. Спасского и 185,5 тыс. Темниковского [4, с. 45]. По своему демографическому составу они не отличались кардинально от старых Пензенских уездов: так, доля городского населения в них в среднем составляла 6,4 % для Спасского и 9,64 % для Темниковского уезда, средняя плотность населения – 44,6 чел. / кв. версту и 39,4 чел. / кв. версту при размере 3573 кв. версты и 4701 кв. верста. Территории на 95,9 % были заселены русским и православным населением. Особенности можно обнаружить, лишь сравнивая гендерный состав. Так, если в Спасском уезде наблюдается преобладание женского населения над мужским, в соотношении 105 женщин на 100 мужчин, что вполне укладывается в среднюю статистику Пензенской губернии, то в Темниковском уезде на 100 мужчин приходится лишь 98 женщин. Впрочем, это необычно и для Тамбовской губернии, поэтому данный факт лучше оставить для отдельного исследования. Население этих же двух уездов в 1897 г. составляло 259 716 человек [12, с. 29], соответственно, за 17 лет оно возросло на 85 284 человека, увеличившись на 24,72 %, или по 1,45 % в год. Рост населения Пензенской губернии, рассчитанный таким же образом, составлял 23,1 %, или по 1,36 % в год, т.е. можно считать, что население губернии и новых ее уездов изменялось примерно одинаковыми темпами.

Как было отмечено выше, чтобы узнать численность населения Пензенской губернии по результатам переписи 1926 г. в дореволюционных границах, недостаточно просто учесть население двух присоединенных уездов, так как их состав и границы непрерывно менялись, но необходимо исключить из общей численности людей, проживавших в них на 1914 г., и применить исчисленный коэффициент естественного прироста. По результатам, полученным в ходе переписи 1926 г., население Пензенской губернии составляло 2 208 780 человек [13, с. 27], соответственно, в старых границах это составило бы 1 863 780 чел., причем так не учитывается естественный прирост, который заместил выбывшее население в период Мировой и Гражданской войн, эпидемий и голода. Соответственно, так как Спасский и Темниковский уезды находились в тех же условиях, демографические потери они понесли такие же, поэтому данную цифру мы можем принять как население Пензенской губернии на 1926 г. в старых границах. То есть за 12 лет, прошедших с 1914 г., численность населения региона сократилась на 47 220 чел., но, несмотря

на жертвы войн, с начала 1920-х гг. данный показатель вновь начинает расти (в среднем на 1,53 % в год). Соответственно, на 1 января 1928 г. – год ликвидации губернии – ее население в старых границах немного превысило довоенный показатель и составило 1 921 250 человек.

Постановлением ВЦИК от 14 мая 1928 г. «Об образовании Средне-Волжской области» было принято решение объединить территории бывших Пензенской, Ульяновской, Самарской и Оренбургской губерний с центром в г. Самаре [14, с. 691–692]. Территория Пензенской губернии в составе нового административного образования была разделена между четырьмя округами: Пензенским, объединившим центральную и западную часть губернии, Мордовским, включившим в себя северную часть, Сызранским и Кузнецкими (включенным из состава Саратовской губернии), поделившими восточную часть в составе Городищенского и части Пензенского уезда [15, с. 1243]. Средне-Волжская область, впоследствии Средне-Волжский край, в силу экономических, географических факторов и сложности с логистикой и управляемостью оказалась недолговечной административной конструкцией, и уже с 1934 г. начинается разукрупнение региона. 7 декабря 1934 г. состав края, который к тому времени называется уже Куйбышевским, покидает Оренбургский округ, 7 декабря 1935 г. – Мордовский. Оставшиеся регионы лишаются окружного уровня управления и подчиняются напрямую г. Самаре, таким образом, становясь частью вновь образованной Куйбышевской области. Части некогда единой Пензенской губернии с этого момента оказываются в составе разных регионов и в разных условиях. Бывший Пензенский округ становится западной окраиной Куйбышевской области, при этом г. Пенза из губернской столицы становится городом районного значения. Городищенский уезд, ранее самый крупный в территориальном отношении, был разделен на ряд районов, тяготевших к разным крупным населенным пунктам. Мордовский округ 10 января 1930 г. был преобразован в Мордовскую автономную область [16, с. 257] и стал ядром для создания Мордовской АССР. Эти территории впоследствии уже не вернутся в состав Пензенского региона. Таким образом, от «старой» Пензенской губернии оказались отторгнуты территории площадью более 16,6 тыс. кв. верст, или 48 % площади, и населением 850 000 человек, или около 44,5 % населения. При этом 65 % мордовского населения, проживавшего в Пензенской губернии, оказалось в отколовшихся частях, что сделало Пензенский округ, ядро будущей Пензенской области, русским на 92,5 %, доля мордовского населения сократилась до 4 %, а татарского – до 2 % [13, с. 16].

Продолжавшийся процесс разукрупнения регионов вел к образованию новых административно-территориальных единиц. Так, из восточной части Воронежской и западной части Куйбышевской областей 27 сентября 1937 г. была создана Тамбовская область [17, с. 617–618], таким образом, в нее попала часть бывшей Пензенской губернии. Пенза оказалась одним из немногих губернских, а впоследствии окружных центров, не ставших центром областного значения. На несоответствие статуса г. Пензы занимаемому им положению указал депутат Пензенского городского округа А. П. Баталин в докладной записке в Верховный Совет СССР [18, с. 229–230]. Город, имевший 160-тысячное население, достаточно развитое промышленное производство

и являвшийся крупным железнодорожным узлом, оказался в подчинении у Тамбова с населением 106 тыс. человек и при этом даже не имел с ним прямого железнодорожного сообщения. Доводы были признаны объективными, и 4 февраля 1939 г. вокруг исторического ядра, состоявшего из бывших Нижне-Ломовского, Чембарского, Мокшанского, Пензенского, Керенского и Наровчатского уездов, была воссоздана Пензенская область в составе 38 районов, из которых 24 были выделены из состава Тамбовской области и 14 – из Куйбышевской и Саратовской областей, составивших южную часть вновь образованной области. Численность населения центральной и западной частей «старой» Пензенской губернии, которые составляли Пензенский округ и вокруг которых впоследствии будет создана Пензенская область, составляла в 1928 г. примерно 1 062 000 человек, проживавших на площади 17 500 кв. верст.

Во вновь образованную Пензенскую область вошли земли бывших Сердобского, Кузнецкого и северной части Петровского уездов Саратовской губернии, а также западная часть Моршанского и Спасского уездов Тамбовской губернии. Также в состав области вернулись территории бывшего Городищенского уезда Пензенской губернии, территории Николаевского и Барановского районов были переданы Ульяновской области всего через 4 года, поэтому в расчетах учитываться не будут.

Население новых территорий, вошедших в Пензенскую область на 1 января 1914 г., составляло приблизительно 687 тыс. человек из Саратовской губернии и 274 тыс. человек из Тамбовской [4, с. 43–45]. Для населения, вошедшего из Тамбовской губернии, доля городского населения составляла 8,7 %, соотношение полов было 105 женщин на 100 мужчин, средняя плотность расселения составляла 51,5 чел. на кв. версту. Для населения, вошедшего из Саратовской губернии, доля городского населения составляла 8,15 %, на 100 мужчин приходилось 102 женщины, средняя плотность расселения составляла 47,8 чел. / кв. версту. По основным демографическим показателям данные территории по составу населения были весьма похожи на территории Пензенской губернии. По национальному составу к западным и центральным районам Пензенской губернии, доля русского населения в которых составляла 92,5 %, и восточной части Тамбовской с долей русского населения 95,9 % вновь присоединились части с компактным проживанием мордовского и татарского населения. Городищенский, Кузнецкий и северная часть Петровского уезда сделали национальный состав новой области чуть более разнообразным: русских – 86,8 %, мордвы – 7,8 %, татар – 3,8 % [19, с. 64]. Коэффициент прироста населения, исчисленный нами ранее для отрезка с 1897 по 1914 гг., для Тамбовской губернии составлял 1,45 % в год, для Пензенской – 1,36 % в год, для северной части Саратовской губернии данный показатель составлял 1,48 % в год [20, с. 3], что говорит о сходном демографическом поведении жителей этих регионов. Также это позволяет экстраполировать численность населения в границах современной Пензенской области в 1928 г., принимая для расчета общий коэффициент, и вывод о незначительном превышении довоенного населения к этому году. Население Пензенской области в современных границах в 1928 г. должно было быть не менее 2 244 100 человек, что подтверждает цифры, приводящиеся в большинстве статистических материалов.

На основании полученных в исследовании данных можно сделать следующие выводы. Размеры Пензенской области превышают размеры Пензенской губернии в границах 1914 г. на 9 %, населенность – на 14,4 %, при этом плотность населения меняется несущественно – 58 чел. / кв. версту против 56 чел. / кв. версту соответственно. Также практически без изменений остаются показатели соотношения полов, небольшое превосходство количества женщин над мужчинами и соотношения национальностей в составе населения, доля русских меняется с 83,1 % в 1914 г до 86,8 % в 1939 г. При этом необходимо учитывать, что, несмотря на сохранение относительного размера территории и количества населения, состав территорий изменился на 55 %, а население было замещено на 47 %, т.е., говоря о населении и территории Пензенской губернии и Пензенской области, нужно понимать, что состав их соответствует лишь наполовину. «Сердцевиной» Пензенского региона является его центральная и западная часть, соответствовавшая приблизительно границам Пензенского округа в 1928 г. в составе Средне-Волжской области, с населением около 1 062 000 человек и площадью 17 500 кв. верст на 1928 г.

Коэффициент прироста населения для «коренных» пензенских территорий и территорий, вошедших в ее состав из других регионов, по расчетам является одинаковым, составлявшим в среднем 1,53 % в год, что дает среднее ожидаемое число жителей Пензенской области в 1939 г. 2 655 079 человек. Результаты Всесоюзной переписи населения 1939 г. оценивают численность населения области в 1 710 517 человек, на 35 % ниже ожидаемого значения [20, с. 24]. Чистое уменьшение количества населения составило 533 583 человека, или 23,7 %, за 11 лет. Соответственно, модели, описывающие демографическое поведение и оценки численности населения, работавшие для Пензенской губернии, не применимы для Пензенской области образца 1939 г. Также глубина демографической катастрофы, произошедшей в период с 1928 по 1939 г., требует отдельного исследования и явно делит жизнь региона на до и после. Соответственно, можно заключить, что Пензенская область не может в статистических расчетах считаться тождественной Пензенской губернии. Это новый регион, историю которого необходимо отсчитывать с 4 февраля 1939 г. Но все же Пензенская область была построена вокруг исторического ядра, включавшего в себя 50 % территорий, населения и главный губернский город Пензу, поэтому в сфере культуры и истории правопреемство «новой» области и «старой» губернии несомненно.

Список литературы

1. Кудряшева Н. В. Региональная политика большевиков и определение принципов административно-территориальной реформы (1920–1928 гг.) // Проблемы истории российской цивилизации : сб. науч. тр. Вып. 3. Саратов : Научная книга, 2007. С. 127–132.
2. Минеева Е. К. Автономии Среднего Поволжья в системе экономического районирования Советской России (20-е – 30-е гг. XX в.) // Вестник. 2008. № 1 (20). С. 113–117
3. Тархов С. А. Основные пространственные закономерности эволюции сетки административно-территориального деления России за 300 лет // Псковский региональный журнал. 2019. № 4 (40). С. 16–33.

4. Статистический ежегодник России 1914 г. Петроград : Тип. Штаба Петроградского военного округа, 1915. Отд. 1. 116 с.
5. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 т. Т. 30. Пензенская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. 257 с.
6. Любимов А. Е. Исторический очерк административного устройства Пензенской губернии // Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области. Пензенский и Саранский округа. Вып. II. Самара : Издание Средне-Волжской Плановой комиссии, 1925. 291 с.
7. Ульянов А. Е. Историко-географическое описание Пензенской губернии во второй половине XIX века // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2007. № 4 (8). С. 140–145.
8. Известия (Пенза). 1918. № 71.
9. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-505. Оп. 1. Д. 74.
10. Собрание узаконений (СУ) РСФСР. 1923. № 3. Ст. 46.
11. ГАПО. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 1994.
12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 т. Т. 42. Тамбовская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. 257 с.
13. Перепись населения 1926 г. Поволостные и алфавитный списки населенных мест Пензенской губернии / Статистический отдел Пензенского губернского исполнительного комитета ; Центральное статистическое управление Р.С.Ф.С.Р. Пенза : Типо-лит. им. т. Воровского, 1928. 185 с.
14. СУ РСФСР. 1928. № 54. Ст. 407.
15. СУ РСФСР. 1928. № 95. Ст. 612.
16. СУ РСФСР. 1930. № 17. Ст. 225.
17. СУ РСФСР. 1937. № 66. Ст. 301.
18. История Пензенского края : в 3 т. Т. 3. Пензенский край в XX – начале XXI века / под общ. ред. О. В. Мельниченко ; под ред. О. А. Суховой. 2-е изд. доп. и испр. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2024. 768 с.
19. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М. : Наука, 1992. 256 с.
20. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 т. Т. 38. Саратовская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. 251 с.

References

1. Kudryasheva N.V. Regional policy of the Bolsheviks and the definition of the principles of administrative-territorial reform (1920–1928). *Problemy istorii rossiyskoy tsivilizatsii: sb. nauch. tr. Vyp. 3 = Problems of the history of Russian civilization: collected papers. Issue 3*. Saratov: Nauchnaya kniga, 2007:127–132. (In Russ.)
2. Mineeva E.K. Autonomies of the Middle Volga region in the system of economic regionalization of Soviet Russia (1920s – 1930s). *Vestnik = Bulletin*. 2008;(1):113–117. (In Russ.)
3. Tarkhov S.A. The main spatial patterns of evolution of the grid of administrative-territorial division of Russia over 300 years. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal = Pskov regional journal*. 2019;(4):16–33. (In Russ.)
4. *Statisticheskiy ezhegodnik Rossii 1914 g. = Statistical yearbook of Russia 1914*. Petrograd: Tip. Shtaba Petrogradskogo voennogo okruga, 1915;1:116. (In Russ.)
5. Troynitskiy N.A. (ed.). *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: v 89 t. T. 30. Penzenskaya guberniya = The First General Population Census of the Russian Empire, 1897: in 89 volumes. Volume 30. Pensa province*. Saint Petersburg: Izдание Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del, 1903:257. (In Russ.)

6. Lyubimov A.E. Historical outline of the administrative structure of Penza province. *Materialy po rayonirovaniyu i organizatsii Sredne-Volzhskoy oblasti. Penzenskiy i Saranskiy okrugi. Vyp. II = Materials on zoning and organization of the Middle Volga region. Penza and Saransk districts. Issue 2.* Samara: Izdanie Sredne-Volzhskoy Planovoy komissii, 1925:291. (In Russ.)
7. Ul'yanov A.E. Historical and geographical description of the Penza province in the second half of the 19th century. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki = Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinskiy. Humanities.* 2007;(4):140–145. (In Russ.)
8. *Izvestiya (Penza) = Izvestiya (Penza).* 1918;(71). (In Russ.)
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. R-505. Op. 1. D. 74 = State Archive of Penza region. Fund R-505. Item 1. File 74.* (In Russ.)
10. *Sobranie uzakoneniye (SU) RSFSR = Collection of laws of RSFSR.* 1923;(3):art. 46. (In Russ.)
11. *GAPO. F. R-309. Op. 1. D. 1994 = State Archive of Penza region. Fund R-309. Item 1. File 1994.* (In Russ.)
12. Troynitskiy N.A. (ed.). *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: v 89 t. T. 42. Tambovskaya guberniya = The First General Population Census of the Russian Empire, 1897: in 89 volumes. Volume 42. Tambov province.* Saint Petersburg: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del, 1904:257. (In Russ.)
13. *Perepis' naseleniya 1926 g. Povolostnye i alfavitnyy spiski naselennykh mest Penzenskoy gubernii = Population census of 1926. Volost and alphabetical lists of populated areas of Penza province.* Penza: Tipo-lit. im. t. Vorovskogo, 1928:185. (In Russ.)
14. *SU RSFSR = Collection of laws of RSFSR.* 1928;(54):art. 407. (In Russ.)
15. *SU RSFSR = Collection of laws of RSFSR.* 1928;(95):art. 612. (In Russ.)
16. *SU RSFSR = Collection of laws of RSFSR.* 1930;(17):art. 225. (In Russ.)
17. *SU RSFSR = Collection of laws of RSFSR.* 1937;(66):art. 301. (In Russ.)
18. Mel'nichenko O.V. (gen. ed.), Sukhovoy O.A. (ed.). *Istoriya Penzenskogo kraya: v 3 t. T. 3. Penzenskiy kray v XX – nachale XXI veka. 2-e izd. dop. i ispr. = History of Penza region: in 3 volumes. Volume 3. Penza region in 20th – early 21st centuries.* Penza: Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoy oblasti, 2024:768. (In Russ.)
19. Polyakov Yu.A. (ed.). *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: Osnovnye itogi = All-Union Population Census of 1939: Main Results.* Moscow: Nauka, 1992:256. (In Russ.)
20. Troynitskiy N.A. (ed.). *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: v 89 t. T. 38. Saratovskaya guberniya = The First General Population Census of the Russian Empire, 1897: in 89 volumes. Volume 38. Saratov province.* Saint Petersburg: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del, 1904:251. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ярослав Витальевич Терещенко
соискатель, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Yaroslav V. Tereshchenko
Applicant, Penza State
University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

E-mail: vytereshchenko@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 06.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 22.01.2025

Принята к публикации / Accepted 18.03.2025

УДК 908/94(470) «1941–1945»
doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-10

**Промышленность Пензенской области
на начальном этапе Великой Отечественной войны
в архивных документах и региональной историографии
(на примере завода № 704 в с. Каменка)**

Е. В. Воейков

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
evgenijvoeikov@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Несмотря на значительный массив публикаций о Пензенской области в годы Великой Отечественной войны, информация об отдельных промышленных предприятиях продолжает оставаться неполной и требует уточнения по ряду параметров. Исследование посвящено отдельным аспектам деятельности военного завода № 704 в Каменке. *Материалы и методы.* Работа написана преимущественно на основе слабо разработанных исследователями материалов Государственного архива Пензенской области. В качестве методов были использованы диалектический, сравнительно-исторический и историко-критический. *Результаты.* Пересмотрены отдельные устаревшие сведения о заводе № 704. *Выводы.* Размещение эвакуированного оборудования под открытым небом было кратковременным, в октябре были достроены два основных производственных здания. Дату начала производства боеприпасов необходимо передвинуть на более ранний срок. В 1941 г. завод выпускал 57-миллиметровые снаряды, с января 1942 г. – 45-миллиметровые снаряды, производство на каменском заводе минометных мин началось весной 1942 г.

Ключевые слова: минометные мины, снаряды, станки, завод «Сельмаш»

Для цитирования: Воейков Е. В. Промышленность Пензенской области на начальном этапе Великой Отечественной войны в архивных документах и региональной историографии (на примере завода № 704 в с. Каменка) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 121–131. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-10

**The industry of Penza region at the initial stage of the Great Patriotic War in archival documents and regional historiography
(by the example of plant No. 704 in Kamenka village)**

E.V. Voeikov

Penza State University, Penza, Russia
evgenijvoeikov@yandex.ru

Abstract. *Background.* Despite a significant number of publications about the Penza region during the Great Patriotic War, information about individual industrial enterprises remains incomplete and requires clarification on a number of parameters. The article is devoted to certain aspects of the activities of the military plant No. 704 in Kamenka. *Materials and methods.* The work is written mainly on the basis of poorly developed materials from the State Archive of Penza region. The methods used were dialectical, comparative-historical

and historical-critical. *Results*. Some outdated information about plant No. 704 has been revised. *Conclusions*. The placement of evacuated equipment in the open air was short-lived, and two main production buildings were completed in October. The date of the start of ammunition production should be moved to an earlier date. In 1941, the plant produced 57-mm shells, from January 1942 – 45-mm shells, production of mortar mines at the Kamensk plant began in the spring of 1942.

Keywords: mortar mines, shells, machine tools, Selmash plant

For citation: Voeikov E.V. The industry of Penza region at the initial stage of the Great Patriotic War in archival documents and regional historiography (by the example of plant No. 704 in Kamenka village). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(2):121–131. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-10

Предприятия Пензенской области внесли достойный вклад в материальное обеспечение победы Красной армии в Великой Отечественной войне. При этом деятельность пензенских заводов, выпускавших военную продукцию в период 1941–1945 гг., исследована фрагментарно и бессистемно, изобилует многими неточностями.

В подавляющем большинстве научных и научно-популярных работ 1950–1980-х гг., содержащих материал по истории пензенской промышленности военных лет, отсутствует информация о номенклатуре и конкретных количественных показателях выпускаемых изделий, численности работников, проблемах недостатка электроэнергии и топлива, сложностях условий труда и быта. Даже фамилии стахановцев в ряде случаев приводятся без инициалов. Редким исключением стало издание в 1985 г. коллективного труда «Пензенская область в годы Великой Отечественной войны», где удачный раздел по истории промышленности был написан известным пензенским историком и преподавателем Педагогического института В. А. Власовым [1, с. 30–40]. Впервые в целостном виде была представлена перестройка работы предприятий, обозначены основные виды выпускаемой военной продукции, упомянуты сложности и проблемы военного времени. Но в 1980-е гг. многие позднее рассекреченные архивные материалы были просто недоступны исследователям. Кроме того, ряд смысловых аспектов темы (например, полный ассортимент военной продукции и количественные показатели ее выпуска, изготовление продукции с браком, трудовое дезертирство, сложности быта) были невозможны для открытой публикации. Наиболее подробным и добросовестным с научной точки зрения исследованием пензенских заводов военного периода на сегодняшний день является защищенная в диссертационном совете Педагогического института в 2002 г. диссертация Е. Ф. Кондратенко [2]. Но в данном исследовании пензенские предприятия включены в контекст истории оборонной промышленности всего Среднего Поволжья, на их описание приходится около 40 % объема работы. Общий очерк основных тенденций развития пензенской промышленности в годы войны с введением в научный оборот ряда новых извлеченных из архивных материалов сведений и впервые проведенной частичной систематизацией ассортимента выпускаемой военными заводами продукции был дан в опубликованном в 2024 г. третьем томе «Истории Пензенского края» [3].

Обобщающие научные работы дополняют научно-популярные истории отдельных фабрик и заводов. Одной из лучших работ по истории пензенских

промышленных предприятий является книга о заводе № 704 «Сельмаш» А. и П. Васильевых, базирующаяся на значительном массиве воспоминаний работников завода и архивных материалах. Также с использованием архивов и воспоминаний работников написаны книги по истории часового завода, суконного комбината «Красный октябрь», сосновоборской суконной фабрики [4–7]. Но, как убедился автор данной статьи при работе над историей промышленности Пензенской области в XX в. для губернаторских проектов «История Пензенского края», «История города Пензы» и «Энциклопедия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Пензенская область», значительный массив информации в Государственном архиве Пензенской области остается невостребованным исследователями. Например, очень краткий материал по производственной деятельности завода «Сельмаш» в годы войны приводится в современных изданиях по истории Каменского района [8, с. 10–11].

Данная статья посвящена отдельным аспектам деятельности завода № 704 «Сельмаш» (с 1948 г. – «Белинсксельмаш») Наркомата минометного вооружения (НКМВ), который в годы войны выпускал 45-миллиметровые снаряды, 50-миллиметровые минометные мины, авиабомбы ФАБ-50, 160-миллиметровые мины и оборудование для сельскохозяйственного производства.

Источниковой базой стали фонды завода «Белинсксельмаш», уполномоченного Госплана СССР по Пензенской области, Пензенского областного комитета КПСС, первичной парторганизации завода Государственного архива Пензенской области и включенные в изданную в 1973 г. историю завода воспоминания работников предприятия. В статье применяется общенаучный диалектический метод, предполагающий рассмотрение явлений в состоянии непрерывных изменений.

В силу ограниченных рамок статьи рассмотреть все основные аспекты деятельности предприятия 1941–1945 гг. не представляется возможным. Автором предпринята попытка ввести в научный оборот данные новых выявленных в архиве материалов, характеризующих размещение эвакуированного оборудования, дату начала выпуска и ассортимент военной продукции завода.

Начало функционирования завода № 704 «Сельмаш» связано со сложившимся в массовом сознании стереотипом о размещении оборудования эвакуированных в Каменку предприятий «в чистом поле». Вероятно, начало легенде положил эпизод из воспоминаний слесаря завода А. А. Гирского, приведенный в книге 1973 г. по истории завода: «Вспоминается и такая картина. Прямо на поле стоит единственный токарный станок, огороженный с одной стороны листом фанеры, и такой же лист служит крышей. На станке табличка с громким названием: “Механический цех № 2”... Но детали, столь необходимые для сборочного цеха, шли с этого станка бесперебойно» [4, с. 21].

Маловероятно, что руководство Наркомата общего машиностроения (с декабря 1941 г. – минометного вооружения) приняло решение о создании военного завода на площадке с полностью отсутствующей производственной базой. Согласно подготовленному в феврале-марте 1942 г. для Совета народных комиссаров (СНК) СССР докладу о ходе строительства завода № 704, на выделенной для предприятия территории находилось несколько недостроенных производственных зданий законсервированного сахарного завода. Незаконченная механическая мастерская представляла собой коробку будущего

здания с возведенными стенами и в предшествующий период использовалась как загон для овец. На ее основе был построен механический цех № 1 завода «Сельмаш». Недостроенный гараж имел ветхую крышу и пришедшие в негодность дверные косяки и оконные рамы [9, л. 2–4; 10, л. 1]. Также имелись два здания – жилой дом и общежитие. В воспоминаниях главного инженера И. Н. Еськова (с 1943 г. – директор) приводится несколько другая информация о производственных помещениях: «Еще было кирпичное одноэтажное здание площадью около 200 квадратных метров, построенное, видимо, для мастерской сахарного завода, а также одноэтажное кирпичное здание площадью около 600 квадратных метров, возведенное только до подоконников, и землянка для хранения воспламеняющихся жидкостей» [4, с. 16]. То есть минимум два требующих ремонта или сооружения крыши производственных здания на территории будущего завода в августе 1941 г. уже были. Ставить станки под открытым небом «в поле» особой необходимости не было. Оборудование эвакуированных заводов размещалось в двух недостроенных помещениях, которые одновременно достраивались. В частности, авторы книги сообщают о работе предприятия в сентябре: «Не было еще крыш, дверей, окон, а в бывшей механической мастерской и гараже, под примитивными навесами они в считанные дни установили и подготовили к работе 115 станков» [4, с. 19]. В воспоминаниях директора завода И. Н. Еськова называется точная дата достройки второго производственного здания: «В сентябре 1941 г. мы вывели кирпичную кладку от подоконников до крыши и достроили консервированное в 1934 г. здание площадью около 600 квадратных метров» [4, с. 23]. По архивным данным, в октябре 1941 г. в помещении бывшего недостроенного гаража начал работать ремонтно-инструментальный цех, где было установлено 17 станков [9, л. 17–18].

Первый эшелон с оборудованием и работниками запорожского завода «Коммунар» прибыл на станцию Белинская 23 августа 1941 г. 9 сентября прибыла вторая партия эвакуированных и вновь назначенное руководство предприятия [9, л. 6–8; 10, л. 1]. Значит, необходимость установки станков под навесами могла возникнуть не ранее конца августа. Но работать станки могли начать только в начале октября, когда вошли в строй два локомотива, давшие электроэнергию для предприятия [9, л. 34]. Можно утверждать, что размещение станков под навесами на каменском заводе было кратковременным эпизодом, занявшим примерно месяц или полтора: сентябрь 1941 г. или сентябрь – начало октября. И под навесами в сентябре станки только стояли, но не работали. В октябре здания механического и инструментального цехов каменского завода были в основном достроены. Приведенный ранее отрывок из воспоминаний слесаря о работающем станке при внимательном прочтении свидетельствует, что станок относился к начавшему создаваться «с нуля» механическому цеху № 2.

В составленной для секретаря Пензенского горкома ВКП(б) по промышленности и транспорту управляющим Пензенской конторой Промбанка справке о состоянии строительных работ по восстановлению заводов НКМВ (датирована 2 февраля 1942 г.) по заводу «Сельмаш» приводились сведения, что «для размещения прибывшего на завод в период сентября – октября месяцев оборудования руководство завода приспособило следующие цеха б[ывшего] сахарного завода: мех. цех № 1, ремонтный, инструментальный, кузнечный

и модельный» [11, л. 1 об.]. В данном отрывке обращает на себя внимание фраза о цехах бывшего сахарного завода, что подтверждает приведенную выше информацию о быстром вводе в строй уже имевшихся на заводской площадке производственных зданий.

Следует отметить, что содержащаяся в настоящей статье информация нисколько не принижает трудовой героизм работников предприятия. Быстрый ввод в строй производственных зданий был более рациональным вариантом, чем сооружение «временок» в виде навесов. В сентябре на строительстве цехов и общежитий работали и рабочие, и инженеры, и служащие, и члены их семей. Приказами по заводу выходные дни объявлялись рабочими. Сделано было немало. Всего в 4 квартале 1941 г. вошли в строй корпус механического цеха № 1, инструментальный и ремонтный цеха. Параллельно были сооружены двухэтажный 16-квартирный жилой дом, общежития № 1 и 2, хлебопекарня, столовая, амбулатория, прачечная, парикмахерская [9, л. 13–14].

Вопреки сложившемуся в научно-популярной литературе стереотипу первых месяцев работы каменского завода с работающими станками под навесами, основной проблемой осенью 1941 г. была не установка станков, а их доставка на расстояние 4–5 км от станции до заводской площадки. Железнодорожная ветка до территории предприятия была введена в эксплуатацию только во втором квартале 1944 г. [12, л. 29]. Осенью 1941 г. автомобилей и тракторов для перевозки грузов было слишком мало. Слесарь А. К. Шаферовский вспоминал о специфике разгрузки оборудования: «Остановились на перегоне. Кругом пустырь. Нам сказали, что время не ждет и на разгрузку дали 10 минут. Вздыхать было некогда. Скрепя сердце, мы стали сбрасывать станки под откос, а отсюда оборудование потом перевозилось тракторами» [4, с. 14–15]. Воспоминания работника завода согласуются с архивными документами. В составленном для СНК отчете указывалось: «В течение 2-х месяцев заводом было принято и разгружено свыше 170 вагонов тяжелых грузов, или около 4000 тонн, при почти полном отсутствии приспособлений для выгрузки и транспортных средств» [9, л. 8].

За сентябрь – октябрь 1941 г. прибыло 467 единиц оборудования, из них 273 из-за невозможности использования на каменском заводе было перенаправлено на другие предприятия. Из оставшихся 194 единиц на 1 января 1942 г. смонтировано и введено в эксплуатацию 115 единиц. Остальное оборудование в тот момент размещалось на станции Белинская в 5 км от завода и на площадках под открытым небом [11, л. 1 об.; 13, л. 31]. Несмотря на все усилия, уложиться в установленные сроки не удавалось. Приказом НКМВ от 19 января 1942 г. завод № 704 был отмечен в числе отстающих по монтажу эвакуированного оборудования предприятий [14, л. 16].

Серьезной проблемой завода № 704 в 1941–1942 гг. стала организация военного производства на неподготовленной базе. Кроме того, все прибывшее оборудование требовало капитального ремонта и во многих случаях было некомплектно [9, л. 16–17]. Уполномоченный Госплана СССР по Пензенской области Г. Л. Сугробов, проводивший летом 1942 г. обследование предприятия, отметил, что «поступившее на каменский завод оборудование в значительной своей части было некомплектным и обгоревшим» [15, л. 22].

Представляет интерес и нуждается в уточнении вопрос о начале выпуска военной продукции на заводе № 704. Для соблюдения секретности в при-

казах по заводу и других сохранившихся документах выпускаемые в конце 1941 г. – начале 1942 г. боеприпасы обозначались терминами «Винт», «Кулиса» и «Поршень» [9, л. 19–20]. Согласно подготовленному в феврале-марте 1942 г. для СНК СССР докладу о ходе строительства завода, первые 200 единиц боеприпасов «Винт» были изготовлены заводом в Каменке 7 декабря 1941 г. и направлены на испытания. С 29 декабря началось их массовое производство [9, л. 44]. Авторы книги о каменском заводе, использовавшие при написании своей работы данный архивный документ, вероятно, были введены в заблуждение терминологией засекречивания военной продукции и решили, что речь в данном случае идет о 50-миллиметровых минометных минах, которые каменский завод действительно выпускал в 1942–1943 гг.; при этом в их версии дата документа 7 декабря превратилась в 9 декабря [4, с. 22]. 9 декабря 1941 г. как день начала производства 50-миллиметровых мин на заводе № 704 была повторена в некоторых более поздних изданиях [16, с. 443].

Между тем в материалах уполномоченного Госплана СССР по Пензенской области сохранилась сводка-отчет завода за декабрь 1941 г., где указаны произведенные 350 штук 57-миллиметровых снарядов из запланированных 20 тысяч [17, л. 2]. Расхождение данных 350 шт. снарядов декабрьского выпуска по сводке-отчету и 200 шт. по докладу для СНК можно объяснить тем, что 350 снарядов в сводке относятся к производству за весь месяц, а 200 – только на 7 декабря. Кроме того, в документе указано, что во втором случае данное количество единиц боеприпасов (200) было отправлено на испытание.

15 сентября на предприятие поступило два локомотива, первый ток от них для ремонтно-инструментального цеха был дан 3 октября 1941 г. [9, л. 34]. Поскольку без электроэнергии обработка корпусов снарядов на станках была невозможной, ранее начала октября выпуск военной продукции на заводе начаться не мог. В уже упоминавшейся сводке-отчете за декабрь 1941 г. приведены сведения, что всего за 1941 г. было изготовлено 3,5 тыс. шт. 57-миллиметровых снарядов [17, л. 2]. Если на декабрь приходится 350 шт., то остальные 3,15 тыс. шт. – на более ранний период. Исходя из этих данных, можно утверждать, что выпуск снарядов на каменском заводе начался не ранее начала октября и не позднее начала ноября 1941 г. Наиболее вероятной автору данной статьи представляется датировка начала военного производства на заводе «Сельмаш», приходящаяся на ноябрь.

По косвенным данным подтверждение находит ноябрьская дата. В уже упоминавшейся ранее справке Пензенской конторы Промбанка от 2 февраля 1942 г. есть фраза: «Частичный ввод в действие завода осуществлен в ноябре 1941 г.» [11, л. 1 об.]. Вероятнее всего, в данном случае началом работы завода посчитали тот момент, когда «Сельмаш» приступил к производству военной продукции.

Вопрос о точной датировке начала выпуска военной продукции заводом № 704, безусловно, нуждается в дальнейшей более тщательной разработке. К сожалению, годовые отчеты предприятия за 1941 и 1942 гг. в фондах «Белинксельмаша» и уполномоченного Госплана СССР по Пензенской области Государственного архива Пензенской области не отложились. В материалах фонда Министерства машиностроения СССР (в годы войны – Наркомат минометного вооружения) Российского государственного архива экономики годовые отчеты завода № 704 за 1941–1945 гг. автору статьи обнаружить не удалось.

Следует обратить внимание, что в данном случае речь идет не просто о датировке начала военного производства. Завод № 704 в Каменке создавался напряженным трудом на недостаточно подготовленной производственной базе. Если версия о ноябрьском начале военного производства верна, то трудовой подвиг работников предприятия, сумевших с конца августа по октябрь подготовить выпуск военной продукции, представляется более значимым по сравнению с декабрьской датой.

На основании распоряжения НКМВ от 7 января 1942 г. с 10 января выпуск «Винтов» был прекращен. С 30 января 1942 г. был начат выпуск боеприпасов «Кулиса» [9, л. 45]. Расшифровка термина «Кулиса» содержится в сводке-отчете завода № 704 за январь 1942 г., где указана приемка заводским отделом технического контроля 450 шт. 45-миллиметровых снарядов [17, л. 6]. Обращает на себя внимание, что никакие минометные боеприпасы в документе не упоминаются, что было бы странным, если бы завод действительно, как считает большинство пишущих о нем авторов, начал выпускать их в декабре 1941 г. Прекращение выпуска 57-миллиметровых снарядов на «Сельмаше», вероятно, было связано с приостановкой выпуска в СССР в конце 1941 г. противотанковых орудий ЗИС-2 данного калибра из-за их избыточной на тот момент бронепробиваемости.

Изменение номенклатуры изделий предприятия отразилось и в материалах заводской парторганизации. Так, в протоколе заседания партбюро от 10 января 1942 г. упомянута «перестройка работы» и «освоение новой продукции» [18, л. 1, 2]. В данном случае это может служить еще одним косвенным аргументом в пользу версии о начале выпуска в ноябре или декабре на каменском заводе именно артиллерийских снарядов. В случае начала выпуска мин в конце 1941 г. смена номенклатуры в январе неизбежно означала, что в 1942 г. их уже не выпускали, что не соответствует другим данным. В протоколе партсобрания от 12 января 1942 г. в выступлении И. Н. Еськова присутствует фраза: «Перед заводом поставлена сейчас огромная задача, освоить два вида изделия, построить литейный цех, модернизировать много оборудования» [18, л. 6]. Упоминание двух видов новых изделий сочетается с информацией о выпуске в 1942 г. заводом снарядов и минометных мин. В архивном документе с названием «Список заводов и предприятий, входящих в отдел оборонной промышленности Пензенского обкома ВКП (б)» по «каменскому заводу сельхозмашин» в графе «что изготавливают» указаны 50-миллиметровые мины и 45-миллиметровые снаряды. Документ не датирован, но, судя по указанному для завода № 740 выпуску 50-миллиметровых минометов, он составлен не позднее августа 1942 г., когда «Пензмаш» освоил производство 82-миллиметровых минометов [19, л. 93]. Упомянутый И. Н. Еськовым литейный цех начал работать в мае 1942 г., в результате была снята зависимость завода № 704 от поставок корпусов мин с завода № 740 для последующей обработки [19, л. 74 об.].

В уже упоминавшемся докладе СНК СССР (не датирован, по тексту – не позднее марта 1942 г.) указывалось, что выпуск «Поршней» заводом еще не начат [9, л. 45]. Единственным вариантом в данном случае может быть, что данным термином обозначались минометные мины. В сохранившейся справке о выполнении программы апреля 1942 г. заводами Пензенской области по 50-миллиметровым минам на каменском заводе при плане 25 тысяч шт.

было «принято военпредом техническим осмотром» 450 шт. мин. Но в графе «принято окончательно военпредом» стоит прочерк [19, л. 73]. В справке о состоянии выполнения пензенскими заводами задания Государственного комитета обороны по 50-миллиметровым минам за апрель и первые 7 дней мая 1942 г. приводились сведения, что выпуска мин в апреле на заводе № 704 не было, за первую неделю мая было изготовлено 600 шт. [19, л. 74]. Таким образом, датой начала выпуска 50-миллиметровых мин на каменском заводе следует считать апрель-май 1942 г.

Иногда в числе продукции завода «Сельмаш» военных лет называются минометы. В частности, эта версия нашла отражение в изданной в 2001 г. «Пензенской энциклопедии» и повторена в ее новом издании 2019 г. [20, с. 51; 21, с. 112]. Сохранившимися архивными документами данная версия не подтверждается. В годовом отчете завода № 704 за 1944 г., где есть данные и за предыдущий 1943 г., в числе количественных показателей выпуска военной продукции никаких минометов не значится [12, л. 12 об.]. За 1942 г., как уже упоминалось, годовой отчет автору статьи обнаружить не удалось. Но по отдельным документам можно реконструировать и ассортимент изделий завода № 704 этого года. Например, в сводке-отчете о выпуске «специзделий» предприятиями НКМВ в июне 1942 г. по каменскому заводу приведен только выпуск 40 тыс. шт. 50-миллиметровых мин и 30,14 тыс. шт. 45-миллиметровых снарядов; другие виды военной продукции не указаны [22, л. 9]. Аналогичный ассортимент изделий «Сельмаша» зафиксирован и в июле 1942 г. [22, л. 74, 80]. При этом по пензенскому заводу № 740 «Пензмаш» и кузнецкому заводу № 748 «Кузтекстильмаш» выпуск 50-миллиметровых и 82-миллиметровых минометов в данных документах отражен.

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что ряд устоявшихся в литературе и массовом сознании представлений о каменском заводе № 704 «Сельмаш» нуждается в пересмотре и дальнейшем исследовании. Размещение станков под навесами было кратковременным эпизодом сентября 1941 г., ударным трудом работники предприятия в октябре завершили строительство и ремонт нескольких основных производственных помещений. Явно необходимо передвинуть начало производства военной продукции в 1941 г. на более раннюю дату. Начало производства 50-миллиметровых минометных мин в Каменке относится не к декабрю 1941 г., а к весне 1942 г., первой продукцией завода были 57-миллиметровые снаряды, с января 1942 г. – 45-миллиметровые снаряды.

В очередную годовщину Победы уместно заново переосмыслить тезис «Никто не забыт, ничто не забыто» применительно к региональной истории нашего края. Подвиг людей в тылу в годы военного лихолетья не нуждается в приукрашиваниях и мифах. История пензенской промышленности военных лет уникальна и неповторима, она нисколько не уступает по примерам трудового героизма выдающимся образцам работы более известных и лучше изученных уральских, куйбышевских, сталинградских, горьковских заводов. И восстановление подлинной истории военпрома Пензенской области 1941–1945 гг. остается актуальной задачей для исследователей.

Список литературы

1. Пензенская область в годы Великой Отечественной войны / под ред. Г. В. Мясникова. Саратов : Приволжское книжное издательство (Пензенское отделение), 1985. 192 с.
2. Кондратенко Е. Ф. Промышленное строительство в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По материалам Среднего Поволжья : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Пенза, 2002. 257 с.
3. Воейков Е. В. Перестройка работы промышленности // История Пензенского края : в 3 т. Т. 3. Пензенский край в XX – начале XXI века. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2024. С. 337–351.
4. Васильев А., Васильев П. Рассказ о твоём заводе. Пенза : Приволжское книжное издательство (Пензенское отделение), 1973. 176 с.
5. Григорьев Н. Я. История нашего комбината. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1974. 240 с.
6. Еременко В. Пензенский часовой. Производственное объединение «Заря». Саратов : Приволжское книжное издательство (Пензенское отделение), 1985. 192 с.
7. Маньшин Ф. В., Перевезенцев А. А. Сосновоборские текстильщики. Саратов : Приволжское книжное издательство (Пензенское отделение), 1990. 144 с.
8. Гришаков В. Г. Цена Победы. Каменка и каменцы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Пенза, 2020. 241 с.
9. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2490. Оп. 1. Д. 3.
10. ГАПО. Ф. Р-2490. Оп. 1. Д. 4.
11. ГАПО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 866.
12. ГАПО. Ф. Р-568. Оп. 1. Д. 51 д.
13. ГАПО. Ф. Р-1746. Оп. 1. Д. 3 е.
14. ГАПО. Ф. Р-2128. Оп. 1. Д. 8.
15. ГАПО. Ф. Р-568. Оп. 1. Д. 1110.
16. Тихонов С. Г. Оборонные предприятия СССР и России : в 2 т. М. : ТОМ, 2010. Т. 2. 608 с.
17. ГАПО. Ф. Р-568. Оп. 1. Д. 1122.
18. ГАПО. Ф. П-1975. Оп. 1. Д. 2.
19. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 656.
20. Корзенков И. А., Кузнецова Н. С. «Белинсксельмаш» // Пензенская энциклопедия. Пенза ; М. : Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 51.
21. Корзенков И. А., Кузнецова Н. С., Байрамова Ж. М. «Белинсксельмаш» // Пензенская энциклопедия : в 2 т. Т. 1: А–М. 2-е изд., уточн. и доп. Пенза : Областной издательский центр, 2019. С. 112–113.
22. ГАПО. Ф. Р-568. Оп. 1. Д. 1121.

References

1. Myasnikov G.V. (ed.). *Penzenskaya oblast' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* = *Penza region during the Great Patriotic War*. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo (Penzenskoe otdelenie), 1985:192. (In Russ.)
2. Kondratenko E.F. *Industrial construction during the Great Patriotic War of 1941–1945. Based on materials from the Middle Volga region: PhD dissertation*. Penza, 2002:257. (In Russ.)
3. Voeykov E.V. Restructuring of industrial work. *Istoriya Penzenskogo kraya: v 3 t. T. 3. Penzenskiy kray v XX – nachale XXI veka* = *History of Penza region: in 3 volumes. Volume 3. Penza region in 20th – early 21st centuries*. Penza: Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoy oblasti, 2024:337–351. (In Russ.)
4. Vasil'ev A., Vasil'ev P. *Rasskaz o tvoem zavode* = *A story about your plant*. Penza: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo (Penzenskoe otdelenie), 1973:176. (In Russ.)

5. Grigor'ev N.Ya. *Istoriya nashego kombinata = History of our plant*. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1974:240. (In Russ.)
6. Eremenko V. *Penzenskiy chasovoy. Proizvodstvennoe ob"edinenie «Zarya» = Penza watchmaker. Production association "Zarya"*. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo (Penzenskoe otделение), 1985:192. (In Russ.)
7. Man'shin F.V., Perevezentsev A.A. *Sosnovoborskije tekstil'shchiki = Sosnovoborsk textile workers*. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo (Penzenskoe otделение), 1990:144. (In Russ.)
8. Grishakov V.G. *Tsena Pobedy. Kamenka i kamentsy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. = The Price of Victory. Kamenka and Kamensk residents during the Great Patriotic War of 1941–1945*. Penza, 2020:241. (In Russ.)
9. Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. R-2490. Op. 1. D. 3 = State Archive of Penza region. Fund R-2490. Item 1. File 3. (In Russ.)
10. GAPO. F. R-2490. Op. 1. D. 4 = State Archive of Penza region. Fund R-2490. Item 1. File 4. (In Russ.)
11. GAPO. F. P-37. Op. 1. D. 866 = State Archive of Penza region. Fund P-37. Item 1. File 866. (In Russ.)
12. GAPO. F. R-568. Op. 1. D. 51 d = State Archive of Penza region. Fund R-568. Item 1. File 51 d. (In Russ.)
13. GAPO. F. R-1746. Op. 1. D. 3 e = State Archive of Penza region. Fund R-1746. Item 1. File 3 e. (In Russ.)
14. GAPO. F. R-2128. Op. 1. D. 8 = State Archive of Penza region. Fund R-2128. Item 1. File 8. (In Russ.)
15. GAPO. F. R-568. Op. 1. D. 1110 = State Archive of Penza region. Fund R-568. Item 1. File 1110. (In Russ.)
16. Tikhonov S.G. *Oboronnye predpriyatiya SSSR i Rossii: v 2 t. = Defense enterprises of the USSR and Russia: in 2 volumes*. Moscow: TOM, 2010;2:608. (In Russ.)
17. GAPO. F. R-568. Op. 1. D. 1122 = State Archive of Penza region. Fund R-568. Item 1. File 1122. (In Russ.)
18. GAPO. F. P-1975. Op. 1. D. 2 = State Archive of Penza region. Fund P-1975. Item 1. File 2. (In Russ.)
19. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 656 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 656. (In Russ.)
20. Korzenkov I.A., Kuznetsova N.S. "Belinskselmash". *Penzenskaya entsiklopediya = Penza Encyclopedia*. Penza; Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 2001:51. (In Russ.)
21. Korzenkov I.A., Kuznetsova N.S., Bayramova Zh.M. "Belinskselmash". *Penzenskaya entsiklopediya: v 2 t. T. 1: A–M. 2-e izd., utochn. i dop. = Penza Encyclopedia: in 2 volumes. Volume 1: A–M. The 2nd edition, revised and supplemented*. Penza: Oblastnoy izdatel'skiy tsentr, 2019:112–113. (In Russ.)
22. GAPO. F. R-568. Op. 1. D. 1121 = State Archive of Penza region. Fund R-568. Item 1. File 1121. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Евгений Владимирович Воейков

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории
России и методики преподавания
истории, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: evgenijvovojkov@yandex.ru

Evgeny V. Voeikov

Doctor of historical sciences,
associate professor, professor
of the sub-department of Russian
history and methods of teaching
history, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 21.01.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 06.03.2025

Принята к публикации / Accepted 17.04.2025

УДК 93/99 (093.32)

doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-11

**«Организовать обмолот по-большевистски!»: визит в Пензу
заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР
А. И. Микояна 24–25 ноября 1942 г.**

Д. В. Якупова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

bubnova90@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность избранной темы определяется необходимостью детального изучения проблемы реализации хлебозаготовительной политики Советского государства в начальный период военного времени (1941–1942 гг.) на локальном (региональном) уровне. Целью исследования выступает системный анализ деятельности органов государственной власти по преодолению кризисных явлений в сельском хозяйстве СССР и Пензенской области и реализации хлебозаготовительной политики. Видение кризиса хлебозаготовок в Пензенской области заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР А. И. Микояном отражает новизну работы. *Материалы и методы.* Излагается описание региональной историографии изучения исторического опыта мобилизационной модели экономики через призму осуществления комплекса мер по достижению интенсификации хлебозаготовок в СССР на примере Пензенской области – тыловой территории периода Великой Отечественной войны. Источниковая база сформирована на основе делопроизводственной документации органов государственной власти и партийного управления, материалов личного происхождения и периодической печати. В основе работы – анализ содержания архивных сведений секретариата заместителя председателя Совета народных комиссаров / Совета министров СССР А. И. Микояна, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, которые позволяют провести анализ визита А. И. Микояна в Пензу с 24 по 25 ноября 1942 г. Данные сведения дополнены документами Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Пензенской области. Теоретические принципы исследования к рассмотрению вопросов истории развития советского общества построены на основе использования системного подхода и междисциплинарного синтеза. *Результаты.* Содержательная сторона исследования включает в себя выявление причинно-следственных связей неудачного хода хлебозаготовок в Пензенской области, анализ сложившегося положения, а также описание принятых органами власти мер, направленных на исправление ситуации и их исполнение. На примере Пензенской области прослежена взаимосвязь между неудовлетворительными показателями в хлебозаготовках и организационно-кадровыми решениями в отношении первых лиц области, принятыми на уровне ЦК ВКП(б) в 1942 г. *Выводы.* Пензенская область, наряду с регионами Приволжья, Урала и Сибири, стала приоритетной территорией в деле вынужденной и срочной интенсификации хлебозаготовок. Это прежде всего связывалось с потерей хлебородных областей СССР ввиду их оккупации немецко-фашистскими захватчиками. Искажение статистической отчетности о хлебозаготовках, мифологизированные тезисы о припрятывании зерна в колхозах и совхозах, а также рост недоверенных сведений и провальные цифры по сбору зерновых в Пензенской области стали объектом пристального внимания ЦК ВКП(б). Административно-репрессивные мероприятия, смена руководства области и назначение в Пензенский регион лиц

с опытом работы в ЦК ВКП(б) не стали ключевым решением преодоления кризисной ситуации в сфере хлебозаготовок. Реальное изменение положения в аграрном секторе произошло за счет адаптации тружеников села и всего аграрного сектора СССР к имеющимся ресурсам, а также на фоне гражданского патриотического подъема, вызванного успешным противостоянием противнику и активному переходу в контрнаступление.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Великая Отечественная война, хлебозаготовки, снабжение, эвакуация, Пензенская область, А. И. Микоян

Для цитирования: Якупова Д. В. «Организовать обмолот по-большевистски!»: визит в Пензу заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР А. И. Микояна 24–25 ноября 1942 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 132–150. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-11

“To organize grain threshing in the Bolshevik-style!”: visit to Penza by Deputy Chairman of the Council of People’s Commissars of the USSR A.I. Mikoyan on November 24–25, 1942

D.V. Yakupova

Penza State University, Penza, Russia
bubnova90@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the chosen topic is determined by the need for a detailed study of the problem of implementing the grain procurement policy of the Soviet state in the initial period of wartime (1941–1942) at the local (regional) level. The purpose of the study is a systematic analysis of the activities of public authorities to overcome the crisis in agriculture in the USSR and Penza region and the implementation of grain procurement policy. The vision of the grain procurement crisis in the Penza region by Deputy Chairman of the Council of People’s Commissars of the USSR A.I. Mikoyan reflects the novelty of the work. *Materials and methods.* The article describes the regional historiography of the study of the historical experience of the mobilization model of the economy through the prism of the implementation of a set of measures to achieve the intensification of grain procurement in the USSR on the example of the Penza region, the rear territory of the period of the Great Patriotic War. The source base is based on the records of government authorities and party administration, as well as materials of personal origin. The work is based on an analysis of the contents of the archival information of the secretariat of the Deputy Chairman of the Council of People’s Commissars/Council of Ministers of the USSR A.I. Mikoyan, kept in the State Archive of the Russian Federation, which allow an analysis of A.I. Mikoyan’s visit to Penza in the period from November 24 to November 25, 1942. These data are supplemented by documents from the Russian State Archive of Socio-Political History and the State Archive of Penza region. The theoretical principles of research on the history of Soviet society are based on a systematic approach and interdisciplinary synthesis. *Results.* The substantive aspect of the study includes the identification of cause-and-effect relationships between the unsuccessful course of grain procurements in Penza region, an analysis of the current situation, as well as a description of the measures taken by the authorities to remedy the situation and their implementation. Using the example of Penza region, the relationship between unsatisfactory indicators in grain procurements and organizational and personnel decisions regarding the top officials of the region made at the level of the Central Committee of the CPSU (b) in 1942 is traced. *Conclusions.* Penza region, along with the regions of the Volga region, the Urals and Siberia, has become a priority area for the forced and urgent intensification of grain procurement. This was pri-

marily due to the loss of the grain-producing regions of the USSR due to their occupation by the nazi invaders. The distortion of statistical reporting on grain procurements, mythologized theses about hiding grain in collective farms and state farms, as well as the growth of false information and failed figures for grain harvesting in the Penza region became the object of close attention of the Central Committee of the CPSU (b). Administrative repressive measures, the change of the leadership of the region and the appointment to the Penza region of persons with experience in the Central Committee of the CPSU(b) did not become a key solution to overcome the crisis situation in the field of grain procurement. The real change in the situation in the agricultural sector occurred due to the adaptation of rural workers and the entire agricultural sector of the USSR to available resources, as well as against the background of a civic patriotic upsurge, synergetically caused by successful opposition to the enemy and an active counteroffensive.

Keywords: agriculture, the Great Patriotic War, grain procurement, supply, evacuation, Penza region, A.I. Mikoyan

For citation: Yakupova D.V. "To organize grain threshing in the Bolshevik-style!": visit to Penza by Deputy Chairman of the Council of People's Commissars of the USSR A.I. Mikoyan on November 24–25, 1942. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(2):132–150. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-11

Хлебозаготовительной политике Советского государства в период Великой Отечественной войны посвящен серьезный массив научных работ. В большинстве из них ситуация в аграрной сфере признавалась крайне сложной, что связывалось с мобилизацией мужского населения, нехваткой технических средств ввиду их задействования в строительстве оборонительных сооружений, а также погодными условиями и адаптационным периодом перехода гражданского сознания к реальности войны [1–4].

Аграрное развитие Среднего Поволжья и Пензенской области в период Великой Отечественной войны активно также освещено в академической литературе [5]. Представителями пензенской исторической школы описано положение аграрного сектора и колхозно-совхозной системы региона в условиях мобилизационной экономической модели [6–11]. Проведенный анализ позволяет констатировать глубокое понимание авторами проблемного поля, широкий охват источниковой базы архивов как федерального, так и регионального уровня.

Что касается объекта настоящей работы, то здесь необходимо отметить, что деятельность А. И. Микояна в части хлебозаготовок отражена во многих крупных исторических публикациях, посвященных Великой Отечественной войне. Решением И. В. Сталина за Микояном были закреплены вопросы, связанные со снабжением продовольствием армии [12]. В этой связи особую историческую ценность приобретает анализ вопроса формирования государственными органами системного видения хода хлебозаготовительных работ в период кризиса, в условиях мобилизационной экономики и начала военных действий.

Вместе с тем отмечу, что подробный анализ факта посещения А. И. Микояном Пензы ранее в региональной краеведческой литературе не приводился. При этом упоминания о визите в Пензу имеются и содержатся в опубликованных мемуарах А. И. Микояна [13]. Непосредственно поездка члена Совета народных комиссаров (СНК, Совнаркома) с контрольно-надзорными

функциями уже становилась предметом исторического исследования на примере других регионов [14]. Учитывая ценность данного исторического факта для понимания уровня деятельности органов власти СССР по решению проблемы хлебозаготовок в стране, научный интерес представляет ряд вопросов, которые требуют объективного изучения. Необходимо, во-первых, выяснить, по какой причине А. И. Микоян посещал Пензу, во-вторых, дать ответ на вопрос, почему местом прибытия стала именно Пенза и Пензенская область, в-третьих, установить, в каком составе прибыла делегация из Москвы, в-четвертых, выяснить, какие решения были приняты А. И. Микояном и как они были исполнены. Ответам на данные проблемные вопросы и посвящена данная статья.

Анализируя общее состояние аграрного сектора СССР, отмечу, что к 1941 г. колхозы и совхозы были ключевыми поставщиками сельхозпродукции государству [15, с. 38]. В начальный период войны органы власти и военного управления вынуждены были принять максимальные усилия по вывозу хлеба, сахара и продовольственных товаров с регионов СССР, которые находились под угрозой оккупации. Согласно справке Народного комиссариата (Наркомата) заготовок СССР о вывозе хлеба из прифронтовых районов, датированной 31 июля 1941 г., в регионах СССР в хранилищах и на складах оставались тысячи тонн зерна [16, л. 207–209]. На союзном уровне работа по эвакуации продовольствия была возложена на А. И. Микояна¹. Описывая свою деятельность на вверенном ему участке работы, А. И. Микоян отмечал, что «снабжение страны и фронта хлебом в 1942 г. стало особенно острой проблемой, решение которой было возможно только за счет интенсификации хлебозаготовительной политики для Поволжья и Сибири» [13, с. 314].

В воспоминаниях народного комиссара земледелия СССР И. А. Бенедиктова указывается, что «непосредственно указанными вопросами, кроме ГКО и Комиссии по эвакуации, занимался Наркомат заготовок СССР, который во время войны возглавлял К. П. Субботин. Мы же, т.е. Наркомзем, в первую очередь отвечали за спасение семенного фонда (семян из государственного фонда) и смогли эвакуировать его в значительном количестве. Что касается продовольственного зерна, то вывоз его обеспечивал, повторяю, Наркомат заготовок, и больше половины этих запасов удалось перебазировать» [12, с. 384].

К 1942 г. зерновые регионы СССР – Кубань, Ставрополь, Дон, Украина – были оккупированы немецкими войсками [17, л. 53–54]. На данной территории до войны производилось 38 % зерна и 84 % сахара [12, с. 374]. С расширением фронтовой зоны к 19 декабря 1941 г. окно возможностей для вывоза хлеба и запасов было закрыто – постановлением Государственного комитета обороны СССР № 1044 прекращалась эвакуация зерна, продовольственных и промышленных товаров, сырья и полуфабрикатов [18, л. 136; 19, л. 103]. Из прифронтовых районов страны удалось вывезти 7,1 тыс. тракторов с моторно-тракторных станций (МТС) и совхозов, значительное количество хлеба рекордного урожая 1941 г. и другого продовольствия. Однако полностью

¹ Об образовании комитета по эвакуации : постановление Государственного комитета обороны от 25 октября 1941 г. // Сочинения : в 18 т. Т. 15. 1941–1945 / И. В. Сталин. М. : Писатель, 1997. С. 70.

эвакуировать хлеб не представлялось возможным. «Встал вопрос: как его уничтожить? Обливали бензином – не горит. Развевали по ветру – эффект тоже был незначительный. А ведь зерна имелись огромные массы, урожай в 1941 г. оказался рекордным... Значительную часть хлеба, чтобы не досталась врагу, не удалось даже испортить. Конечно, что-то сумели скрыть, закопать, раздать колхозникам и партизанам. Винить в этом нельзя ни работников транспорта, ни местные власти, ибо требовалось спасать прежде всего оборудование, агрегаты, машины и некоторые изделия военных заводов. Для сельского хозяйства подвижного состава, таким образом, уже не хватало», – вспоминал И. А. Бенедиктов [12, с. 381–382].

Военное время переформатировало государственную политику хлебозаготовок. Выполнение госплана поставок хлеба и продовольствия приравнивалось к достижению боевых задач на фронте, а недостижение контрольных цифр оценивалось как саботаж и преступление. Под лозунгом «за непрерывный поток красных обозов» в Пензенской области были разработаны меры по усилению темпов хлебосдачи с расчетом полного окончания хлебопоставок к 10 января 1942 г. Однако многие районы не выполнили этого задания. Так, в целом по области прирост по хлебопоставкам с 15 декабря 1941 г. по 5 января 1942 г. выразился всего лишь в объеме 5 % к годовому плану хлебосдачи [20, с. 2]. Одной из причин такого положения была необходимость возврата более 33 тыс. тонн зерна в качестве ссуды, предоставленной еще в 1939 г. «Рассрочить равными долями на 1940, 1941 и 1942 гг. колхозам Пензенской области недоимки по ссудам в размере 100 тыс. тонн зерна», – отмечалось в постановлении СНК СССР¹.

В 1942 г. колхозы Пензенской области должны были значительно расширить посевные площади, главным образом за счет распашки новых земель и использования под посевы паровой площади. Важнейшей задачей стала подготовка кадров – их места должны были занять преимущественно женщины, а также мужчины непризывного возраста: трактористы, комбайнеры, шоферы, слесари и другие квалифицированные рабочие для земледелия [21, с. 2]. Кроме того, для засеивания новых площадей требовались большие объемы семян, которые изыскивались из советских регионов и спешными решениями Совнаркома СССР доводились до нуждающихся областей [22, л. 1–3].

Однако увеличение посевных площадей на фоне резкого снижения технологического обеспечения сельскохозяйственных процессов повышало нагрузку на тружеников, число которых также снижалось с каждым днем войны. На этом фоне фиксировались проблемы с уборкой урожая, падением запасов хлеба и семенного фонда, повсеместно вводились карточки на продовольствие. Постановлением СНК СССР № 2148 от 19 октября 1941 г. было введено карточное снабжение на отдельные продовольственные товары в Пензе [23, л. 14–17].

Нехватка лигроина, рабочей силы и увеличение посевных площадей также фигурировали в объяснительных руководителей райкомов ВКП(б) в адрес вышестоящих органов. Несмотря на начало войны, колхозам приходи-

¹ Вопросы Пензенской области : постановление СНК СССР от 9 ноября 1939 г. № 1352 // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР за 1939 г. № 38–58. Отдел первый. М. : Упр. Делами СНК СССР, 1939. С. 982.

лось расплачиваться и за работу МТС, сдавая зерно в счет натурплаты [24, л. 2–3]. Объективно в ряде хозяйств к 1942 г. сложилось отрицательное сальдо зерновых как минимум в 15–20 % в связи с необходимостью исполнения обязательств по возврату ссуд и натуральной плате по прошлым годам, в результате чего выполнить объем плана по хлебосдаче не представлялось возможным [25, л. 19–21]. Отмечу, что по запросам региональной власти государство шло навстречу и аннулировало часть задолженности пензенских колхозов Госбанку, Сельхозбанку и Госсортфонду. Так, в феврале 1942 г. колхозам Пензенской области была списана сумма долга в объеме 8,2 млн руб. [26, л. 1–2]. Однако массового характера такие решения не приобретали.

Наблюдался рост нормативной нагрузки на тружеников села, был понижен уровень остатков хлеба, который мог храниться в колхозах и совхозах. Так, с 1942 г. на внутренние нужды колхозов разрешалось использовать не более 15 % зерна, сданного государству. В апреле 1942 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР повысилось число трудодней для колхозников [27, л. 354–357], а с ноября 1942 г. государственно-партийным аппаратом СССР была установлена ответственность за невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству колхозными дворами и единоличными хозяйствами¹.

Осложнял ситуацию и погектарный порядок заготовок, выразившийся во включении областями и Народным комиссариатом заготовок (Наркомзагом) в облагаемую площадь части земель, не пригодных и не подлежащих освоению. «Мы явно недобираем в заготовках известную часть зерна и других с.х. [сельскохозяйственных] продуктов из-за того, что одни колхозы, сравнительно малоземельные, получили облегчение при погектарной сдаче в сравнении с прежним порядком заготовок, а колхозы многоземельные не в состоянии выполнить своих планов», – отмечал секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, характеризуя ситуацию в сельскохозяйственном секторе Пензенской области [28, л. 198].

Способствовали снижению количества работающих на селе и мобилизационные мероприятия, причем это касалось не только отправки мужского населения на фронт, но и так называемой трудовой мобилизации, которая охватывала значительную часть женского населения, в том числе эвакуированного в Пензенскую область. Нехватка рабочей силы способствовала проявлению перегибов в административной работе: фиксировались факты отправки многодетных и кормящих матерей [29, л. 1–4].

Проведенный обзор позволяет констатировать кризисное состояние хлебозаготовительной политики к 1942 г. Если ранее задачей было вырастить урожай, то теперь – его собрать и вывезти. «На Алтае уродился хороший урожай, но убирали его плохо. Туда были направлены руководящие работники из центра для улучшения заготовок. Проверка показала, что партийное руководство там не сумело обеспечить своевременную уборку и сдачу хлеба государству. Наступил ноябрь 1942 г., а урожай далеко еще не был собран», – отмечал А. И. Микоян [30].

¹ Об ответственности за невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству колхозными дворами и единоличными хозяйствами : постановление СНК СССР от 24 ноября 1942 г. // Сборник постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов. М. : Заготиздат, 1943. С. 119.

Несмотря на все тяготы начавшейся войны, государство ожидало усиления притока зерна в продовольственные фонды. По мнению ряда исследователей, политический центр декларировал не имевшую экономических оснований уверенность в том, что советская деревня в условиях сокращения трудовых и тяговых ресурсов способна обеспечить рост производственных показателей [31, с. 163].

Сложной была ситуация и в сфере политической управляемости. Отмечу, что Пензенская область в политическом измерении была «молодым» регионом, что, возможно, также сказалось на эффективности действий власти в отношении хлебозаготовок. Отягчала ситуацию и смена политического руководства области. Так, с 30 июня 1942 г. область покинул первый секретарь Пензенского обкома и горкома А. Ф. Кабанов, став заместителем Наркома совхозов СССР [32, с. 110]. Практически одновременно с этим событием в июле 1942 г. был снят с должности председатель Пензенского облисполкома Т. Г. Дажин. Среди возможных причин кадровых перемен в облисполкоме можно выделить неудовлетворительный ход хлебозаготовок в период кампании 1941–1942 гг. Так, на июль 1942 г. было заготовлено 19,2 тыс. пудов зерновых и риса при плане 34,1 тыс. пудов [4, с. 294–295].

На смену пришли люди с опытом работы в ЦК. Пензенский облисполком в описываемый период возглавил Е. М. Порошин, курировавший в аппарате ЦК ВКП(б) в 1941–1942 гг. вопросы эвакуации промышленных предприятий из западных регионов. Первым секретарем Пензенского областного комитета ВКП(б) был избран 30 июня 1942 г. К. А. Морщинин, ранее работавший ответственным организатором ЦК ВКП(б) [33, с. 1].

Внимательно изучив биографию Е. М. Порошина и К. А. Морщинина, можно отметить их общую историческую судьбу. Так, К. А. Морщинин с 1939 по 1942 г. был секретарем Алтайского краевого комитета ВКП(б), а Е. М. Порошин в это же время числился третьим секретарем Алтайского крайкома ВКП(б) (с сентября 1939 по 1941 г.). Оба человека были с опытом государственной организации сельскохозяйственных работ. Кадровую политику партии того времени характеризовала емкая фраза А. И. Микояна: «Умеет хлеб заготовить – это большевик, не умеет – это не большевик» [30].

Для сельского хозяйства Пензенской области 1942 г. оказался крайне сложным. Агротехнологический провал по заготовке в 1941–1942 гг. семян предвосхищал будущие сложности с хлебозаготовками. О некондиционном семенном фонде в ряде хозяйств Пензенской области проверки свидетельствовали еще весной [34, с. 1], в результате чего на IX пленуме Пензенского обкома ВКП(б) подготовка к севу во многих районах области была признана неудовлетворительной [35, с. 1]. С началом весенних полевых работ в 1942 г. факты недостачи семян были выявлены в 10 районах Пензенской области. Так, колхозам Беднодемьяновского района не хватало около 11,7 тыс. центнеров семян, колхозам и совхозам Иссинского района – 19,5 тыс. центнеров, колхозам Мокшанского района – 24,4 тыс. центнеров. Причину сложившейся ситуации областные власти видели в том, что руководители некоторых районов и колхозов надеялись на получение семян из государственных закромов [36, с. 1]. Действительно, нехватка и некондиция семенного фонда признавалась на союзном уровне. Так, в декабре 1942 г. решением СНК СССР Наркомату заготовок было поручено организовать обмен зерна семенных кондиций

из местных ресурсов Госстрахфонда и Заготзерно с колхозами и совхозами Пензенской области [37, л. 1–4].

В мае 1942 г. СНК СССР было принято решение о выделении Пензенской области краткосрочной семенной ссуды зерновых культур [38, л. 80–81]. Секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев в записке И. В. Сталину отмечал, что «многие колхозы потеряли свои семена и сеют чужими семенами, полученными в порядке взаимопомощи от других колхозов или в порядке государственной помощи... Наркомзем забросил дело семеноводства в колхозах и вместо того, чтобы выделять семенные участки с самого начала сева, перешел на порядок выделения семенных участков из фактического обычного посева перед уборкой» [28, л. 187].

Постановлением бюро Пензенского обкома ВКП(б) от 4 мая 1942 г. ход развертывания весеннего сева в колхозах, МТС и совхозах области признавался неудовлетворительным. В погоне за интенсификацией и исполнением контрольных цифр игнорировались базовые агротехнологические правила. Со страниц областной газеты «Сталинское знамя» выходили статьи порой с бездумно кричащими лозунгами: «Покончить с вредными разговорами о неготовности и сырости почвы и немедленно развернуть массовую пахоту и сев во всех колхозах и совхозах!» [39, с. 2].

Одной из причин сложившегося положения в сфере хлебозаготовок эксперты называют неудовлетворительное использование комбайнового парка. Так, план комбайновой уборки области в 1942 г. был выполнен на 39,4 %, каждый комбайн в среднем выработал по 80 га при плановом показателе 193 га [40, с. 1]. В Пензенской области работа, выполненная МТС на тракторах, ко всему объему сельхозработ составила в 1942 г. только 23 % (в 1940 г. – 57 %). По причине сокращения тяговой силы на союзном уровне Пензенской области разрешили создавать дополнительные глубинные заготовительные пункты, чтобы сократить время на складирование зерна [41, 42]. При этом принятие и реализация управленческих решений на деле противоречили друг другу. Так, ряд исправных тракторов и комбайнов из Пензенской области марок ЧТЗ и 100 СТЗ-НАТИ по решению СНК были отправлены в регионы Урала [43, л. 22–30] во вновь организованные совхозы в рамках кампании по разукрупнению совхозов [43, л. 5–13]. В то же время в Пензенской области в 1942 г. по согласованию с высшими органами власти СССР создавались новые МТС, о чем свидетельствуют принятые правительством СССР решения [44, л. 1–2].

Анализируя ход сельскохозяйственной кампании 1942 г., отмечу, что к лету Пензенский облисполком и обком ВКП(б) фиксировали неэффективную мобилизацию населения на сельхозработах. Так, на 18 июня в области было мобилизовано в этих целях всего 31 тыс. человек [45, с. 1]. С началом уборочной кампании в регионе также возникли серьезные сложности: первая декада августа была объявлена властями «ударной» по завершению уборки озимых [46, с. 1], а с 15 августа по 5 сентября был установлен «фронтной двухдекадник» по завершению уборки зерновых культур, выполнению августовского плана хлебосдачи и проводимого озимого сева [47, с. 1].

На фоне истощения ресурсов по увеличению сбора объемов зерновых в Пензенской области началась широкая пропагандистская кампания

по недопущению утраты и потерь уже собранного зерна [48, с. 1]. Власти стали активно бороться с припрятыванием хлеба, возбуждались уголовные дела [49, с. 1]. Пропаганда масштабно отчитывалась, что в колхозах и совхозах области на площади 300 тыс. га были организованы и произведены сгребания и подбор колосьев, частичный обмолот которых дал дополнительно 76 тыс. центнеров зерна [50, с. 1].

Темпы уборки урожая 1942 г. не внушали уверенности в выполнении поставленных перед областью задач и достижении контрольных цифр хлебосдачи. В колхозах Мокшанского и Малосердобинского районов Пензенской области фиксировались удручающие показатели – государственный план по хлебу на натуроплате за МТС был выполнен лишь на 2–7 %. По итогам анализа работы районных властей властями принимались организационно-кадровые решения, проводились увольнения [51, с. 1], партийные руководители исключались из партии и понижались в должности [52, с. 1]. Несмотря на комплекс принимаемых мер, к октябрю 1942 г. около половины районов Пензенской области сильно отставали с выполнением плана уборки и сдачи государству зерна, треть районов выполнила годовой план только на 8–15 % [53, с. 1].

В октябре 1942 г. Пензенская область получила серьезное предупреждение из союзного центра по вопросу хлебозаготовок. Аргументами замечаний стало отсутствие планируемого объема намолоченного зерна – на 5 ноября 1942 г., по данным самих районов, было обмолочено 83,9 % хлеба от убранного, а план хлебопоставок выполнен менее чем на 50 % [42, л. 1]. В материалах проверок ЦК регионов отмечалось, что промахи в работе в регионах СССР серьезно тормозили выполнение колхозами и совхозами своих обязательств перед государством по сдаче зерна и масленичных культур.

ЦК партии перед Пензенской областной организацией ставило практические задачи, направленные на усиление темпов хлебосдачи [54, с. 1]. В соответствии с этим указанием устанавливалось конкретное задание каждому району в отдельности, ежедневно утверждался график сбора зерна для каждого колхоза [55, с. 1].

За неделю до визита в Пензу группы контроля во главе с А. И. Микояном на XII пленуме Пензенского обкома ВКП(б) первый секретарь К. А. Морщинин доложил о ходе исполнения постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1942 г.». Как отметил пленум, партийные и советские организации многих районов «не обеспечили большевистского выполнения постановления, колхозы не использовали полностью внутренних ресурсов, растянули сроки уборки» [50, с. 1].

Эффективность интенсификации хлебозаготовительной политики, проводимой в области, и последовавшее за этим невыполнение плана сдачи хлеба стали предметом очного разбирательства в Пензе с участием заместителя Председателя Совнаркома СССР А. И. Микояна. Изученные архивные документы позволяют сделать вывод, что А. И. Микоян направился в Пензу по итогам материалов проведенной проверки ЦК ВКП(б) и СНК СССР, которой был установлен факт неудовлетворительного хода хлебозаготовок в Пензенской области и снижения темпов сдачи хлеба государству. «Стали поступать тревожные сигналы о плохой уборке хлеба... Сталин решил, что с вопросом мы

должны были разобраться на местах и там же принимать нужные меры. Мне было поручено выехать в Пензенскую, Куйбышевскую, Чкаловскую, Саратовскую, Тамбовскую, Рязанскую области и в Башкирскую АССР», – вспоминал А. И. Микоян [13, с. 314].

В Государственном архиве Российской Федерации хранится документ под названием «Дневник поездки А. И. Микояна в Пензенскую, Куйбышевскую, Рязанскую, Саратовскую, Тамбовскую, Чкаловскую области и Башкирскую АССР. Ноябрь-декабрь 1942 г.» [56]. Еще одна архивная опись содержит служебную информацию, которая датируется периодом с 24 ноября по 29 декабря 1942 г. Документ со стенограммой совещания в Пензе подписан так: «24.11.1942, стенографистка Е. Земцова» [30]. Из опубликованных воспоминаний А. И. Микояна мы можем установить, что дневник поездок «вел его помощник Барабанов» [13, с. 315]. Таким образом, в архиве сохранились дневник этой поездки и, что особо ценно, стенограммы заседания.

В описываемый исторический период А. И. Микоян занимал должность заместителя Председателя СНК СССР¹. Сроки поездки А. И. Микояна по регионам СССР в целях усиления хлебозаготовок документально зафиксированы. В архивном документе о посещении Пензы сделана запись: «24.XI.1942 г. В 4 часа ночи выехали из Москвы. В 22 ч. прибыли в г. Пензу, сразу поехали в обком ВКП(б), где провели заседание бюро обкома совместно с президиумом облисполкома по вопросу хлебозаготовок. На заседании выступил тов. А. И. Микоян» [56].

Из воспоминаний А. И. Микояна мы можем установить, что в данной поездке заместителя Совнаркома СССР сопровождала группа специалистов: нарком земледелия СССР И. А. Бенедиктов, нарком заготовок СССР К. П. Субботин [57, л. 41], его заместитель В. А. Ершов², группа ответственных работников этих наркоматов, а также помощник А. И. Микояна – А. В. Барабанов [13, с. 314].

Точное время начала в Пензе 24 ноября 1942 г. совместного заседания бюро обкома и президиума облисполкома по вопросу хлебозаготовок документально не зафиксировано. Согласно записям из дневника можно сделать вывод, что совещание началось после 22:00 ч. с выступления первого секретаря Пензенского обкома ВКП(б) К. А. Морщинина [30].

Из доклада К. А. Морщинина следовало, что изначально Совнарком СССР утвердил для Пензенской области план сева озимых в объеме 640 тыс. га. Согласно документам, которые ушли в Совнарком СССР, Пензенская область обязалась повысить сев и дать показатель в 890 тыс. га, или на 39 % выше плана. Реальные цифры итоговых значений посевной огласил на совещании А. И. Микоян: «474 тыс. га или 53 % от своего плана. Кто же вас будет уважать, когда району дается план, а потом срывается. Знали, что не потянете, что весной сорвали сев, а дали план выше на 39 %? Неужели обком партии не знает свое областное хозяйство?» [30].

¹ Об утверждении т. Микояна А. И. заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР. 22 июля 1937 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1937. № 171.

² О назначении т. Ершова В. А. заместителем Народного комиссара заготовок СССР : постановление СНК СССР от 2 июля 1941 г. № 1809 // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1941. № 1–17. С. 504.

Стенограмма заседания свидетельствует о том, что областное партийное руководство в лице первого секретаря К. А. Морщинина не скрывало сложившуюся ситуацию: «Мы думали серьезно посеять, мы много не досеяли весной, хотели перекрыть недосев весной посевом озимых. Предложения были засеять даже миллион. С отчетностью получилось такое положение. Первое время привыкли по телефону получать данные, а в результате получилось сплошное очковитительство, совершенно отстранили государственную отчетность, получали сводки по телефону, на слово. Из 314 тыс. крупяных (включена и падалица) убрано 242 тыс.» [30]. Отмечу, что обобщенные на совещании проблемы, в которых руководством виделся системный сбой, позже все же находили свое рациональное разрешение в официальных документах. Так, в начале декабря 1942 г. было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), запрещающее Госплану СССР и Наркомзему СССР собирать данные о фактическом намолоте урожая в колхозах – такие сведения маркировались как искажающие действительную картину урожайности [58, л. 263].

Оценку ответственным за сев и сбор урожая в Пензенской области по хлебозаготовительной работе А. И. Микоян дал весьма негативную: «Дело в том, что у вас очень либеральное, самодовольное, благодушное настроение, нет умения, чтобы успешно добиться выполнения плана хлебозаготовок. Начальник облзо [Мотров] не знает, сколько крупяных обмолочено. Вы некомпетентный человек, оторванный человек. Областное руководство должно не только заставить, но и помочь» [30].

Реальные цифры по складированию зерновых в 27 % от плана, озвученные в ходе заседания, стали предметом разбирательства. «Урожайность зерновых по областному плану хлебозаготовок – 11,4 центнеров с 1 га, а реальная составила всего 6,7 центнеров с га. Вот Московская, Тульская области, там нормы не снижали, но там заготовки кончают, а у вас 27 %. Вы упали духом, а там начнется другая работа, сев, некогда будет заниматься хлебозаготовками», – констатировал А. И. Микоян [30].

Причины сложившейся ситуации член Совета министров видел в неадекватности областной власти и несоблюдении технологий сева. «Сельское хозяйство области произвело хлеба меньше, чем оно должно было иметь. Я говорю об урожайности, а также посеяли меньше осенью и весной, чем полагалось посеять. Сев затянули, работали в поле не высококачественно. Те указания, которые нам рекомендовали в качестве облегчений, очень многие колхозы поняли в извращенном виде. В Пензенской области приняло массовый характер применение мелкой вспашки, в результате не получилось урожая», – отмечал А. И. Микоян.

Поскольку отставание в выполнении плана заведомо связывалось с «саботажнической» деятельностью на местах, особое значение в повестке А. И. Микояна занимал вопрос правовой ответственности виновных в срыве хлебозаготовок. Из стенограммы заседания бюро Пензенского обкома ВКП(б) совместно с президиумом Пензенского облисполкома по вопросу хлебозаготовок 24 ноября 1942 г. следует, что на совещании присутствовали прокурор т. Савушкин и начальник областного управления Народного комиссариата внутренних дел Г. С. Горелкин, которые также доложили о проводимой ими работе. Зампред Совнаркома СССР А. И. Микоян констатировал, что при рассмотрении уголовных дел в отношении лиц, злостно уклоняющихся

от работы по уборке урожая, виновных в его разбазаривании или хищениях, допускалась волокита. Прокурор Пензенской области доложил, что в рамках становления виновников срыва объемов и сроков сдачи хлеба в Кондольском районе осудили двух председателей колхозов. В адрес контролирующих органов А. И. Микоян высказал претензии: «Савушкин! Плохо вы проводите решение ЦК партии, надо судить по законам военного времени... Больше никого не осудили, а главных виновников вы не нашли? Надо судить по законам военного времени. Люди на фронте умирают тысячами, а здесь люди саботируют, а вы не смеете их судить. Видимо, формально подходите. Надо судить и наказывать этих людей». «Здесь есть недооценка в части применения репрессий к саботажникам. Обыкновенно все арестованные по 109, 162 ст. – это если не чистая уголовщина, не должностное преступление, не 58-14, то относится к 109 ст. 58-10 – контрреволюционная, антисоветская агитация. Саботажник не так рассматривается, получается или 109, или 122 ст.», – отреагировал на ход совещания начальник областного управления Народного комиссариата внутренних дел Г. С. Горелкин [30].

Намеки А. И. Микояна на припрятывание хлеба в ходе совещания перешли в прямое обвинение покрывательства совхозов и колхозов в недосдаче зерна государству: «На 1 мая 1942 г. в Пензенской области было 50 тыс. центнеров страхового фонда, а сколько осталось, где, у кого? Колхоз, который план не выполнил, не имеет права иметь страховой фонд. Под видом остатков тоже прячут хлеб, с этим надо считаться! Надо будет ломать это, чтобы дать хлеб для фронта, для обороны. 30 млн пудов хлеба стоит под ударом!» [30].

Анализируя текст стенограммы заседания, отметим интересный факт: А. И. Микоян зачитал в качестве примера своих решительных действий по интенсификации сбора хлеба для армии Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 ноября 1942 г. «О плохом руководстве Алтайского крайкома ВКП(б) и крайисполкома хлебозаготовками», оформленное затем Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Содержание вышеуказанного постановления для того времени звучало крайне грозно. В частности, в нем указывалось, что «в условиях Отечественной войны злейшими врагами Родины, советского народа и партии являются саботажники хлебозаготовок с партбилетами в кармане. По отношению к этим врагам Родины ЦК ВКП(б) и СНК СССР обязывают применять суровые репрессии – исключать из партии, арестовывать, предавать суду и заключать в концлагеря» [59, л. 6–7]. Учитывая факт руководства Пензенской областью выходцами из Алтайского края, становится очевидной задумка А. И. Микояна с упоминанием данного документа – «встряхнуть» сознание руководящих органов Пензенской области. Идеологическая мобилизация стала неотъемлемой частью деятельности центральных органов власти.

В стенограмме встречи упоминание Алтайского края встречается неоднократно. В понимании ситуации А. И. Микояном Алтай и Пенза значились в одном списке – не выполнивших планы сдачи хлеба: «Товарищи! Вы обещали засеять 890 га, а сделали только 53 %. Если обещают, надо делать: не делать – это уже обман. Те области, которые пострадали от войны, они уже кончают хлебозаготовки. А если Пенза не даст, Алтай не даст, кто же будет кормить армию? Вот Алтай – богатый край, а дела идут плохо. Послали туда

заместителя наркома, он пишет, что областное партийное руководство ведет себя плохо, от них идет в район, из района в колхоз и т.д.» [30].

«Я предлагаю особых резолюций не принимать, а принять краткое решение и приступить к делу... Поручить бюро послать группу работников, с нашим участием наметить мероприятия и заставить хлеб вывезти. Если хлеб не дадите, подорвете нашу оборону. ЦК будет проверять руководство области по тому, как будет заготавливаться хлеб», – такими словами завершилось заседание с участием А. И. Микояна в Пензе [30].

Из конкретных решений А. И. Микояна в стенограмме заседания сохранились следующие указания: «Наказать виновников, известных вам; наказать, а не просто ударить, командировать лучших людей области в колхозы, дать им задание – подсчитать крупные, которые не обмолочены, проверить все, организовать обмолот по-большевистски!» [30].

В фонде секретариата Совета министров СССР Государственного архива Российской Федерации хранятся несколько распоряжений, которые касаются принятых решений по итогам визита в Пензенскую область. Согласно содержанию документов, датированных 24.11.1942 с местом отправки «Пенза», Совнарком Союза обязал Председателя Пензенского облисполкома до 5 декабря 1942 г. предоставить телеграфный отчет по обмолоту крупных с указанием количества обмолоченных гектар и процент плана [30]. Второе письменное распоряжение А. И. Микояна содержало указание по выделению нефтепродуктов для работы МТС: «Предложить УГМР и заместителю управляющего пензенской конторы Главнефесбыта отпустить Пензенскому ОБЛЗо из фонда УГМР 350 т керосина. ОБЛЗо восстановить это количество в декабре месяце за счет своих фондов. Заместителю управляющего конторой Главнефесбыта отпустить ОБЛЗо дополнительно 120 т автола [автомасла]» [30]. По итогам анализа архивных фондов установлено, что данные решения были поддержаны и реализованы [60, л. 1–3].

В своих мемуарах А. И. Микоян результаты поездки в Пензу охарактеризовал так: «Немедленно решили командировать в районы для контроля за проведением хлебозаготовок членов бюро обкома, ответственных работников облисполкома и 450 человек из числа лучших работников партийного и советского актива» [13, с. 315]. Серьезность намерений по контролю за принятыми решениями А. И. Микоян особо подчеркнул, поручив Наркомзагу СССР К. П. Субботину остаться в Пензе: «Субботин останется здесь и поможет поправить дело с хлебозаготовками, проверит все фонды, запасы, обмолоты. У вас подсолнух валяется неубранным на полях. Надо выгнать всех трудоспособных на работу, подсолнух убирать. Если вы не уберете, люди будут с голоду умирать, потому что вы не изволили убирать зрелый подсолнух. Лучше сейчас немного позябнуть, зато народ будет сыт» [30].

Оставив в Пензе К. П. Субботина, А. И. Микоян вместе с группой прибывших 25 ноября 1942 г. «в 2 часа ночи выехал в Куйбышев поездом в салон-вагоне» [56]. «Это был день моего рождения, но тогда я даже не вспомнил об этом. На эту деталь я обратил внимание теперь, через 30 с лишним лет, просматривая этот архивный материал», – такую пометку сделал он на документе в 1975 г. [13, с. 315].

В пензенской областной газете «Сталинское знамя» визит А. И. Микояна и группы наркомов СССР не освещался. По факту принятых решений

были опубликованы только местные постановления. Так, руководством Пензенской области по итогам визита были продублированы решения А. И. Микояна на своем уровне. В частности, Постановлением бюро обкома ВКП (б) и облисполкома от 25 ноября 1942 г. «О мерах усиления темпов хлебосдачи колхозами и совхозами области» были установлены каждому району пятидневные задания по хлебосдаче [61, с. 1].

Ко 2 декабря 1942 г. за умышленный срыв плана государственных хлебопоставок, саботаж и разбазаривание колхозного хлеба были привлечены судом к ответственности руководители ряда сельсоветов и колхозов Пензенской области [62, с. 2]. «Прокурор Олешко и защитник Герасимов за незаконное оправдание воров сняты с работы и были исключены из партии», – отмечалось в газетных публикациях [63, с. 1]. Однако, несмотря на кадровые решения и усиление репрессивного воздействия, плановые цифры по хлебосдаче не выполнялись вплоть до 1943 г. [64, л. 124].

Исходя из объективных обстоятельств, период 1942–1943 гг. единогласно оценивается исследователями как один из сложнейших для сельского хозяйства СССР в части преодоления инфраструктурных проблем и попыток их эффективного решения.

Действия органов государственной власти по повышению эффективности административно-командной системы сбора зерновых характеризовались противоречивостью, что было продиктовано отсутствием детально проработанных планов интенсификации аграрного комплекса на случай войны. Спешные решения в сложных условиях военного времени требовали эффективного управления и антикризисного менеджмента. Данная функция совместно с наркоматами СНК СССР была поручена А. И. Микояну, на которого были возложены обязанности по снабжению армии продовольствием.

Комплекс противоречий, заложенный в аграрном секторе СССР в довоенный период, не позволял в условиях военного положения не только оперативно решить вопрос по учету объемов сдачи зерна государству от совхозов и колхозов, но и корректно рассчитать плановые значения с учетом вынужденной необходимости интенсификации сельхозработ. Мобилизация, недостаток квалифицированных кадров, рост доли неисправной техники, нехватка горюче-смазочных материалов и рабочей силы, снижение количества и качества семенного фонда делали поставленные государством задачи невыполнимыми. В итоге принятые решения достигались за счет расходования страховых зерновых фондов, семенного материала, а также за счет подсобных хозяйств рядовых жителей села и героического трудового вклада работников колхозно-совхозной системы, позволившего за счет ручного труда и рутинных сельскохозяйственных технологий обеспечивать сев и уборку урожая, сдавая тысячи тонн зерна государству, несмотря на активную политику репрессий и ужесточения ответственности.

Список литературы

1. Аратюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. 459 с.
2. История советского крестьянства : в 5 т. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 / отв. ред. М. А. Вылцан. М. : Наука, 1987. 447 с.

3. Война и общество, 1941–1945 : в 2 кн. / отв. ред. Г. Н. Севастьянов ; Ин-т российской истории. М. : Наука, 2004. Кн. 1. 479 с. ; кн. 2. 410 с.
4. Жевалов С. А. Решение продовольственной проблемы в СССР в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2018. 343 с.
5. Сафонов Г. В. Сельские советы Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. 201 с.
6. Пензенская область в годы Великой Отечественной войны // История Пензенского края : в 3 т. / под общ. ред. О. В. Мельниченко. Пенза : ИРРПО, 2024. Т. 3. 768 с.
7. Кондрашин В. В., Сухова О. А. Колхозная система как основной ресурс мобилизационной экономики СССР в 1930-х – 1950-х гг. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 979–992.
8. Сухова О. А., Ягов О. В. Пензенская деревня в годы Великой Отечественной войны: мобилизационная экономика и практики выживания // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (49). С. 33–44.
9. Евневич Т. А. Пензенская область в первые месяцы Великой Отечественной войны // Пензенский край в истории и культуре России. Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 373–375.
10. Королев А. А., Мику Н. В. Сельское хозяйство в СССР в период Великой Отечественной войны (на примере Пензенской области) // E-Scio. 2018. № 5 (20). С. 197–205.
11. Белолипецкий В. В. Сельское хозяйство Пензенской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. 293 с.
12. Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. Встречи, беседы, интервью, документы. Смоленск : Русич, 2005. 631 с.
13. Микоян А. И. Так было: размышления о минувшем. М. : Вагриус, 1999. 636 с.
14. Ходяков М. В. Проблема хлебозаготовок в Башкирии и методы ее решения в 1942 г. // Вклад Башкортостана в Великую Победу : материалы Междунар. науч.-практ. форума, посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Уфа, 22–23 октября 2020 г.) : в 2 т. Уфа : Книга-Принт, 2020. Т. 1. С. 15–20.
15. Васильева С. И. Деревня и государственная заготовительная политика в 1941–1945 гг. (на материалах Марийской АССР) // Российская история. 2010. № 3. С. 37–46.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 123. Д. 53.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.-Р. 6822. Оп. 1. Д. 541.
18. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 16.
19. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 29.
20. Сталинское знамя. 1942. № 15.
21. Сталинское знамя. 1942. № 14.
22. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 25а. Д. 5992.
23. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 1. Д. 196.
24. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 25. Д. 2362.
25. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. П-148. Оп. 1. Д. 1091.
26. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 43а. Д. 4372.
27. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 1. Д. 199.
28. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 21.
29. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 43а. Д. 6144.
30. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 98сч. Д. 399.
31. Шарапов С. В. Хлебозаготовки в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: планы и результаты // ЭКО. 2021. № 5 (563). С. 155–174.
32. Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР за 1942 г. № 1-11. М. : Управление Делами СНК СССР, 1942. 200 с.

33. Сталинское знамя. 1942. № 154.
34. Сталинское знамя. 1942. № 69.
35. Сталинское знамя. 1942. № 75.
36. Сталинское знамя. 1942. № 83.
37. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 44. Д. 430.
38. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 1. Д. 201.
39. Сталинское знамя. 1942. № 104.
40. Сталинское знамя. 1942. № 273.
41. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 25. Д. 2359.
42. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 25. Д. 2361.
43. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 1. Д. 206.
44. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 44. Д. 820.
45. Сталинское знамя. 1942. № 144.
46. Сталинское знамя. 1942. № 180.
47. Сталинское знамя. 1942. № 191.
48. Сталинское знамя. 1942. № 207.
49. Сталинское знамя. 1942. № 232.
50. Сталинское знамя. 1942. № 271.
51. Сталинское знамя. 1942. № 234.
52. Сталинское знамя. 1942. № 240.
53. Сталинское знамя. 1942. № 243.
54. Сталинское знамя. 1942. № 238.
55. Сталинское знамя. 1942. № 250.
56. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 120. Д. 815.
57. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1317.
58. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 1. Д. 208.
59. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1046.
60. ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп. 43а. Д. 5784.
61. Сталинское знамя. 1942. № 279.
62. Сталинское знамя. 1942. № 284.
63. Сталинское знамя. 1942. № 291.
64. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 131.

References

1. Aratyunyan Yu.V. *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny = Soviet peasantry during the Great Patriotic War*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963:459. (In Russ.)
2. Vyltsan M.A. (resp. ed.). *Istoriya sovetskogo krest'yanstva: v 5 t. T. 3. Krest'yanstvo nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny, 1938–1945 = History of the Soviet peasantry: in 5 volumes. Volume 3. The peasantry on the eve of and during the Great Patriotic War, 1938–1945*. Moscow: Nauka, 1987:447. (In Russ.)
3. Sevast'yanov G.N. (resp. ed.). *Voyna i obshchestvo, 1941–1945: v 2 kn. = War and society, 1941–1945: in 2 books*. Moscow: Nauka, 2004;(bk. 1):479; (bk. 2):410. (In Russ.)
4. Zhevalov S.A. *The solution to the food problem in the USSR during the Great Patriotic War: PhD dissertation*. Mytishchi, 2018:343. (In Russ.)
5. Safonov G.V. *Rural councils of the Middle Volga region during the Great Patriotic War: PhD dissertation*. Samara, 2000:201. (In Russ.)
6. Penza region during the Great Patriotic War. *Istoriya Penzenskogo kraya: v 3 t. = History of Penza region: in 3 volumes*. Penza: IRRPO, 2024;3:768. (In Russ.)
7. Kondrashin V.V., Sukhova O.A. The collective farm system as the main resource of the mobilization economy of the USSR in the 1930s – 1950s. *Noveyshaya istoriya Rossii = Modern history of Russia*. 2019;9(4):979–992. (In Russ.)

8. Sukhova O.A., Yagov O.V. Penza village during the Great Patriotic War: mobilization economy and survival practices. *Izvestiya vysshihkh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2019;(1):33–44. (In Russ.)
9. Evnevich T.A. Penza region in the first months of the Great Patriotic War. *Penzenskiy kray v istorii i kul'ture Rossii = Penza region in the history and culture of Russia.* Penza: Izd-vo PGU, 2014:373–375. (In Russ.)
10. Korolev A.A., Miku N.V. Agriculture in the USSR during the Great Patriotic War (by the example of Penza region). *E-Scio.* 2018;(5):197–205. (In Russ.)
11. Belolipetskiy V.V. *Agriculture of Penza region during the Great Patriotic War of 1941–1945: PhD dissertation.* Penza, 2005:293. (In Russ.)
12. Kumanev G.A. *Govoryat stalinskie narkomy. Vstrechi, besedy, interv'yu, dokumenty = Stalin's People's Commissars Speak. Meetings, conversations, interviews, documents.* Smolensk: Rusich, 2005:631. (In Russ.)
13. Mikoyan A.I. *Tak bylo: razmyshleniya o minuvshem = This is how it was: reflections on the past.* Moscow: Vagrius, 1999:636. (In Russ.)
14. Khodyakov M.V. The problem of grain procurements in Bashkiria and methods for solving it in 1942. *Vklad Bashkortostana v Velikuyu Pobedu: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. foruma, posvyashch. 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne (g. Ufa, 22–23 oktyabrya 2020 g.): v 2 t. = Bashkortostan's contribution to the Great Victory: proceedings of the International scientific and practical forum, dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War (Ufa, October 22–23, 2020).* Ufa: Kniga-Print, 2020;1:15–20. (In Russ.)
15. Vasil'eva S.I. The village and state procurement policy in 1941–1945 (based on materials from the Mari ASSR). *Rossiyskaya istoriya = Russian history.* 2010;(3):37–46. (In Russ.)
16. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 17. Op. 123. D. 53 = Russian State Archive of social and political history. Fund 17. Item 123. File 53.* (In Russ.)
17. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F.-R. 6822. Op. 1. D. 541 = State Archive of the Russian Federation. Fund R-6822. Item 1. File 541.* (In Russ.)
18. *RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 16 = Russian State Archive of social and political history. Fund 644. Item 1. File 16.* (In Russ.)
19. *RGASPI. F. 644. Op. 2. D. 29 = Russian State Archive of social and political history. Fund 644. Item 2. File 29.* (In Russ.)
20. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(15). (In Russ.)
21. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(14). (In Russ.)
22. *GARF. F.-R. 5446. Op. 25a. D. 5992 = State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 25a. File 5992.* (In Russ.)
23. *GARF. F.-R. 5446. Op. 1. D. 196 = State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 1. File 196.* (In Russ.)
24. *GARF. F.-R. 5446. Op. 25. D. 2362 = State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 25. File 2362.* (In Russ.)
25. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. P-148. Op. 1. D. 1091 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 1091.* (In Russ.)
26. *GARF. F.-R. 5446. Op. 43a. D. 4372 = State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 43a. File 4372.* (In Russ.)
27. *GARF. F.-R. 5446. Op. 1. D. 199 = State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 1. File 199.* (In Russ.)
28. *RGASPI. F. 73. Op. 2. D. 21 = Russian State Archive of social and political history. Fund 73. Item 2. File 21.* (In Russ.)
29. *GARF. F.-R. 5446. Op. 43a. D. 6144 = State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 43a. File 6144.* (In Russ.)

30. GARF. F.-R. 5446. Op. 98sch. D. 399 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 98sch. File 399.* (In Russ.)
31. Sharapov S.V. Grain procurement in Western Siberia during the Great Patriotic War: plans and results. *EKO*. 2021;(5):155–174. (In Russ.)
32. *Sobranie postanovleniy i rasporyazheniy pravitel'stva SSSR za 1942 g. № 1-11 = Collection of documents and orders of the USSR government for 1942, No. 1-11.* Moscow: Upravlenie Delami SNK SSSR, 1942:200. (In Russ.)
33. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(154). (In Russ.)
34. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(69). (In Russ.)
35. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(75). (In Russ.)
36. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(83). (In Russ.)
37. GARF. F.-R. 5446. Op. 44. D. 430 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 44. File 430.* (In Russ.)
38. GARF. F.-R. 5446. Op. 1. D. 201 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 1. File 201.* (In Russ.)
39. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(104). (In Russ.)
40. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(273). (In Russ.)
41. GARF. F.-R. 5446. Op. 25. D. 2359 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 25. File 2359.* (In Russ.)
42. GARF. F.-R. 5446. Op. 25. D. 2361 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 25. File 2361.* (In Russ.)
43. GARF. F.-R. 5446. Op. 1. D. 206 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 1. File 206.* (In Russ.)
44. GARF. F.-R. 5446. Op. 44. D. 820 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 44. File 820.* (In Russ.)
45. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(144). (In Russ.)
46. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(180). (In Russ.)
47. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(191). (In Russ.)
48. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(207). (In Russ.)
49. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(232). (In Russ.)
50. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(271). (In Russ.)
51. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(234). (In Russ.)
52. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(240). (In Russ.)
53. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(243). (In Russ.)
54. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(238). (In Russ.)
55. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(250). (In Russ.)
56. GARF. F.-R. 5446. Op. 120. D. 815 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 120. File 815.* (In Russ.)
57. RGASPI. F. 17. Op. 163. D. 1317 = *Russian State Archive of social and political history. Fund 17. Item 163. File 1317.* (In Russ.)
58. GARF. F.-R. 5446. Op. 1. D. 208 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 1. File 208.* (In Russ.)
59. RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 1046 = *Russian State Archive of social and political history. Fund 17. Item 3. File 1046.* (In Russ.)
60. GARF. F.-R. 5446. Op. 43a. D. 5784 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 43a. File 5784.* (In Russ.)
61. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(279). (In Russ.)
62. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(284). (In Russ.)
63. *Stalinskoe znamya = Stalin's banner.* 1942;(291). (In Russ.)
64. RGASPI. F. 17. Op. 125. D. 131 = *Russian State Archive of social and political history. Fund 17. Item 125. File 131.* (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Дарья Викторовна Якупова

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
и методики преподавания истории,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: bubnova90@mail.ru

Daria V. Yakupova

Candidate of historical sciences,
associate professor of the sub-department
of history of Russia and methods
of teaching history, Penza State
University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 18.03.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 04.04.2025

Принята к публикации / Accepted 15.04.2025

УДК 947.084(470.40)

doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-12

Реформа народного образования 1984 г. в СССР: региональный аспект (на материалах Пензенской области)

В. В. Повалихин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

povalihin2010@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В современной отечественной историографии кризис и распад государственности на рубеже 1980–1990-х гг. рассматриваются как катастрофические результаты социокультурной трансформации СССР. В этом контексте актуальность работы обусловлена необходимостью научного анализа реформ в сфере образования как одного из важнейших ресурсов адаптации советского общества к вызовам времени, отражавшего при этом специфику социокультурного перехода. Обращение к региональным аспектам определяется низкой степенью изученности образовательной реформы 1984 г. на материалах Пензенской области. Целью данной работы является анализ реформы системы образования 1984 г. в Пензенской области. *Материалы и методы.* Исследование выполнено на основе исторических источников, выявленных в фондах Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Пензенской области, а также идеологических материалов и нормативно-правовых актов. При решении исследовательских задач применялись методы системного анализа исторических процессов, а также компаративного изучения исторических источников различной видовой принадлежности. *Результаты.* В ходе исследования были рассмотрены общие принципы, цели и задачи реформы 1984 г., результаты реализации этой реформы по различным направлениям в Пензенской области в период с 1984 по 1987 г. Выявлены основные достижения и проблемы при реализации мероприятий на уровне городов, районов и всей области. Рассмотрена динамика деятельности местных органов власти по различным направлениям реформирования системы народного образования. *Выводы.* Необходимость реформирования системы образования в СССР была обусловлена замедлением социально-экономического развития страны, падением качества знаний и профессиональных навыков у выпускников системы народного образования. В качестве приоритетных задач реализации реформ были выделены: совершенствование структуры и содержания школьного образования, развитие трудового обучения и воспитания, повышение статуса и роли педагога в обществе. При определенных успехах в реализации реформы стоит признать, что ни одна из поставленных задач не была решена окончательно. А начавшиеся в СССР процессы демократизации вызвали к жизни радикальную перестройку структуры и содержания образования, образовательной политики в целом.

Ключевые слова: Пензенская область, реформа общеобразовательной и профессиональной школы 1984 г., перестройка, народное образование

Для цитирования: Повалихин В. В. Реформа народного образования 1984 г. в СССР: региональный аспект (на материалах Пензенской области) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 151–162. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-12

The reform of public education in 1984 in the USSR: a regional aspect (by the materials of Penza region)

V.V. Povalikhin

Penza State University, Penza, Russia

povalihin2010@mail.ru

Abstract. *Background.* In modern Russian historiography, the crisis and collapse of statehood at the turn of the 1980s and 1990s are considered as catastrophic results of the socio-cultural transformation of the USSR. In this context, the relevance of the work is due to the need for a scientific analysis of reforms in the field of education as one of the most important resources for the adaptation of Soviet society to the challenges of the time, reflecting the specifics of the socio-cultural transition. The appeal to regional aspects is determined by the low degree of study of the educational reform of 1984 based on the materials of Penza region. The purpose of this work is to analyze the reform of the education system in 1984 in Penza region. *Materials and methods.* The research was carried out on the basis of historical sources identified in the funds of the State Archive of the Russian Federation, State Archive of Penza region, as well as ideological materials and normative legal acts. In solving research problems, methods of systematic analysis of historical processes, as well as comparative study of historical sources of various species were used. *Results.* The study examined the general principles, goals and objectives of the 1984 reform, the results of the implementation of this reform in various areas in the Penza region in the period from 1984 to 1987. The main achievements and problems in the implementation of measures at the level of cities, districts and entire region were identified. The dynamics of the activities of local authorities in various areas of reforming the public education system is considered. *Conclusions.* The need to reform the education system in the USSR was due to the slowdown in the socio-economic development of the country, the decline in the quality of knowledge and professional skills among graduates of the public education system. The following were highlighted as priority tasks for the implementation of reforms: improving the structure and content of school education, developing labor training and education, increasing the status and role of a teacher in society. With some success in the implementation of the reform, it is worth recognizing that none of the tasks set has been solved definitively. And the democratization processes that began in the USSR gave rise to a radical restructuring of the structure and content of education and educational policy in general.

Keywords: Penza region, the educational reform of 1984, perestroika, public education

For citation: Povalikhin V.V. The reform of public education in 1984 in the USSR: a regional aspect (by the materials of Penza region). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(2):151–162. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-12

Нарастающие системные проблемы и противоречия в СССР в конце 1970-х – начале 1980-х гг. поставили на повестку дня необходимость реформирования советского общества. В первую очередь ощущение необходимости реформ было продиктовано замедлением темпов социально-экономического и научно-технологического развития страны в эпоху «развитого социализма». Однако одной из первых масштабных реформ модернизационного типа стала именно реформа образования, реализация которой началась в 1984 г.

Рассматривая степень изученности темы, необходимо остановиться на нескольких историографических проблемах и задачах, стоящих перед исследователями при анализе трансформационных процессов советской школы

в 1980-е гг. Ряд нерешенных вопросов в деле изучения образовательной политики в СССР обозначены в статье Р. З. Алмаева [1]. Это, во-первых, трудности, возникающие при классификации и типологизации советских реформ образования [1, с. 281]; во-вторых, проблема реализации реформ и трансформации их основных целей и задач на уровне центральной власти и в масштабах всего СССР; в-третьих, региональный компонент в реализации реформ советской школы [1, с. 284].

Рассматривая различные варианты типологизации и классификации образовательных реформ в СССР, обратимся к работе В. А. Капрановой, которая определяет следующие типы образовательных реформ: системную, структурную, фундаментальную, институциональную, коррекционную, реформу второго эшелона. Конкретизируя в рамках данной классификации реформу 1984 г., Капранова относит ее к структурно-фундаментальным, т.е. направленным на реорганизацию структуры образования с целью создания предпосылок для дальнейшей эволюции системы при сохранении основы [2, с. 5–6]. Такой подход к типологизации реформы сужает хронологические рамки исследования реформы 1984 г. до 1988 г., когда реформа системы образования вслед за реформированием всей структуры социалистического общества перешла в стадию системной трансформации.

Анализируя работы, посвященные общему ходу реализации реформы в стране, необходимо обратить внимание на труды А. В. Овчинникова, в которых автор дает положительную оценку проекту реформы, отмечая ее организационно-педагогическое, а не идеологическое начало [3, с. 9]. Указывая на политические причины незавершенности реформирования советской школы [4, с. 194], автор отмечает многие моменты реформы, которые проявились в современной системе образования РФ (дифференциация и профилизация обучения) [3, с. 10]. Проблемы и противоречия в реформировании системы гражданского (историко-обществоведческого) образования рассматриваются в работе Н. А. Григорьевой [5]. Зарождение процессов демократизации системы образования, которые активно найдут свое выражение уже в ходе трансформации реформы в 1988 г., рассматривает в своих трудах В. Е. Булдаков [6].

Проблема региональной специфики проведения реформы 1984 г. освещена в современной историографии неравномерно. Это, очевидно, обусловлено весьма небольшим временным отрезком, который отделяет нас от изучаемого явления. В последнее время ввиду возрастающего научного интереса к истории позднего СССР начинается разработка и проблем развития советского образования. Так, исследователями проанализированы механизмы и проблемы реализации реформы 1984 г. в Калининградской [7] и Смоленской [8] областях, Республике Алтай [9] и других регионах.

К вопросам проведения реформы народного просвещения 1984 г. в Пензенской области обращались в своих работах Е. А. Макеева и В. Ф. Ефремов. При этом стоит отметить, что Е. А. Макеева в своих трудах делает акцент на процессах воспитания и формирования мировоззрения советских школьников в 1960-х – середине 1980-х гг. [10]. Исследования В. Ф. Ефремова посвящены изучению жизненного пути и деятельности отдельных представителей региональной системы образования в рассматриваемую эпоху [11, 12].

Подготовка образовательной реформы 1984 г. проходила в атмосфере всеобщего подъема активности педагогической общественности. Начиная

с января 1984 г. ее проект обсуждался на страницах «Учительской газеты», в местной прессе, в учебных заведениях и административных структурах различных уровней. По официальным данным, по всей стране в собраниях по обсуждению реформы участвовало 120 млн человек, выступило 7 млн [13, с. 378]. В Пензенской области рассмотрению проекта реформы было посвящено 4076 собраний, в которых участвовало более 420 тыс. человек. На проводимых собраниях выступило более 18 тыс. человек [14, л. 160]. Во многом именно этот процесс всенародного обсуждения пробудил педагогическую среду, подготовил ее к активному участию в грядущей демократизации страны в рамках перестроечных процессов.

По итогам разработки и обсуждения реформы в апреле 1984 г. были сформулированы «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Тезис о том, что реформа в 1984 г. была скорее структурной, т.е. не пыталась затрагивать фундаментальные основы системы образования в СССР, а осуществлялась лишь в рамках модернизации уже сложившейся системы, подтверждает название первого раздела «Направлений...»: «Школа в условиях совершенствования развитого социализма» [13, с. 385]. Эта основополагающая установка находит свое отражение и в задачах, которые в рамках реализации реформы предстояло решить:

- а) повышение качества образования и воспитания;
- б) коренное улучшение организации трудового обучения и воспитания, а также профориентации в общеобразовательной школе;
- в) повышение трудовой и учебной дисциплины, общественной активности учеников;
- г) повышение общественного престижа учителя;
- д) укрепление материально-технической базы учебных заведений и системы управления народным образованием [13, с. 387–388].

К началу 1980-х гг. в деле развития системы образования в Пензенской области были достигнуты существенные успехи: в укреплении материально-технической базы школы, совершенствовании подготовки педагогической кадров, вопросах обеспечения трудовой деятельности обучающихся и других направлениях работы системы народного образования. В 1984 г. в области функционировало 1085 школ, профтехучилищ и средних специальных учебных заведений с числом учащихся в них 224 709 человек, 780 дошкольных учреждений, где воспитывалось около 60 % от общего числа детей дошкольного возраста. За годы IX, X и три года XI пятилеток было введено в строй новых школ на 90 тыс. и детских садов на 25 тыс. мест [15, л. 20].

Вместе с тем реализация первых же мероприятий реформы обозначила ряд серьезных проблем. Во-первых, необходимо отметить поэтапный перевод на одиннадцатилетнюю школу путем набора в 1 класс детей с шестилетнего возраста начиная с 1986 г. [13, с. 388]. В Пензенской области к лету 1984 г. уже два года проводился соответствующий эксперимент по обучению детей шестилетнего возраста в г. Пензе и в с. Богословка Пензенского района. При этом в ходе обсуждения проекта и после начала эксперимента отмечалось, что никаких отклонений по состоянию здоровья при освоении образовательной программы у обучающихся выявлено не было. Родители первоклассников восприняли нововведение благожелательно [16, л. 42].

В то же время уже в 1986 г. предстояло принять в первые классы 2884 учащихся, в 1987 г. – 5342, в 1988 г. – 8925, в 1989 г. – 13 864, в 1990 г. – 23 000. Только по предварительным расчетам для этого дополнительно необходимо было бы открыть 792 класса и привлечь около 1,5 тыс. новых педагогов [16, л. 31, 42].

Во-вторых, особо важным элементом реформы были обозначены качественные изменения в деле подготовки молодого поколения к труду. Сущность этого процесса заключалась в усилении единства обучения с производством. Обучающимся всех возрастов предстояло более активно включаться в трудовую деятельность, начиная с элементарных приемов ручной работы в 1–4 классах, заканчивая сдачей квалификационного экзамена на владение определенной профессией, необходимой конкретному региону, к концу 11 класса. Для реализации этой амбициозной задачи производственные коллективы базовых предприятий закреплялись за школами и совместно с образовательной организацией были призваны активно участвовать в трудовом воспитании школьников [13, с. 395–398].

Необходимо признать, что и до реформы школы региона успешно осваивали методики трудового воспитания. Так, по итогам 1983–1984 учебного года 81 % выпускников средних школ вместе с аттестатом получили свидетельства на право работы по определенным профессиям. Существенной, на наш взгляд, следует признать и материальную базу трудового обучения: в области функционировало 25 учебных цехов и 80 производственных участков, 10 межшкольных учебных мастерских, в г. Пензе работал учебно-производственный комбинат. Для обучающихся сельских школ были созданы кабинеты механизации сельского хозяйства, основ животноводства, за ученическими бригадами было закреплено 12,5 тыс. гектар земли [16, л. 45–46].

Суть реформирования системы трудового образования, как и большинства реформ в рамках постиндустриального перехода экономики, была направлена на качественное («коренное», словами советского номенклатурного дискурса) решение проблем трудового воспитания в стране. Это предполагало в первую очередь реальный «поворот базовых предприятий и хозяйств лицом к школе», изжитие «иждивенческих настроений на счет школы» [16, л. 46]. Ориентацию предприятий на целевую подготовку будущих квалифицированных работников, которые затем закрепятся за этим предприятием либо после школы, либо после высшего учебного заведения или среднего профессионально-технического училища, финансирование обучения в котором тоже могло бы взять на себя предприятие, можно представить в категориях современного экономического дискурса как «инвестиции в человеческий капитал».

Планировалась также организация системной профориентационной работы в школе и на базовых предприятиях, поскольку проблемы с отсутствием последующего трудоустройства учеников, получивших профессию в средней школе, по существу, девальвировали усилия по организации этого обучения. В рамках реализации реформы организовать такую работу предстояло для 98 тысяч обучающихся 5–10 классов уже начиная с 1984–1985 учебного года [15, л. 22].

В-третьих, в качестве приоритетных направлений реформы были обозначены повышение статуса учителя в обществе и совершенствование пси-

холого-педагогической подготовки будущих и действующих учителей. Для достижения этих целей предполагалось задействовать как материальные стимулы – повышение заработной платы педагогическим работникам, улучшение их условий труда, медицинского и санаторно-курортного обслуживания, так и методы пропаганды учительской профессии. По плану проведения реформы повышение заработной платы работникам народного образования должно было осуществляться поэтапно и составить в итоге 30–35 % [15, л. 25]. На 1 января 1984 г. средний размер заработной платы в системе образования составлял около 130 руб., в школах – около 140 руб. (для сравнения, по тем же данным средняя заработная плата рабочего в регионе – 187 руб.) [17, л. 52, 64]. На уровне региона, в частности в Первомайском районе г. Пензы и в Башмаковском районе, с 1 сентября 1984 г., по официальным отчетам, заработная плата учителей начальных классов увеличилась на 33,4 и на 31,4 % соответственно. При этом предпринимались попытки увеличить дифференциацию оплаты труда педагогических кадров: повышались ставки для педагогов, имевших звание «учитель-методист», «старший учитель» [18, л. 281]. Однако по бухгалтерским отчетам обложено за март 1986 г. средняя заработная плата всех работников сферы общего образования составила 144 руб., т.е. реальный рост составил всего около 10 % [19, л. 22].

В качестве меры, направленной на укрепление статуса педагога и образования в обществе, начиная с 1984 г. 1 сентября было объявлено Днем знаний, по случаю которого во всех учебных заведениях предписывалось проводить торжественные линейки [20, л. 3]. Предстояло также ориентироваться на более качественную систему профориентационной работы с будущими педагогами для того, чтобы сократить текучесть педагогических кадров и привлечь дополнительных учителей для реализации других масштабных задач реформы [13, с. 401–403].

Для Пензенской области проблемы с подготовкой и закреплением педагогических кадров также не утратили своей остроты. Вот как характеризует ситуацию в мае 1984 г. секретарь парткома Пензенского педагогического института В. Б. Семенов: «На студенческую скамью из-за несовершенства отбора порой попадают люди, не имеющие склонности к педагогической работе». Несовершенство отбора было связано и с объективными – демографическими причинами, конкурсы в вуз, особенно по физике и математике, упали. Текучесть педагогов нередко была связана и с недостатками на местах, когда трудности возникали даже с самым необходимым – «приобретением продуктов питания, обеспечением топливом» [15, л. 59–60] (табл.).

Таблица

Контингент обучающихся в Пензенском педагогическом институте
им. В. Г. Белинского в 1981–1985 гг. [21, л. 3]

Структура обучающихся	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.
Прием	1202	1196	1185	1187	1200
Выпуск	987	1074	1137	1055	1025
Контингент	6258	6208	6082	5966	5895

Стратегические просчеты проявились уже к концу 1984 г. Так, например, при проведении проверки в Кузнецком гороно было установлено, что, несмотря на то что к ноябрю 1984 г. формально трудовым обучением на базовых предприятиях было охвачено 88 % школьников, практические вопросы организации производительного труда учащихся не были решены ни в одной из школ. Не были определены виды изделий, не заключены договоры с предприятиями, не начато изготовление изделий, две трети школ не имели условий для развития ручного труда, 71 % школ не имели кабинетов профориентации. А сами базовые предприятия зачастую использовали учащихся как подсобных рабочих [22, л. 29–30]. Аналогичную картину с организацией трудового обучения зафиксировали в ходе проверки в Железнодорожном районе г. Пензы. Подготовка к обучению детей с 6 лет здесь к концу 1984 г. ограничилась лишь разъяснительными мероприятиями [22, л. 7].

Процесс перевода школ на обучение детей с шестилетнего возраста помимо кадровых и общепедагогических трудностей осложнялся проблемами материально-технического обеспечения. Во-первых, это организация горячего питания для школьников. По результатам проверки школ области, в 1984–1985 учебном году по многим районам эта работа была признана неудовлетворительной. Отмечались: плохая обеспеченность пищеблоков технологическим и холодильным оборудованием; сохранение одноразового питания вместо двухразового; крайний недостаток овощных и рыбных блюд; отсутствие молочной продукции в рационе школьников [23, л. 352–353]. Во-вторых, даже в районах, где работа по подготовке к обучению детей была признана успешной, например в Мокшанском районе, отмечался острый дефицит специализированной мебели, спортивного и мягкого инвентаря, особого учебного оборудования, а также потенциальный (в расчете на 1988–1989 учебный год) дефицит педагогических кадров [23, л. 16–17]. В дальнейшем углубление социально-экономического кризиса в целом и дисбаланса потребительской системы в СССР приведет к обострению указанных материально-технических и кадровых проблем.

Изменения в конкретном содержании образования, помимо необходимости его большей ориентации на трудовое обучение и воспитание, были также связаны с введением в рамках реформы 1984 г. новых учебных курсов. Со второго полугодия 1984–1985 учебного года в 9 классах всех средних школ области вводилось преподавание курса «Этика и психология семейной жизни» [22, л. 92]. Однако гораздо более важным как для системы образования, так и в рамках концепции ускорения социально-экономического развития стало введение с 1985–1986 учебного года курса «Основы информатики и вычислительной техники». Новизна предметной области и отсутствие материального обеспечения потребовали экстраординарных мер организационно-методического характера. Так, с 14 по 30 мая 1985 г. на базе средней школы № 12 г. Пензы институтом усовершенствования учителей были проведены спецсеминары «Использование ЭВМ в учебно-воспитательном процессе» для административного персонала школ и работников партийно-политического аппарата, осуществляющего реализацию основных направлений реформ [23, л. 331, 197].

Общее состояние региональной системы образования позволяет предположить, что и на этом направлении возникнут серьезные проблемы

и риски. Так, при преподавании курса «Этика и психология семейной жизни» большинство учителей обходили острые проблемы семейной жизни позднесоветского общества, которые ученикам старших классов уже были ярко видны, ряд вопросов при этом существенно упрощался. Основой методики преподавания курса стал рассказ учителя с элементами беседы, что в условиях растущей демократизации, гласности и соответствующего оживления активности молодежи сводило на нет весь заложенный в курс воспитательный потенциал. При этом далеко не все учителя, получившие такую учебную нагрузку, имели специальную подготовку по данной дисциплине [18, л. 372–373].

Еще более сложным было внедрение в школьную жизнь курса «Основы информатики и вычислительной техники». Здесь помимо методических и кадровых проблем на первый план вышли вопросы материально-технического обеспечения. К концу 1986 г. в передовом в этом плане Октябрьском районе г. Пензы при взаимодействии с базовыми предприятиями в школах № 18, 31, 37, 52, 56 были оборудованы дисплейные классы, а организацию обучения в школах, где таких классов не было, брал на себя завод-втуз. Однако и здесь контролирующие органы зафиксировали ряд недостатков: не уделялось внимания вопросам практического применения ЭВМ в хозяйстве, не были решены вопросы с обслуживанием и ремонтом вычислительной техники в школах [12, с. 12–13]. Более того, в большинстве городских школ дисплейные кабинеты информатики созданы не были. Еще труднее обстояла ситуация с организацией преподавания информатики в районных центрах и в сельской местности.

Проблемы в реализации основных мероприятий в рамках реформы школы были признаны и на общесоюзном уровне. Так, в своем выступлении на XXVII съезде ЦК КПСС М. С. Горбачев отметил: «Темпы и глубина реализации предусмотренных реформой мер еще не могут удовлетворить нас». Особенно генсек заострил внимание именно на проблемах в обеспечении компьютерной грамотности учащихся в рамках интенсификации производства при реализации основных установок концепции ускорения [24, с. 228–229]. Таким образом, уже здесь наблюдается определенное изменение приоритетов развития системы образования в условиях развертывания системных реформ в стране.

В 1987 г., когда к задачам социально-экономической трансформации прибавились проблемы политической нестабильности, реформа образования стала терять свое приоритетное значение. Вместе с тем и на региональном, и на общесоюзном уровне дискурс общественного обсуждения хода реформы переходит в сторону необходимости ее последовательной демократизации. Первым шагом радикальной трансформации стало расширение самостоятельности руководителей образовательных организаций и далее введение выборности директоров школ. Так, в зимние каникулы 1987–1988 учебного года в Канаевской средней школе Городищенского района состоялись альтернативные выборы директора учреждения образования. Учителям, родителям и представителям ученического коллектива предстояло выбрать руководителя из четырех представленных кандидатов [25, л. 1].

4 февраля 1988 г. в областном комитете партии прошла встреча первого секретаря обкома КПСС Ф. М. Куликова с представителями педагогической общественности. Сам факт проведения такой встречи был уже необычен и

весьма соответствовал духу эпохи гласности и демократизации. Необходимость такой встречи была обусловлена подготовкой первого секретаря к работе грядущего февральского пленума ЦК КПСС, на котором предстояло рассмотреть вопрос об углублении образовательной реформы в стране.

В своих выступлениях педагоги подвели итоги реализации основных направлений реформы 1984 г. Так, результаты введения курса «Этика и психология семейной жизни» были признаны большинством педагогов неудачными, прозвучали призывы отменить его преподавание и распределить программу в смежных предметах для снижения нагрузки на обучающихся [25, л. 13]. Проблема с обеспечением компьютерными классами школ региона также осталась неразрешенной: «Все понимали, что нет оборудования, и все-таки ввели». К 1988 г. обеспеченность дисплейными классами в городах составила 27 %, а в сельской местности была близкой к нулю [25, л. 30, 31].

В условиях перевода предприятий на хозрасчет и без того трудные отношения между школой и ее базовыми предприятиями по организации трудового обучения школьников стали рушиться. Часто директорам школ теперь приходилось слышать фразы: «Товарищи, извините, но мы еще сами не заработали, мы не можем ничего выделить». Отказывали по этим же причинам предприятия и даже в организации проведения преддипломной практики студентов, например, строительного института. Не удалось создать в регионе и единый центр по организации профориентационной работы с обучающимися [25, л. 31, 33]. Естественно, что по мере углубления социально-экономических проблем в стране и при расширении экономической самостоятельности предприятий в 1989–1991 гг. проблемы в организации трудового обучения лишь усугублялись.

Общий итог четырех лет реализации реформы был подведен емкой фразой первого секретаря о том, что «много не удастся, все буксует» [25, л. 1]. Завотделом облоно, А. П. Шумилин, объяснял очевидные неудачи реформы таким образом: «Работаем по реализации реформы, а, по сути дела, концепция образования, которая должна быть приведена в соответствие с требованиями, осталась старой. <...> И на заре Советской власти, и спустя 70 лет мы работаем по такому принципу, что основной формой учебно-воспитательного процесса был и есть урок. А жизнь требует сейчас другого, на наш взгляд» [25, л. 4]. Педагогами высказывались идеи о дифференциации обучения, об отходе от ориентации школы на среднего ученика [25, л. 10, 11], что являлось фундаментальной основой всей советской школы. Эта необходимость углубления и расширения реформы образования в условиях перестроечных преобразований, которую отмечали многие педагоги региона и страны, нашла свое отражение в материалах февральского пленума ЦК КПСС 1988 г. и в речи Генерального секретаря партии [26, с. 58–60].

Таким образом, за годы реализации реформы до 1988 г. были достигнуты определенные успехи в развитии образования региона и страны: началось преподавание курса «Основы информатики и вычислительной техники», углублялся процесс связи труда и обучения, только с 1985 по 1988 г. было открыто школ на 21 тыс. учебных мест (при этом в результате закрытия сельских малокомплектных школ общее количество школ за период уменьшилось с 974 до 949), оборудовано свыше 6 тыс. учебных кабинетов, выросла самостоятельность и активность педагогов и администрации школ, несколько

повысился уровень материального обеспечения педагогов [27, л. 4]. Однако при этом не произошло того, что должна была осуществить образовательная реформа 1984 г.: качественной трансформации советской системы народного образования в рамках системного социально-экономического переустройства общества. Реформа носила структурный характер и не затрагивала принципиальных оснований образовательной политики в СССР. Вместе с тем несоответствие целей реформы социальным потребностям и формальный подход к реализации задуманного стали факторами ее низкой эффективности и в конечном итоге провала. А в условиях структурного кризиса СССР и ее многие позитивные достижения затем были отброшены или до конца не реализованы.

Список литературы

1. Алмаев Р. З. Советское школьное образование в историографических дискуссиях постсоветского периода // Преподаватель XXI век. 2022. № 2, ч. 2. С. 279–287.
2. Капранова В. А. Образовательные реформы: отечественный и зарубежный опыт : монография. Минск : БГПУ, 2007. 162 с.
3. Овчинников А. В. Реформа школы 1984 года: предпосылки и ожидания // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2023. № 4. С. 3–11.
4. Овчинников А. В. О реформе советской школы 1984 г. // Пространство и Время. 2014. № 4 (18). С. 190–194.
5. Григорьева Н. А. Государственная политика в области гражданского образования в СССР: противоречия реформы 1984–1988 гг. // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-oblasti-grazhdanskogo-obrazovaniya-v-sssr-protivorechiya-reformy-1984-1988-godov> (дата обращения: 10.10.2024).
6. Булдаков В. Е. Предпосылки возникновения демократических процессов в советском образовании в середине 80-х гг. XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. С. 47–51.
7. Зорькина Л. А., Кретинин Г. В. Организация реформы школьного образования 1984 г. в Калининградской области // Перспективы науки. 2018. № 8. С. 125–134.
8. Иванов А. М., Аксенова Е. К., Зиновьев И. В. Реформирование советской системы школьного образования 1984–1986 гг. (на примере материалов Смоленской области) // Modernscience. 2020. № 4-2. С. 144–149.
9. Аксенова Л. Н. Преобразование в системе школьного образования в 1980-е гг. (на примере Республики Алтай) // Преподаватель года 2022 : сб. ст. Междунар. профессионально-исследовательского конкурса : в 2 ч. (г. Петрозаводск, 22 мая 2022 г.). Петрозаводск : Новая Наука, 2022. Ч. 1. С. 315–322.
10. Макеева Е. А. Школа в идеологической деятельности властей: середина 1960-х – середина 1980-х (на примере Пензенской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. 24 с.
11. Ефремов В. Ф. История ГОРОНО в лицах (Из истории городского отдела народного образования). Пенза : Пенздомстройбыт, 2005. 173 с.
12. Ефремов В. Ф. У руля образования / под ред. Т. А. Чернецовой. Пенза : Пенз. обл. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2000. 144 с.
13. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. : в 16 т. Т. 15 : в 2 ч. Ч. 1. 1983 г. – май 1984 г. М. : Политиздат, 1985. 542 с.
14. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. П-148. Оп. 1. Д. 6730.
15. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 6779.
16. ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 7490.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 39. Д. 8132.

18. ГАПО. Ф. Р-1381. Оп. 1. Д. 4301.
19. ГАПО. Ф. Р-1381. Оп. 1. Д. 4340.
20. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1 Д. 6742.
21. ГАРФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 1041.
22. ГАПО. Ф. Р-1381. Оп. 1. Д. 4184.
23. ГАПО. Ф. Р-1381. Оп. 1. Д. 4240.
24. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи : в 7 т. М. : Политиздат, 1987. Т. 3. 511 с.
25. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1 Д. 7143.
26. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи : в 7 т. М. : Политиздат, 1989. Т. 6. 606 с.
27. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1 Д. 7114.

References

1. Almaev R.Z. Soviet school education in historiographic discussions of the post-Soviet period. *Prepodavatel' XXI vek = Lecturer of the 21st century*. 2022;2(part 2):279–287. (In Russ.)
2. Kapranova V.A. *Obrazovatel'nye reformy: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt: monografiya = Educational reforms: domestic and foreign experience: monograph*. Minsk: BGPU, 2007:162. (In Russ.)
3. Ovchinnikov A.V. School reform of 1984: prerequisites and expectations. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie. Lichnost'. Obshchestvo = Bulletin of Buryat State University. Education. Personality. Society*. 2023;(4):3–11. (In Russ.)
4. Ovchinnikov A.V. On the reform of the Soviet school in 1984. *Prostranstvo i Vremya = Space and Time*. 2014;(4):190–194. (In Russ.)
5. Grigor'eva N.A. State policy in the field of civic education in the USSR: contradictions of the reform of 1984–1988. *Promyshlennost': ekonomika, upravlenie, tekhnologii = Industry: economics, management, technology*. 2008;(4). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-oblasti-grazhdanskogo-obrazovaniya-v-sssr-protivorechiya-reformy-1984-1988-godov> (accessed 10.10.2024).
6. Buldakov V.E. Prerequisites for the emergence of democratic processes in Soviet education in the mid-80s of the 20th century. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl Pedagogical bulletin*. 2012;(1):47–51. (In Russ.)
7. Zor'kina L.A., Kretinin G.V. Organization of the school education reform of 1984 in Kaliningrad region. *Perspektivy nauki = Prospects of science*. 2018;(8):125–134. (In Russ.)
8. Ivanov A.M., Aksenova E.K., Zinov'ev I.V. Reforming the Soviet school education system 1984–1986 (based on materials from the Smolensk region). *Modernscience*. 2020;(4-2):144–149. (In Russ.)
9. Aksenova L.N. Transformation in the school education system in the 1980s (using the Altai Republic as an example). *Prepodavatel' goda 2022: sb. st. Mezhdunar. professional'no-issledovatel'skogo konkursa: v 2 ch. (g. Petrozavodsk, 22 maya 2022 g.) = Teacher of the Year 2022: collection of articles of the International professional research competition: in 2 parts (Petrozavodsk, May 22, 2022)*. Petrozavodsk: Novaya Nauka, 2022;(part 1):315–322. (In Russ.)
10. Makeeva E.A. *School in the ideological activities of the authorities: mid-1960s – mid-1980s (by the example of Penza region): PhD abstract*. Penza, 2007:24. (In Russ.)
11. Efremov V.F. *Istoriya GORONO v litsakh (Iz istorii gorodskogo otdela narodnogo obrazovaniya) = History of the City Department of Public Education in Persons (From the History of the City Department of Public Education)*. Penza: Penzdomstroybyt, 2005:173. (In Russ.)
12. Efremov V.F. *U rulya obrazovaniya = At the helm of education*. Penza: Penz. obl. in-t povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki rabotnikov obrazovaniya, 2000:144. (In Russ.)

13. *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: sb. dok.: v 16 t. T. 15: v 2 ch. Ch. 1. 1983 g. – may 1984 g. = Decisions of the party and government on economic issues: in 16 volumes. Volume 15. In 2 parts. Part 1. 1983 – May 1984. Moscow: Politizdat, 1985:542. (In Russ.)*
14. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. P-148. Op. 1. D. 6730 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 6730. (In Russ.)*
15. *GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 6779 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 6779. (In Russ.)*
16. *GAPO. F. R-2038. Op. 1. D. 7490 = State Archive of Penza region. Fund R-2038. Item 1. File 7490. (In Russ.)*
17. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. A-374. Op. 39. D. 8132 = State Archive of Russian Federation. Fund A-374. Item 39. File 8132. (In Russ.)*
18. *GAPO. F. R-1381. Op. 1. D. 4301 = State Archive of Penza region. Fund R-1381. Item 1. File 4301. (In Russ.)*
19. *GAPO. F. R-1381. Op. 1. D. 4340 = State Archive of Penza region. Fund R-1381. Item 1. File 4340. (In Russ.)*
20. *GAPO. F. P-148. Op. 1 D. 6742 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 6742. (In Russ.)*
21. *GARF. F. R-9606. Op. 1. D. 1041 = State Archive of Russian Federation. Fund R-9606. Item 1. File 1041. (In Russ.)*
22. *GAPO. F. R-1381. Op. 1. D. 4184 = State Archive of Penza region. Fund R-1381. Item 1. File 4184. (In Russ.)*
23. *GAPO. F. R-1381. Op. 1. D. 4240 = State Archive of Penza region. Fund R-1381. Item 1. File 4240. (In Russ.)*
24. *Gorbachev M.S. Izbrannye rechi i stat'i: v 7 t. = Collected speeches and articles: in 7 volumes. Moscow: Politizdat, 1987;3:511. (In Russ.)*
25. *GAPO. F. P-148. Op. 1 D. 7143 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 7143. (In Russ.)*
26. *Gorbachev M.S. Izbrannye rechi i stat'i: v 7 t. = Collected speeches and articles: in 7 volumes. Moscow: Politizdat, 1989;6:606. (In Russ.)*
27. *GAPO. F. P-148. Op. 1 D. 7114 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 7114. (In Russ.)*

Информация об авторах / Information about the authors

Владислав Викторович Поваляхин
соискатель кафедры истории
России и методики преподавания
истории, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Vladislav V. Povalikhin
Applicant of the sub-department
of history of Russia and methods
of teaching history, Penza State
University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

E-mail: povalihin2010@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 04.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.02.2025

Принята к публикации / Accepted 25.03.2025

РЕЦЕНЗИИ

CRITICAL REVIEWS

doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-13

**Национальные окраины позднеимперской России:
адаптация к правовым изменениям во второй половине
XIX – начале XX в.**

В. Ю. Карнишин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
valerykarnishin@mail.ru

**Кирмзе Штефан Б. Империя законности: юридические перемены
и культурное разнообразие в позднеимперской России : монография /
пер. с англ. А. Ланге. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 430 с.**

Для цитирования: Карнишин В. Ю. Национальные окраины позднеимперской России: адаптация к правовым изменениям во второй половине XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 163–169. Рец. на кн.: Кирмзе Штефан Б. Империя законности: юридические перемены и культурное разнообразие в позднеимперской России : монография / пер. с англ. А. Ланге. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 430 с. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-13

**National outskirts of late imperial Russia: adaptation to legal changes
in the second half of the 19th – early 20th centuries**

V.Yu. Karnishin

Penza State University, Penza, Russia
valerykarnishin@mail.ru

**Kirmze Shtefan B. Empire of law: legal change and cultural diversity
in late Imperial Russia : monograph / translated from English by A. Lange.
M. : New letarature review, 2023. 430 p.**

For citation: Karnishin V.Yu. National outskirts of late imperial Russia: adaptation to legal changes in the second half of the 19th – early 20th centuries. *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;2:163–169. A review of Kirmze Shtefan B. Empire of law: legal change and cultural diversity in late Imperial Russia : monograph / translated from English by A. Lange. M. : New letarature review, 2023. 430 p. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-13

© Карнишин В. Ю., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Исследование юридической практики в позднеимперской России в контексте ее влияния на права мусульман стало основой для рассмотрения гораздо более широкого круга проблем в монографии германского историка, доктора Штефана Б. Кирмзе (первое издание монографии нашло отклик в обстоятельной рецензии Е. Л. Каменецкого [1]). Автор обладает достаточно серьезным опытом изучения процессов, характерных для развития окраин Российской империи и реалий, свойственных постсоветской истории: «Он получил диплом бакалавра, обучаясь в Дублинском университете и Горьковском государственном педагогическом институте. Дальнейшие ступени образования – защита докторской диссертации “Молодежь в постсоветской Центральной Азии: переход, глобализация и молодежная культура в Ферганской долине” (2009); хабилитация по современной истории в университете Гумбольдта (Берлин). С 2023 г. Штефан Б. Кирмзе – старший научный сотрудник и координатор исследований в Leibniz-Zentrum современного Востока. В июле 2023 г. он стал главным исследователем гранта “В поисках законности и справедливости: борьба меньшинств в Российской империи и Советском Союзе”».

Автор предпринял попытку проанализировать содержание перемен в отношениях между государством и обществом в контексте реализации судебной реформы 1864 г., при этом в монографии предложена новая оптика осмысления данной проблемы. Речь идет, во-первых, о реализации сравнительного регионального подхода применительно к выявлению общего и особенного в опыте внедрения принципов судебной реформы (Казанская губерния и Крым). При этом констатируется, что акцент на уяснение реалий процессов в губерниях, населенных татарами, позволяет выявить феномен разнообразия в правовой культуре. Во-вторых, можно согласиться с тем, что «изучение связи между правовой, религиозной и национальной политикой» (с. 32), бесспорно, перспективно с точки зрения выявления феномена культурного взаимодействия, создавшего основу для судеб народов нашей страны на новом этапе истории, маркером которой стало создание СССР. В-третьих, сохраняет актуальность проблема адаптации правовой культуры российских мусульман к новациям судебной реформы.

Штефан Б. Кирмзе отмечает, что в поле его научных интересов – процессы взаимодействия этнических и религиозных меньшинств с институтами, рожденными Великими реформами и взаимодействиями татар с русским населением.

Небольшой по объему историографический очерк тем не менее позволяет составить представление об исследовательских диапазонах российской (в меньшей степени) и зарубежной историографии. Отдельные оценки зарубежных историков («правовой апартеид»; «обычное право – это не столько пережиток прошлого, сколько колониальная конструкция», «изобретенная традиция» (с. 36–38)), на наш взгляд, отличаются неоднозначностью и требуют аргументации. Уместно также отметить исследования, которые существенно расширили представления о различных аспектах правового положения мусульман в контексте перемен второй половины XIX в. [2–5].

Возможно, следовало бы учесть и феномен правовых традиций мусульман Казани и Крыма, обратившись к ряду публикаций [6]. Представляет интерес тщательное изучение исторической эволюции адатного и шариатского

судопроизводства в условия имперских преобразований [7, 8], что, к сожалению, не получило должного внимания.

Источниковый потенциал монографии отличается введением в научный оборот документов, хранящихся в фондах Российского государственного исторического архива, Государственного архива Республики Крым (отметим, что автор предпочитает указывать название архива, принятое до вхождения Крыма в состав России, что, очевидно, отражает политическую позицию, с которой мы не можем согласиться), Национального архива Республики Татарстан и Бахметьевского архива в Колумбийском университете.

В монографии мотивируется предпочтение ограничить хронологические рамки исследования концом XIX в.: как полагает Штефан Б. Кирмзе, изучение документов свидетельствует о меньшей репрезентативности в фондах информации об уголовных и гражданских делах: «Изъятие с полок неполитических дел должно было подчеркнуть полицейско-государственный характер ненавистной царской администрации» (с. 55).

Структура монографии отражает сформулированные автором задачи. В первой главе в общей форме изложены особенности правовой интеграции народов с учетом культурных и правовых различий. Большой интерес представляют размышления о соотношении понятий «справедливость» и «правовая культура». Значимость нравственных аргументов трактуется с точки зрения рассмотрения преступлений в печати как повода для осмысления «общественных нравов» (с. 90–91). Заслуживают внимания авторские наблюдения, связанные с феноменом суда присяжных, чьи решения «были в большей степени связаны с новыми представлениями о человеке, размытием понятий вины и вменяемости в уголовном кодексе и расширением состязательности судебной практики» (с. 92). Симптоматично, что в пореформенный период мусульмане могли обращаться в тот судебный орган, который мог с большей вероятностью принять решение в их пользу (с. 103). Заметим правомерность выводов о правовом плюрализме в Российской империи, который оценивается с точки зрения множественности нормативно-правовых порядков (с. 99).

Взаимосвязь между социокультурным разнообразием и спецификой юридических перемен в Казани и Крыму представлена в содержании второй главы. Справедливо отмечена значимость Императорского Казанского университета, в котором были созданы благоприятные основы для реализации судебной реформы в Казанской губернии. В монографии на основе источников сделан вывод о том, что профессия юриста становилась привлекательной на фоне как ожиданий введения института суда присяжных, так и становления института адвокатуры. Особое значение уделено знаковым переменам, свидетельствующим о расширении социальной мобильности: в 1870-х гг. большая часть студентов составляла выходцев из среды горожан (ремесленников и мещан), а также духовенства (с. 115).

Обращаясь к осмыслению феномена татар-мусульман Крыма, Штефан Б. Кирмзе отмечает отличия моделей расселения на полуострове и в Казанской губернии (с. 128–129). Другим фактором являлись различные демографические тенденции: стабильность, свойственная казанским татарам, не была характерна для крымчан (ввиду миграционных потоков в Османскую империю и притока на полуостров из других губерний (с. 130)). Интенсивное развитие рыночных отношений, адаптация казанских татар к новым реалиям,

бесспорно, стимулировали вовлечение их в публичную сферу, что не могло не отразиться на особенностях проведения судебной реформы.

В монографии отмечено, что введение новых институтов судопроизводства сопровождалось обсуждением организационно-правовых вопросов (финансового обеспечения, строительства зданий, их размещения, кадрового потенциала). С этой точки зрения, учитывая площадь Казанской губернии, пришлось отказаться от идеи открыть окружные суды в Чистополе и Чебоксарах, ограничиваясь возведением зданий в губернском центре. Однако и к маю 1870 г. строительство здания так и не было завершено (с. 169). Более благоприятной ситуация оказалась в Крыму (с. 172).

Становление системы судопроизводства, как отмечает автор, сопровождалось наличием ряда сложностей: несовершенством делопроизводства и формирования штата суда присяжных; языковыми проблемами (слабое знание русского языка частью присяжных заседателей). Свою роль играли конфликты интересов: между юристами и управленцами; между государством и частными собственниками (с. 202).

Четвертая глава «Образы и практики в новых судах» посвящена осмыслению культурного плюрализма в повседневной судебной практике. Выясняются некоторые отличительные черты церемониала в деятельности судебных учреждений: демонстрация верности императору; необходимость размещения портретов императора как визуального напоминания о присутствии власти государя; дороговизна мундиров судей (с. 219–223).

Характерно, что в новой правовой системе татары-мусульмане стали занимать ответственные должности (особенно часто – на уровне волостных судей). Автор приводит статистические данные об увеличении представительства татар в Казанской губернии, занимающих должности в системе местного управления и самоуправления (с. 240). Небольшое количество адвокатов-мусульман не исключало наличие многочисленных практик обращения крестьян и ремесленников за юридической помощью к татарам, хорошо знающим русский язык (с. 241).

Изучение традиции обращения мусульман в судебные инстанции представлено в пятой главе исследования. Автор, приводя многочисленные примеры, делает вывод об «отсутствии четкой границы между государственным и местным пониманием права» (с. 256). Письменные жалобы в адрес окружных судов являлись нередко следствием невозможности разрешения конфликта на уровне общины и отсутствия надежд на возможность возмещения ущерба. Новации судебной реформы проявились также в том, что в области гражданского и уголовного права этническая и религиозная принадлежность фактически не имела значения. При этом в материалах предварительного следствия использовались привлечение переводчиков, созданы возможности расписываться по-арабски при подписании документов (с. 270).

Автором убедительно показано, что обновленная правовая система была достаточно приемлема для мусульман Казани и Крыма при возбуждении исков касательно заключения договоров, земельных тяжб и донесений на лиц, совершивших преступления. Суды оказывались своего рода посредниками при неравных условиях в разрешении конфликтных ситуаций в сельской общине. Даже такая традиция, как похищение невесты, признавалась

наказуемым преступлением при невозможности заключения неформальной брачной сделки и получения подтверждения от религиозных судей (с. 283).

В шестой и седьмой главах монографии представлен анализ конфликтогенности и отношений с властями в пореформенный период. Рассматривая содержание коллизий, связанных с проблемами землеустройства, Штефан Б. Кирмзе выделяет различия между Казанской губернией и Крымом. Речь идет о том, что на юге вся территория подверглась межеванию к концу 1860-х гг., в то время как в Поволжье «земля оставалась в значительной степени неразмежеванной» (с. 301). Помимо этого на фоне роста численности сельского предпринимательства наблюдается рост цен на землю при все более обострившемся земельном голоде. Автор обращает внимание на важные наблюдения В. Берви-Флеровского и И. Л. Морозова, отмечавших низкую смертность среди казанских татар и последствия традиции наследования земельных наделов, что обуславливало их постоянное дробление (с. 304). Факты сопротивления татар судебным приставам, полицейским, как показывает автор, отнюдь не являлись отражением влияния революционной пропаганды или неприятия государственных институтов. Особо отметим значимость утверждения автора об отсутствии глубокого межэтнического антагонизма между русскими и татарами: «Взаимопомощь практиковалась не только в межэтнических деревнях и между ними, но и за пределами этноконфессиональных границ. Русские и татары помогали друг другу, ходили друг к другу в гости, вместе справляли праздники» (с. 293).

Анализируя содержание конфликтов в татарских селах в 1878 г., автор констатирует, что поводом стала инструкция, явно непрофессионально подготовленная Казанским губернским по крестьянским делам присутствием, в которой содержались правила принятия мер по противопожарной безопасности (строительство колокольных башен), указания по преподаванию Закона Божьего в школах, сбору денег на содержание церквей. Опасения возможного обращения мусульман в православие (а содержание инструкций исключало подобные подозрения) тем не менее отражали недовольство не по отношению к русскому населению, а к местным чиновникам. В Казанском уезде побоям подвергли не только полицейских стражников, но и волостного старшину Гизетеллу Галеева и писаря Илью Завалишина. Занимавший должность Казанского губернатора Н. Я. Скарятин предпочел восстанавливать порядок на основе массовой порки розгами, что вызвало достаточно четкую реакцию сенатора М. Ковалевского: «Как блюстители порядка... губернаторы сами не в коем случае не могут быть судьями» (с. 350). В дальнейшем Уголовный кассационный департамент Сената квалифицировал действия уже бывшего губернатора как «тяжкие побои», что могло повлечь частичное лишение прав и привилегий, а также наказывалось лишением свободы (с. 359). Резонанс в обществе на дело Скарятина, действительно, свидетельствовал об изменениях в настроениях подданных, ожидавших равенства перед законом и улучшения правового положения этнических меньшинств. В то же время (и с этим также следует согласиться) реализация судебной реформы была отнюдь не линейным и беспрепятственным процессом (с. 364).

Штефан Б. Кирмзе справедливо утверждает, что анализ конфликтов в позднеимперской России позволяет воспринимать их как продукты скорее

социальной стратификации, чем этнических или религиозных различий. Политика по отношению к национальным меньшинствам вполне могла быть уяснена без ставшего в ряде политизированных работ термина «русификация», поскольку имперская политика не была направлена на навязывание русских традиций ни на Западе, ни на Востоке (с. 192).

И, что особенно важно, автор справедливо ставит вопрос о «дилемме различий»: равенство одновременно утверждает разнообразие и требует равного обращения (единообразия). Для многонациональной Российской империи данная проблема имела особое значение, что создает основы для дальнейшего исследования ее новых граней.

Список литературы

1. Каменецкий Е. Л. Перспективы сравнительных исследований правовых изменений в позднеимперской России: судебная реформа 1864 г. в Крыму и Поволжье // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 3. С. 1044–1058. Рец. на: Kirmse S. B. *The Lawful Empire: Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia*. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. 341 p.
2. Воробьева Е. И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия (вторая половина XIX – 1917 г.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 195 с.
3. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб. : ЛИСС, 1998. 1002 с.
4. Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань : Мастер Лайн, 2002. 452 с.
5. Усманова Д. М., Михайлов А. Ю. Ислам и православие в позднеимперской России: институты и социально-правовой статус (на примере Волго-Уральского региона). Казань : Яз, 2014. 188 с.
6. Гатин А. Традиции мусульманского права в Среднем Поволжье: история и современные задачи // *Minbar. Islamic Studies*. 2011. № 4 (2). С. 43–51.
7. Гусейнов М. А. «Адаты кумыков» – национальный памятник обычного права // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX – начале XX века : материалы Всерос. науч. конф. (г. Карачаевск, 24–26 сентября 2009 г.) / отв. ред. П. И. Магаяева. Карачаевск : КЧГУ, 2009. С. 101–106.
8. Гусейнов Ю. М. Эволюция и корреляция мусульманского права и адата у кумыков в XVIII–XXI вв. : дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2022. 435 с.

References

1. Kamenetskiy E.L. Prospects for Comparative Research on Legal Changes in Late Imperial Russia: The 1864 Judicial Reform in Crimea and the Volga Region. *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii* = *Historia provinciae – journal of regional history*. 2023;7(3):1044–1058. (In Russ.). Review of: Kirmse S. B. *The Lawful Empire: Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019:341.
2. Vorob'eva E.I. *The Muslim question in the imperial policy of the Russian autocracy (second half of the 19th century – 1917): PhD dissertation*. Saint Petersburg, 1999:195. (In Russ.)
3. Dyakin V.S. *Natsional'nyy vopros vo vnutrenney politike tsarizma (XIX – nachalo XX vv.)* = *The national question in the domestic policy of tsarism (19th – early 20th centuries)*. Saint Petersburg: LISS, 1998:1002. (In Russ.)

4. *Islam i musul'manskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e: istoriya i sovremennost'. Ocherki = Islam and Muslim culture in the Middle Volga region: history and modernity. Essays.* Kazan: Master Layn, 2002:452. (In Russ.)
5. Usmanova D.M., Mikhaylov A.Yu. *Islam i pravoslavie v pozdneimperskoy Rossii: instituty i sotsial'no-pravovoy status (na primere Volgo-Ural'skogo regiona) = Islam and Orthodoxy in late Imperial Russia: institutions and socio-legal status (by the example of Volga-Ural region).* Kazan: Yaz, 2014:188. (In Russ.)
6. Gatin A. Traditions of Muslim law in the Middle Volga region: history and modern challenges. *Minbar. Islamic Studies.* 2011;(4):43–51. (In Russ.)
7. Guseynov M.A. “Adata of the Kumyks” – national monument of customary law. *Obychnoe pravo i pravovoy plyuralizm na Kavkaze v XIX – nachale XX veka: materialy Vseros. nauch. konf. (g. Karachaevesk, 24–26 sentyabrya 2009 g.) = Customary law and legal pluralism in the Caucasus in the 19th – early 20th centuries: proceedings of the All-Russian scientific conference (Karachaevesk, September 24–26, 2009).* Karachaevesk: KChGU, 2009:101–106. (In Russ.)
8. Guseynov Yu.M. *Evolution and correlation of Muslim law and adat among the Kumyks in the 18th – 21st centuries: DSc dissertation.* Saransk, 2022:435. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Валерий Юрьевич Карнишин

доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой
истории Отечества, государства
и права, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Valeriy Yu. Karnishin

Doctor of historical sciences,
professor, head of the sub-
department of the history
of Russia, state and law, Penza
State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

E-mail: valerykarnishin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 15.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.03.2025

Принята к публикации / Accepted 02.04.2025

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год. Научные направления (отрасли науки и группы специальностей):

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел. +7 (8412) 64-32-89; e-mail: volgavuz@pnzgu.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «История. Общество. Политика», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Просвещение. Образование. Педагогика». Подписной индекс – 36967.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись)

(ФИО)

Дата «____» _____ 20__ г.